

ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник – 2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

**ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

ЕЖЕГОДНИК – 2014

**ОБЪЕКТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ**

**ДИСКУРС В ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

ТЕКСТ В МИРЕ ТЕКСТОВ

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ**

ПЕРЕВОДЫ

Altai State University
REC Philological Studies of Communication
Department of Modern Russian Language and Communication

Philological Studies of Communication

Annual – 2014

Altai State University Publishing House
Barnaul 2014

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Научно-образовательный центр
филологических исследований коммуникации
Кафедра современного русского языка и речевой коммуникации

**Филолого-коммуникативные
исследования**

Ежегодник – 2014

Издательство Алтайского государственного университета
Барнаул 2014

ББК
Ф

Редакционный совет

Л. Г. Антонова (Ярославль), Е. Н. Басовская (Москва), Т. Д. Венедиктова (Москва), Е. Г. Елина (Саратов), В. В. Красных (Москва), Е. В. Осетрова (Красноярск), Л. А. Петрова (Одесса, Украина), И. Н. Розина (Ростов-на-Дону), М. Ю. Сидорова (Москва), О. Б. Сиротинина (Саратов), К. Б. Уразаева (Астана, Казахстан), Э. Хоффман (Вена, Австрия), А. П. Чудинов (Екатеринбург).

Научные редакторы

А. А. Чувакин (Барнаул, Алтайский государственный университет)
И. В. Силантьев (Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Редакционная коллегия

С. В. Доронина, И. Ю. Качесова, А. И. Куляпин, С. А. Мансков, Н. В. Панченко, Е. А. Савочкина, А. А. Стриженко, Ю. В. Трубникова (ответственный редактор), Т. В. Чернышова, И. А. Широких.

Рецензенты

Л. О. Бутакова, доктор филологических наук (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского);
Т. М. Григорьева, доктор филологических наук (Сибирский Федеральный университет, Красноярск)

Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник–2014 / науч. ред. А. А. Чувакин; И. В. Силантьев; отв. ред. Ю. В. Трубникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 289 с.
ISBN

В первом выпуске ежегодника рассматриваются объекты филологического исследования коммуникации (школьный учебник, коммуникативные стратегии и тактики, эвокационный механизм коммуникации, интернет-коммуникация и др.), дискурс как филолого-коммуникативная проблема, разные грани текста, проявляющиеся в мире текстов. Обсуждаются различные прикладные аспекты филологического исследования коммуникации, связанные коммуникативной подготовкой филологов-коммуникативистов в вузе, медиа-коммуникации, юридической лингвистики, обучением русскому языку как неродному. Публикуются также переводы извлечений из иноязычных исследований проблем коммуникации.

Книга адресована специалистам в области гуманитарных – прежде всего филологических и коммуникативных – наук, практикам, а также обучающимся и всем интересующимся филолого-коммуникативной проблематикой.

The first issue of the annual deals with the objects of philological studies of communication (school textbooks, communication strategies and tactics, evocation pattern of communication, Internet communication, etc.), discourse as a philological and communication topic, different properties of the text. Various aspects of applied philological research of communication – teaching communication, media communication, juridical linguistics, Russian as a second language – are under discussion. Some extracts of the works by foreign scientists are given in their original and translated variants.

The book is of interest to philologists and experts in communication, engaged in the studies of the topics mentioned above.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	12
------------------	----

Объекты филологического исследования

М. Ю. Сидорова. Школьный учебник как генератор коммуникативных проблем	14
У. Патоцка-Сигловы. Коммуникативные стратегии в диалоге на основе газетного интервью	34
З. В. Баишева. Драматизация речи как реализация тактики «перевоплощение» в судебных выступлениях А.Ф. Кони.....	48
Э. В. Малыгина. Об одном из признаков кризисной коммуникации как объекта эвокации.....	67
Е. И. Клинк, А. А. Шмаков. Возможности методики коммуникативного моделирования при изучении различных типов коммуникации.....	71
С. А. Медведев. Синтетичность областей применения письменной и устной речи как характерная черта интернет-речи (на материале текстов институционального и бытового дискурсов).....	81

Дискурс в филолого-коммуникативных исследованиях

Э. А. Лазарева. Представление типологии семиотически неоднородного дискурсивного канала.....	88
Т. В. Чернышова. Коммуникативная парадигма : актуальные аспекты изучения языка СМИ.....	100
И. Ю. Качесова. Развертывание как способ воспроизведения аргументативного дискурса в тексте.....	111
Д. А. Кожанов. Языковая личность исследователя-гуманитария в тексте художественного произведения.....	121
Ю. В. Трубникова. Аннотация : современные проблемы владения жанром	127
К. Alaverdian. La morale c'est la vérité (Šukšin et Dostojevskij)	136

Текст в мире текстов: аспекты исследования

Т. Н. Василенко. К проблеме понятия «родственный текст» в деривационном аспекте исследования текстовой совокупности.....	151
--	-----

К. Е. Гайер. Об одном из способов комментирования текстов Умберто Эко.....	155
А. В. Игнатовская. Денотативная структура оригинального и адаптированного текстов : сопоставительный анализ (на материале рассказа В. Драгунского «Что любит Мишка»)	161
Е. С. Катунина. Синтаксические трансформации текста при переводе на русский язык (на материале романов С. Моэма).....	168
И. А. Широких. Текст как среда функционирования бытийной семантики.....	171
В. В. Филиппов. Авторское слово в художественном тексте.....	178
О.В. Марьяна. Авторская маска в текстах русской художественной прозы рубежа XX–XXI веков	186
Н.Ю. Чернышева. Коммуникативная направленность эмоционально-смыслового компонента музыкально-поэтического текста при его восприятии (экспериментальное исследование на материале творчества Ю. Визбора).....	190

Филолого-коммуникативные исследования : прикладные проблемы

А.А. Чувакин. «Филология и коммуникативные науки» : проект учебного издания для магистратуры	194
Г.А. Кажигалиева. Коммуникативное направление (концепция, методы, приемы) в контексте преподавания русского языка как неродного в казахстанском педагогическом вузе	201
А.Б. Бушев. Глобальный медиадискурс в Интернете и его анализ	214
К.В. Прохорова. Пунктуация современного медиатекста в аспекте интенциональности	218
Н.А. Корнилова. Пунктуация в аспекте коммуникативной неудачи (на примерах из текстов современных СМИ)	227
С.В. Доронина. Эргоним как идентификационный код : коммуникативный и правовой аспект.....	233
Т.А. Полтавец. Семантический анализ как метод выявления модальных эпистемических значений в практике лингвистических экспертиз	240

Переводы

Эрик Барноу. Предисловие (Перевод <i>И.А. Широких</i>)	246
Шерил Хамилтон. Определяя коммуникацию (Перевод <i>Е.В. Демидовой</i>).....	250

Шерил Хамилтон. Базовая модель коммуникации (Перевод <i>Е.В. Демидовой</i>).....	252
Кристофер Дэвис. Разделенные общим языком : Справочник по американскому и британскому английскому (Перевод <i>Е.В. Демидовой</i>).....	254
Клод Жермен. Понятие ситуации в лингвистике (Перевод <i>Т.Н. Василенко</i>).....	258
Цтирад Босак. Несколько замечаний о монологе (Перевод <i>А.А. Чувакина</i>)	261

Хроника

А.А.Чувакин. Международный научный семинар «Филология и коммуникативные науки в мире культуры, науки и образования: XXI век» (Барнаул, Алтайский госуниверситет, 8 апреля 2014 г.).....	265
Резюме	277
Наши авторы	288

CONTENTS

Preface	12
---------------	----

The Objects of Philological Studies

M.Yu. Sidorova. The school textbook as a source of communication issues	14
U. Patocka-Siglowy. Communicative strategies in the dialogue based on a newspaper interview	34
Z.V. Baisheva. The dramatization of speech as the usage of <i>transformation</i> tactics in the court's speeches of A.F. Koni.....	48
E.V. Malygina. On one of the crisis communication features, as the object of evocation	67
E.I. Klink, A.A. Shmakov. Potential of communicative method of modeling in research of different types of communication	71
S.A. Medvedev. Synthesis of application areas of written and oral speech as a characteristic feature of Internet-speech (on the material of the texts of institutional and everyday discourses)	81

Discourse as a Philological and Communication Topic

E.A. Lazareva. Representation of the classification of semiotic heterogeneous discursive channel	88
T.V. Chernyshova. Communicative paradigm : current issues in the study of media language.....	100
I.Yu. Kachesova. Extension as one the ways of expressing the argumentative discourse in a text.....	111
D.A. Kozhanov. The linguistic identity of a scholar in fiction	121
Yu.V. Trubnikova. Contemporary issues of abstract writing.....	127
K. Alaverdian. Moral is truth (Shukshin and Dostoevsky)	136

Text in the «World of Texts» : Aspects of Studies

T.N. Vasilenko. On the problem of the term 'akin text' in the derivational approach of studying a text family.....	151
K.E. Gayer. One of the ways of reviewing Umberto Eco's texts	155
A.V. Ignatovskaya. Denotative structure of the original text and the adapted one: the comparative analysis	

(using V. Dragunovskiy's story <i>Chto lyubit Mishka</i> (<i>All that Mishka likes</i>))	161
E.S. Katunina. Syntax text transfers in S. Maugham's novels translated into Russian	168
I.A. Shirokikh. Text as the sphere of existential semantics implementation..	171
V.V. Philippov. The author's speech in fiction.....	178
O.V. Maryina. The author's mask in the Russian prose in XX–XXI centuries	186
N.Yu. Chernysheva. Communicative orientation of emotional semantic aspect of musical and poetic text and its perception (experimental research based on Yu. Vizbor's works).....	190

Philological Studies of Communication : Applied Issues

A.A. Chuvakin. <i>Philology and Communication Science</i> : the project of the book for graduate students	194
G.A. Kazhigaliyeva. Communicative aspect (theory, methods, techniques) of teaching Russian as a foreign language in the Kazakh Pedagogical University	201
A.B. Bouchev. Global media discourse in the Internet and its analysis	214
K.V. Prohorova. The intentional aspect of modern mediatext	218
N.A. Kornilova. Punctuation in the aspect of communicative failure (examples from modern media texts)	227
S.V. Doronina. Ergonym as an identification code : communicative and legal aspect	233
T.A. Poltavets. Semantic interpretation as a method of modal epistemic meaning identification in linguistic expertise practice	240

Translations

Erik Barnouw. Preface (<i>Перевод И. А. Широких</i>)	246
Cheryl Hamilton. Communication Defined (<i>Перевод Е. В. Демидовой</i>).....	250
Cheryl Hamilton. The Basic Model of Communication (<i>Перевод Е. В. Демидовой</i>).....	252
Christopher Davies. Divided by a Common Language : A Guide to British and American English (<i>Перевод Е. В. Демидовой</i>)	254
Claude Germaine. La notion de situation en linguistique (<i>Перевод Т. Н. Василенко</i>).....	258
Čtírad Bosák. Poznámky o monologue (<i>Перевод А. А. Чувакина</i>).....	261

Chronicle

A.A. Chuvakin. International academic seminar *Philology and Communication Science throughout Culture, Science and Education: the XXIst century* (Barnaul, Altai State University, 8 April 2014)..... 265

Summary.....277

Our authors.....288

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования» предпринимается по решению кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета (АлтГУ) и научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации (НОЦ), созданного АлтГУ и Институтом филологии СО РАН на базе АлтГУ.

В основе нашего проекта лежит представление о значимости коммуникации для современного человека, общества, государства. Недаром E. Barnouw, главный редактор «International Encyclopedia of Communications», охарактеризовал современный период развития человечества как период коммуникативной революции («communications revolution»), которая связывается с участием широкого спектра гуманитарных наук в складывании и развитии теории коммуникации. В числе этих наук, по нашему мнению, находится и филология, фундаментом которой в XX веке стала ее коммуникативная ориентированность. Отношения филологии и коммуникативных наук на рубеже XX–XXI веков можно оценить как взаимное тяготение объектов исследования, его принципов, методов и материала, общая значимость полученных результатов. Складываются новые пограничные и междисциплинарные области – коммуникативная парадигма в филологии, филологическая теория коммуникации в коммуникативных науках.

Издание ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования» на Алтае оказывается возможным в контексте развития филолого-коммуникативных исследований на кафедре русского языка, литературы и речевой коммуникации при участии членов кафедры германского языкознания и иностранных языков, коллег с других кафедр факультета, из других вузов и благодаря научным связям с Институтом филологии СО РАН. Результатом сотрудничества стала подготовка и защита около 50 кандидатских и докторских диссертаций по филологориторико-коммуникативной проблематике, регулярное проведение научных конференций по теме «Человек – коммуникация – текст» (с 1995 года), а затем – «Коммуникативистика в современном мире» (с 2005 года), издание сборников статей «Человек – коммуникация –

текст» (1997–2008), подготовка и издание монографических исследований, учебных и учебно-методических трудов филолого-коммуникативного профиля для университетов России.

Полагаю, что начинающееся издание «Филолого-коммуникативные исследования. Ежегодник» означает новый этап объединения творческих сил в филологии и коммуникативных науках. От имени редколлегии выражаю благодарность коллегам, поддержавшим идею создания ежегодника и вошедшим в состав редакционного совета издания.

Первый выпуск ежегодника посвящен традиционным филолого-коммуникативным проблемам поиска объекта исследования, а также теме дискурса и текста и содержит материалы теоретического и прикладного характера. Их авторы – специалисты России, а также Бельгии, Казахстана, Польши. В книгу включены также извлечения из иноязычных научно-прикладных сочинений по коммуникативистике и их переводы на русский язык, подготовленные специально для данного издания; этот материал может быть использован в научно-образовательной практике.

Выражаю благодарность Издательству АлтГУ (директор – В. Е. Мозес) и рецензентам: доктору филологических наук Л. О. Бутаковой (Омский госуниверситет им. Ф. М. Достоевского); доктору филологических наук Т. М. Григорьевой (Сибирский Федеральный университет, Красноярск).

А. А. Чувакин

ОБЪЕКТЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК КАК ГЕНЕРАТОР КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОБЛЕМ

М.Ю. Сидорова

Ключевые слова: русский язык, учебник, учебная коммуникация, теория речевых актов, коммуникативный регистр.

Keywords: the Russian language, textbook, teaching communication, the speech acts theory, communicative register.

В современной теории школьного учебника модно характеризовать учебник как «модель учебного процесса». Нам представляется, что не менее важно рассматривать учебник как модель коммуникативного процесса – то есть речевого поведения участников коммуникативной ситуации, в которой функционирует текст в соответствии с параметрами этой ситуации (например, по Р. О. Якобсону). Это речевое поведение может быть эффективным и неэффективным, способствовать или препятствовать установлению коммуникативной комфортности. Безусловно, данные параметры связаны не только с учебником, однако во многих отношениях именно особенности текста учебника определяют эффективность и комфортность трех взаимосвязанных реализаций обсуждаемого коммуникативного процесса: (1) обучения ученика учителем; (2) учения ученика по учебнику; (3) учебного взаимодействия ученика с родителями на основе учебника. Последний компонент не менее важен, чем два предыдущих, однако в отличие от них абсолютно лишен внимания лингвистов, в результате чего образуется резкое расхождение актуальности прикладных задач с отсутствием предложений по их решению на серьезной лингвистической базе. Конфликтogenность такого сегмента семейного общения, как проверка

домашних заданий родителями, весьма высока, в то же время не вырабатаны никакие лингвистически и психологически обоснованные принципы понижения конфликтности коммуникации в этом сегменте. Мамы и папы, регулярно берущие на себя труд проверить устное или письменное домашнее задание, столь же регулярно вступают с ребенком в стандартные конфликтные модели коммуникации, которые, как мы далее увидим, генерируются нарушением в учебниках, с одной стороны, принципов того, что сейчас на Западе называют instructional design, с другой – важнейших постулатов теории речевых актов.

(1) Конфликт стимулируется репликой родителя, например:

(1а)

– Почему ты не можешь ответить на этот вопрос [из учебника]? Ты, что, не читал параграф?

– Там об этом не сказано.

(1б)

– Перескажи параграф, который тебе задали.

– Опасность – это начавшееся или возможное неблагоприятное воздействие на человека и его окружающую среду вредных факторов различного происхождения: вероятность возникновения неблагоприятного события...

– Что это за бред?

– Так в учебнике.

(2) Конфликт стимулируется репликой ребенка:

(2а)

– Это задание тупое (непонятное, дурацкое) – я не буду его делать.

– А ты постарайся его понять (Прочитай еще раз). Учебники умные люди составляют.

– Тогда ты объясни мне (Попробуй сам(а)!)

– ???

(2б)

– Что нового я узнал о дятле из этого текста? Что нового я узнал о дятле...? Да ничего нового я не узнал! Я все это уже знал о дятле.

– Раз велено написать – напиши. Выбери что-нибудь, все равно что (Не может быть! Учебники умные люди составляют. Ты точно не все это знаешь про дятла!).

– Не буду (Ты, значит, меня приучаешь обманывать? Как вариант: скрепя сердце, пишет, но считает себя обиженным).

В данной статье анализируются с коммуникативной точки зрения те черты текста современного учебника, которые помогают или мешают ему успешно обслуживать перечисленные выше составляющие учебно-коммуникативного процесса, в том числе родительский контроль.

Исходные положения

1. Каждый школьный учебник совмещает монологические коммуникативные регистры с диалогическими. В нем, таким образом, выделяются фрагменты, имеющие коммуникативной целью сообщение (репродуктивный, информативный и генеритивный регистр) и побуждение к действию или речевому действию (волюнтивный регистр – собственно побудительные и вопросительные конструкции). Соотношение репродуктивного, информативного и генеритивного регистров варьируется не только в зависимости от предмета и концепции его преподавания, закрепленной действующими стандартами и программами, но и в зависимости от намерения авторов. Также варьируется соотношение регистровых блоков с иллюстративным материалом (рисунками, таблицами, схемами, графиками и т.п.)

2. Учебник используется в коммуникативных ситуациях разных типов, достаточно сильно варьирующихся по степени официальности, количеству участников, форме речи, монологичности/диалогичности (ср., например, проводимый учителем на уроке фронтальный опрос и проверку родителями домашнего задания по модели «Перескажи мне этот параграф»). Обычно под коммуникативной ситуацией понимается непосредственное «здесь и сейчас» коммуникантов, однако для учебника, тем более в условиях сегодняшней компетентностно-ориентированной школы, коммуникативную ситуацию целесообразно рассматривать шире: выводить ее за пределы класса, а иногда и за пределы школы. Соответственно, учебник может использоваться в таком широко понимаемом «здесь и сейчас», которое помогает усвоению его содержания, или, напротив, текст его может настолько противоречить «здесь и сейчас» учащихся, что вызывает у них либо резкий когнитивный диссонанс, либо неосознанное падение мотивации к обучению.

3. Инвариантным коммуникативным параметром учебника по отношению ко всем ситуациям его использования является «проверяемость»: текст учебника должен быть написан (сконструирован) таким образом, чтобы его можно было не просто выучить, но проверить это знание; задания должны быть организованы так, чтобы их можно было не только выполнить, но и проверить. Должны задаваться четкие алгоритмы не только для обучаемого (что и как запомнить? что и как сде-

ать?), но и для обучающихся (что и как проверить?). Подчеркнем, что этот коммуникативный параметр отсутствует, например, у энциклопедии, справочника, научной или научно-популярной статьи, для которых читатель текста рассматривается как его конечный потребитель. У текста учебника более сложная коммуникативная рамка: ученик как главный читатель, которому этот текст предназначен, не является в то же время его конечным потребителем. Прочтение и выучивание текста, решение задачи и т.п. не есть конечная стадия коммуникативного процесса, на которой можно сказать: «Да, текст успешно выполнил свою коммуникативную функцию». Результаты прочтения и других коммуникативных и когнитивных действий должны быть предъявлены – родителям дома, учителю на уроке, комиссии на ГИА или ЕГЭ, и именно успешность этого предъявления определяет то, насколько успешно учебник сыграл свою роль в учебной коммуникации. Чем-то это напоминает многослойную, полисубъектную рамку текста драматического произведения (ср. рис. 1, 2).

Рис. 1. Коммуникативная рамка драматического произведения

Рис. 2. Коммуникативная рамка текста учебника¹

В данных схемах требуют комментария некоторые обозначения. Под этикетками «актеры», «родители» и «учителя» скрываются любые участники коммуникации, выполняющие соответствующие коммуникативные роли (осветители и декораторы, бабушки и няни, методисты, репетиторы и экзаменаторы любого ранга). «Адресат-посредник» отличается от промежуточного адресата тем, что его прямая задача – передать текст (его содержание) адресату, для которого этот текст предназначен. Прямая задача промежуточного адресата – самому освоить текст (его содержание) так, чтобы конечный адресат мог это проконтролировать путем получения текста от промежуточного адресата. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о коммуникативной составляющей – знания и умения, почерпнутые из учебника, конечно, остаются «в голове» ученика, а не передаются учителю как предмет из рук в руки (хотя печально известный принцип «сдал – забыл» еще никто не отменял).

4. Жанр учебника и коммуникативные ситуации его использования задают антиномичные требования к его тексту: **единообразие** представления информации (учебник должен быть сконструирован таким образом, чтобы структура каждого последующего параграфа соответствовала текстовым «ожиданиям» учащихся, сформированным

¹ Родители в качестве адресатов-посредников в современных учебниках, как правило, не учитываются.

предыдущими параграфами, чтобы в голове у учащихся шло – сознательное или бессознательное – накопление повторяющихся внешних (языковых, композиционных, дизайнвых) свойств этого текста, позволяющих лучше освоить его содержание, чтобы максимально «снялась» когнитивная нагрузка, создаваемая способом представления информации, и все мыслительные усилия шли только на преодоление имманентно присущей изучаемому материалу когнитивной нагрузки) vs отсутствие **однообразия**.

5. Рассматривая учебник как речевой макроакт, можно формулировать к нему в целом или к его частям (информативной и инструктивной) соответствующие требования, например, требования искренности – к заданиям.

Задание считается отвечающим критерию искренности, если, обращенная к ученику интенция автора, формулирующего это задание, включает следующие установки:

- (1) Ты можешь (способен) понять формулировку этого задания;
- (2) Ты можешь (способен) установить связь этого задания с предшествующим и последующим текстом учебника;
- (3) Ты можешь (способен) выполнить это задание;
- (4) Ты можешь (способен) предъявить выполненное задание в такой форме, что учитель сможет (объективно) его оценить.

Наконец, поскольку учебная коммуникация по сути своей диалогична, к учебнику приложимы с соответствующей модификацией постулаты Грайса, составляющие принцип Кооперации [Грайс 1985]: коммуникативный вклад автора учебника на каждом шаге учебной коммуникации должен быть таким, какого требует цель (направление) этой коммуникации. Это максимы Качества («Старайся, чтобы твое высказывание было истинным»), Количества (высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для достижения текущих целей коммуникации, которые в данном случае определяют не оба коммуниканта, а именно автор учебника), Отношения (релевантности) и Способа (ясности выражения).

Начнем наше рассмотрение с **коммуникативной проблемы № 1**, которая является явным нарушением максим Количества и Способа, резко понижает «проверяемость» материала, а значит, повышает его конфликтогенность. Относительно некоторых используемых сейчас в школе учебников эту проблему можно охарактеризовать даже как не коммуникативную, а когнитивную катастрофу, – отсутствие четко структурированных двучастных дефиниций типа $X - это Y, X является Y, Y называется X$ и под. даже для основных понятий. Приведем в ка-

честве примера параграф «Воздушная одежда Земли» из учебника природоведения для 5 класса авторов А. А. Плешакова, Н. И. Сонина, с. 85 (задание на дом выглядело следующим образом: «Я буду спрашивать по выделенным словам»):

Атмосфера Земли – это хорошо знакомый нам воздух. Он представляет собой смесь газов, в которой 78% составляет азот, около 21% - кислород, а 1% приходится на другие газы, в том числе углекислый газ и пары воды. Кроме того, в воздухе содержится капельки воды, кристаллики льда, частички различных примесей...

С высотой температура в нижнем слое атмосферы понижается на 6° на каждый километр. Поэтому пары воды, поднимающиеся с поверхности Земли, охлаждаются и превращаются в мельчайшие водяные капельки или кристаллики льда. Из них образуются облака.

По внешнему виду различают перистые, слоистые и кучевые облака. Со слоистыми и кучевыми облаками связано выпадение осадков. Осадки могут быть жидкими (дождь) и твердыми (снег, град).

Спросим «по выделенным словам». Что такое атмосфера? Что такое перистые облака? Слоистые облака? Кучевые облака? «Том! – Нет ответа», – вспоминается классика детской литературы. Четкого ответа и не будет, поскольку в учебнике нет дефиниций соответствующих понятий (квазисинонимическое утверждение, что атмосфера – это хорошо знакомый нам воздух, вряд ли можно считать не то что научным, но даже учебным определением). Нет дефиниции и облаков как родового понятия, осадков как родового понятия. Что спрашивать ответственного учителю и что отвечать разумному ученику? Если учитель желает организовать на уроке нормальную учебную коммуникацию по теме параграфа, он вынужден будет продиктовать определения сам, тем более, что в толковых словарях и разного рода детских и недетских энциклопедиях они даны четко и просто: *Атмосфера Земли (от греч. *atmos* – дыхание и *sphaira* – шар) – воздушная оболочка, окружающая землю; Облака – видимые на небе скопления водяных паров, сгустившихся в атмосфере и превратившихся в частицы воды и кристаллы льда; Перистые облака – облака белого цвета, находящиеся высоко и напоминающие по форме волокна или перья и т.п.*

Анализ значительного количества учебников по разным предметам для 4–6 класса убедил нас в том, что наличие или отсутствие необходимых дефиниций – черта стиля авторов, проходящая по всему тексту, а не спорадическая. Так, например, резко противопоставлены по этому параметру упомянутый учебник «Природоведение» для 5 класса и «География» для 6 класса Т. П. Герасимовой, Н. П. Неклюковой.

В первом даже подпараграфы, посвященные одинаковым сущностям, авторы не начинают единообразными определениями (*Евразия –*

это самый большой материк... Африка – второй по величине материк... Северная Америка. В рельефе этого материка преобладают равнины...).

Во втором учебнике дефиниция – опорный столп учебной коммуникации: определения понятий разнообразны по структуре и способам соединения с предшествующим и последующим текстом, при этом они в эксплицитном виде присутствуют при всех вводимых понятиях, сколько бы их ни приходилось на урок. Пример из параграфа, посвященного Мировому океану (с. 72–73):

В зависимости от положения по отношению к материку моря бывают внутренними и окраинными. Внутренними называются моря, почти со всех сторон окруженные сушей, например, Черное. Моря, находящиеся у краев материков, называют окраинными. Примером окраинного моря является Берингово море. В Атлантическом океане есть «море без берегов» – Саргассово море, границы которого образуют океанические течения.

Задание. Пользуясь картами атласа, определите, внутренними или окраинными являются моря [...] Частью каких океанов являются эти моря?

Залив – часть океана, моря, вдающаяся в сушу [1 предложение о свойствах заливов. Примеры – показать на карте]

Задание. Сформулируйте правило, как надо показывать на карте море и залив.

Части Мирового океана соединяются между собой проливами. Пролив – узкое водное пространство, ограниченное с двух сторон берегами материков или островов.

Задание. Пользуясь картами атласа, определите, какие океаны соединяет: а) Берингов пролив; б) Магелланов пролив. Какие материки или острова разделяют эти проливы?

Самый широкий на Земле пролив – пролив Дрейка, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Его ширина около 1000 км. Гибралтарский пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном, в самом узком месте не шире 14 км.

Что здесь хорошо? Четкие дефиниции, даваемые в биноминативной конструкции или конструкции с глаголом *называть(ся)*, включены в текст, который читается легко и не кажется однообразным из-за правильно организованного актуального членения. Другие существенные признаки определяемых понятий и критерии классификации выносятся в отдельные предложения, соединяющие дефиницию с предшествующим текстом или следующие за ней. Структура первого абзаца этого фрагмента: [критерий разграничения понятий и первое вхождение терминов *внутренние* и *окраинные* как новых по отношению к введенному ранее термину *море*] → [определение внутренних морей, начинающееся с терминологического прилагательного, и пример внутреннего моря,

включенный в структуру определения] → [определение окраинных морей, заканчивающееся терминологическим прилагательным, так что термины *внутренние* и *окраинные* оказываются линейно разнесены и интонационно противопоставлены] → [пример окраинного моря – в отдельном предложении] → [пример исключения, сопровождаемый указанием его свойств]. Далее следует задание, четко отсылающее к картам атласа и проверяющее, с одной стороны, новую информацию (разграничение внутренних и окраинных морей), с другой – введенную ранее (понятие о море как части Мирового океана).

Почти идеально вводится и понятие *пролива*: [связь с общей темой параграфа «Мировой океан» в теме первого предложения, первый существенный признак понятия → введение нового понятия в реме] → [определение, вводящее еще два существенных признака понятия – водное пространство *узкое* и *ограниченное* с двух сторон берегами материков или островов] → [задание на применение обеих данных формулировок к типовым примерам, по картам атласа] → [примеры особенно примечательных проливов, опять же с указанием на существенные признаки проливов – ширину и то, какие части Мирового океана они соединяют]. Выполняется названный выше важнейший коммуникативный и когнитивный принцип учебника – единообразия без однообразия.

Однако к этой части параграфа можно предъявить несколько существенных лингвистических претензий, являющихся, по нашим наблюдениям, стандартными для текстов школьных учебников.

1. Мать любит дочь, рысь видит мышь, бытие определяет сознание...

Какие материки или острова разделяют эти проливы? → Какие материки или острова разделяются / разделены этими проливами? При совпадении форм Имен. и Винит. пад. подлежащего и прямого дополнения, особенно в определениях и вопросах, в учебном тексте предпочтительна, если не сказать обязательна, замена на пассивную конструкцию, тем более, что в данном случае формулировка вопроса затрудняется несовпадением предиката с дефиницией.

2. Два взгляда на одну ситуацию: субъект и объект, фигура и фон...

В определении сказано, что проливы *ограничиваются* с двух сторон берегами материков или островов, в вопросе – о том, что проливы *разделяют* материки или острова. Переход от одного видения ситуации (навязанного лингвистически!) к другому – вовсе не простое дело для многих шестиклассников. Тем не менее, это крайне важная мысли-

тельная операция, которой систематически надо учить на всех предметах, хотя ее и нет в списке когнитивных универсальных учебных действий, включенных во ФГОС. Задачей дня является определение в хороших учебниках по разным предметам таких мест, требующих лингвистической работы, например вопроса учителя: *«Проливы ограничиваются с двух сторон берегами материков или островов»* и *«Проливы разделяют материки и острова»* – эти два предложения значат одно и то же? Такая метапредметная лингвистическая работа занимает минимум времени, а познавательный эффект от нее колоссальный.

3. «Сколько вешать в граммах?»

Гибралтарский пролив *в самом узком месте не шире 14 км*. У современных шестиклассников владение оттенками выражения количественного значения сформировано еще плохо. Даже фразы «До миллиона туристов посещают музей каждый год» требуют лингвистического комментария, по крайней мере проверки: «До миллиона – это сколько?» (Ср. также *С высотой температура в нижнем слое атмосферы понижается на 6° на каждый километр* в приведенном выше фрагменте учебника по природоведению). А в данном случае возникает еще семантический конфликт между антонимичными прилагательными *в самом узком* и *не шире*. Следовало бы воспользоваться конструкцией с параметрическим существительным: «в самом узком месте имеет ширину 14 км» или «имеет наименьшую ширину 14 км», как во всех энциклопедиях и справочниках.

В целом, однако, рассматриваемым учебником задается четкая модель коммуникативного процесса. Очевидно, что первый проанализированный нами абзац создает основу и для вопросно-ответной коммуникации, которую можно назвать прямой (вопросы задаются непосредственно к предложениям, составляющим текст), и для модели вопросно-ответной коммуникации, которую мы назовем деривационной (вопросы требуют мыслительной деривации от предложений, составляющих учебный текст).

Прямая вопросно-ответная коммуникация (в качестве ответов воспроизводятся предложения текста):

По какому критерию моря делятся на внутренние и окраинные?

Какие моря называются внутренними?

Приведите пример внутреннего моря.

Дайте определение окраинных морей.

Чем интересно Саргассово море?

Данный список вопросов: а) полностью проверяет содержание абзаца; б) не однообразен по формулировкам (они могут варьироваться); в) содержит важные гносеологические понятия *критерий, определение,*

пример, умение работать с которыми требуется от школьника согласно перечню когнитивных универсальных учебных действий в ФГОС. Коммуникация развивается вдоль двух главных гносеологических линий: «Как называется?» и «Почему так называется?» – и двух главных онтологических линий «Как бывает обычно, в норме?» и «Как бывает в уникальных случаях (как не бывает)?»

Деривационная вопросно-ответная коммуникация в пределах текста учебника (ответ на вопрос не дается в форме воспроизведения предложения текста, информация должна быть извлечена из разных предложений и сопряжена, трансформирована и т.п., ученик строит собственную конструкцию учебно-научного стиля на основе текста учебника):

Чем отличается Черное море от Берингова?

Может ли существовать море, ни с одной стороны ни соприкасающееся с суши?

Следующий этап – вопросно-ответная коммуникация, выходящая за пределы текста учебника:

Какие еще внутренние моря, кроме Черного, вы знаете?

Какие окраинные моря по северному побережью России вы можете назвать?

На протяжении учебника отмеченные свойства текста накапливаются. Двучастные дефиниции¹ сочетаются с более сложными, инкорпорированными в состав предложения, включающего несколько предикативных единиц. Используются риторические вопросы, составные дефиниции (определение двух терминов, соотносящихся по принципу «род – вид» или «часть – целое», в пределах конструкции одного предложения). Неизменным остается прозрачное тема-рематическое членение и способность каждого предложения функционировать в качестве ответа на значимый(-ые) проверочный(-ые) вопрос(-ы) (в другой перспективе: возможность задать проверочный вопрос – часто не один – по каждому предложению текста): *Подземные воды, содержащие повышенное количество растворенных веществ и газов, то есть минеральные воды, используются в лечебных целях* (с. 86); *Атмосферное давление – это сила, с которой воздух давит на земную поверхность и все находящиеся на ней предметы. Измерение атмосферного давления. Атмосферное давление измеряют с помощью барометров. Имеются два вида барометров – ртутный и aneroid. Ртуть – жидкий металл...*[далее описывается принцип действия ртутного барометра] (с. 114).

¹ О типах учебных дефиниций и их отличиях от научных см., например: [Коротеева, 1999; Мякишева, 2012].

Коммуникативная эффективность и малая конфликтогенность приведенных фрагментов очевидны.

Завершая обсуждение этой проблемы, отметим, что не менее неудачно, чем нарушение максимы количества в сторону недостаточности информации, ее нарушение в сторону избыточности информации. Прежде всего сюда относятся определение понятий, не нуждающихся в определении, интуитивно понятных. Именно такие определения, как правило, носят псевдонаучный характер, перегружены в смысловом и синтаксическом отношении. Раздел 1, глава 1, § 1 учебника ОБЖ для 6 класса под ред. Ю.Л. Воробьева: *Что такое опасность? Это начавшееся или возможное неблагоприятное воздействие на человека и его окружающую среду вредных факторов различного происхождения: вероятность возникновения неблагоприятного события, угрожающего жизни, здоровью, имуществу человека, его правам и интересам.* Двенадцатилетний ребенок не может запомнить и воспроизвести дефиницию из 29 слов, большая доля которых является неполнозначительными. Да в этом и нет нужды.

Коммуникативная проблема № 2 – нарушение критерия искренности и максимы Отношения в заданиях. Учебник по русскому языку для 5 класса под редакцией М.М. Разумовской П.А. Лебанта (издание М., 2010), тема «Второстепенные члены предложения» (часть 3, с. 25). Непосредственно после заголовка темы задаются вопросы: *1. Почему подлежащее и сказуемое называются главными членами предложения? 2. Чем отличаются словосочетания от сочетания подлежащего и сказуемого?* Предшествующий текст учебника не содержит ни эксплицитной информации для осмысленного ответа на эти вопросы, ни заданий, позволяющих эмпирическим путем извлечь эту информацию. Для заявленной темы вопросы не релевантны. Естественным образом генерируется у разумных, старательных детей информационный стресс: «Меня спросили, значит, я должен знать... Но я не знаю... В учебнике этого нет... Папа с мамой тоже не знают... Что делать?» Существенно возрастает когнитивная нагрузка – либо мыслительные усилия тратятся на то, чтобы понять, каким образом эти вопросы связаны с темой «Второстепенные члены предложения», либо эти вопросы отбрасываются как незначимые. Какие свойства учебника «накапливаются» в головах у школьников? Привыкание к абсурду: взрослые задают вопросы, на которые нет ответов, взрослые задают вопросы, не имеющие отношения к делу.

Коммуникативная проблема № 3, точнее «куст» проблем – затемненное тема-рематическое членение, композиционные нарушения, неумение использовать ключевые слова именно как ключевые, неста-

бильность номинаций и неточная пространственно-временная референция текста, мешающие устанавливать логические связи и локализовать содержание во времени и пространстве. Пример из учебника истории для 5 класса С. В. Колпакова, Н. А. Селунской (часть 1, глава 5, с. 92–93), в котором все эти проблемы проявляются одновременно. Глава называется «Жители и государства Древней Греции», а открывающий ее § 20 «Критское царство» начинается с подзаголовка *Природа и население Греции*. Далее идет следующий текст:

Грецией называют южную часть Балканского полуострова и прилегающие к ней острова. Большая часть страны покрыта невысокими горами, пахотной земли здесь мало. Берега Греции изрезаны множеством бухт, в которых корабли рыбаков и торговцев всегда могли найти укрытие в непогоду. Развитию мореплавания благоприятствовало и огромное число островков, расположенных вблизи берега...

Коммуникативную конфликтогенность этого фрагмента при попытке контроля его усвоения через вопросы легко предугадать. В нем сразу же задается свойство, которое будет накапливаться в последующем тексте – ахрония, произвольное смещение точки отсчета между современностью и древностью. Любой нормальный человек на вопрос: «Что такое Греция?» – ответит: «Страна / государство». Дефиниции общепринятых и официальных названий стран / государств не даются через предикат «называют», ср. * *Россией называют... Францией называют... Соединенными Штатами Америки называют...* Этот предикат закреплен за дефинициями географических регионов (*Моравией называют восточную часть Чешской Республики, в которую также входит граничащая с Польшей Силезия*) и указаниями на географические и административно-политические номинации, относящиеся к какому-либо периоду (*Лаконикой, или Лакедемоном, называли область на юго-востоке Пелопоннеса, граничившую с благодатной Мессенией*) или ограниченные по субъекту именованию (*Месопотамией (Междуречьем) древнегреческие географы называли равнинную область между Тигром и Евфратом, расположенную в их нижнем и среднем течении*). Предположим, что путем выбора подобной конструкции автор хотел ограничить свое описание временем, когда Греция не существовала на указанной территории как единое государство. Но этому предположению резко противоречит следующее предложение, где Греция как раз названа «страной».

Так что должен спросить учитель, проверяя знание этого параграфа детьми: «Что такое Греция?» (но тогда ответ фразой из учебника абсурден) или «Что называют Грецией?» (тогда абсурден вопрос с формой глагола настоящего времени)?

Полного ответа на вопрос «Что благоприятствовало развитию мореплавания в Греции?» от пятиклассников получить также не удастся: они «не замечают» маленького союза «и» в предложении *Развитию мореплавания...* и не догадываются, что к ответу надо присовокупить и характеристику береговой линии Греции, данную в предшествующем предложении.

Далее коммуникативно-проблемные качества текста продолжают накапливаться. Идет страница текста про Грецию, завершающаяся так: *Население Греции составляли родственные по языку и культуре племена, наиболее многочисленным из которых были ахейцы. Все древние греки именовали себя общим именем эллины, а свою родину – Элладой.* Проверяются полученные знания заданием на нахождение на карте Средней и Северной Греции, Аттики, Пелопоннеса, Лаконики и острова Крит, ни разу до сих пор не упомянутых в тексте. В следующем после задания подпараграфе «Государство на Крите», напротив, из текста надолго исчезают слова *Греция* и *греческий*, только в очередном подпараграфе «Критское царство при царе Миносе» появляется *древнегреческий* (древнегреческие мифы). В каком отношении стоят жители Крита и (древние) греки/эллины – установить невозможно. Ахейцы из самого многочисленного племени превращаются в племена. Живое представляется жаждающий конкретики папа, допытывающийся у ребенка с учебником в руках, кто такие ахейцы, и на ответ: «Это такие греческие племена», – грозно потрясаящий книгой: «Не племена! Самое многочисленное племя!» О том, что не только древние, но и сегодняшние греки именуют свою родину именно Элладой, а не Грецией, даже напоминать неудобно.

Подобная пространственно-временная нечеткость в текстах информативного регистра приводит к размытости исторической и географической перспективы, независимо от того, в учебнике по какому предмету она встречается. Пример текста из пособия по русскому языку: *В древности писали на папирусе. Папирус растет по берегам рек и на болотах, над водой поднимаются изящные трехгранные стебли толщиной в руку и высотой до трех метров. На верхушке стебля пучок длинных и тонких колосьев, напоминающих парик, и все растение кажется грациозным и стройным созданием, задумчиво покачивающим головой.*

Снова перед нами разрушенная пространственная прикрепленность. Кто писал на папирусе в древности? Славяне? Викинги? По берегам каких рек и на каких болотах он рос? Очевидность ответа на этот вопрос для всякого образованного взрослого вовсе не предполагает, что это так же очевидно ребенку. Познавательный смысл текста теряется. Зрительный образ, возникающий в репродуктивной части текста,

тоже весьма сомнителен: попробуем представить себе *изящные трехгранные стебли толщиной в руку и высотой до трех метров*. Здесь мы подходим к **коммуникативной проблеме № 4** – включение в состав учебника заданий, которые заведомо невозможно честно и правильно выполнить (нарушение принципа искренности), например типичное для учебников русского языка и литературы «навязывание эмоций» – априорное представление о том, что какой-либо репродуктивный текст, вызывающий у взрослого автора учебника определенные образы и эмоции, просто обязан то же самое вызывать у 9–11-летнего ребенка. Учебник под ред. М. М. Разумовской и П. А. Леканта для 5 класса, с. 29, зад. 448:

Прочитайте выразительно текст С. Аксакова. С помощью каких слов автор рисует образную картину природы, которую мы легко можем представить по этому описанию? Какие слова выражают отношение к увиденному – состояние восторга, удивление?

Я всегда любил смотреть на тихое падение снега. Чтобы вполне насладиться этой картиной, я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: все безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной.

На каком основании в задании утверждается, что «мы легко можем представить по этому описанию» образную картину природы? Кто эти «мы»? Пятиклассники, которые не знают смысла глагола *разверзнуться*? Как можно представить некий пейзаж, если неизвестно, ночь это или день? А если кто-то может представить требуемую картину, то какие слова он должен назвать в ответе на вопрос? С моей точки зрения, правильный ответ: «С помощью всех слов».

Любая инструкция «на проявление эмоций» чревата коммуникативным конфликтом на почве невыполнимости задания и стрессом для ребенка. Пример из пособия по русскому языку для начальной школы:

Радость

Котенок проснулся и обнаружил у себя хвост. Это было для него большим открытием, и он посмотрел на хвост недоверчиво, почти испуганно, а затем – бросился его ловить.

И глядя на веселую, самозабвенную возню Котенка, как-то не верилось, что столько радости может доставить этот грязный, куцый, беспомощный хвостик (Ф. Кривин).

Текст трогательный, вызывает улыбку и у детей, и у взрослых. А вот задание к нему: 1) *Почему этот маленький рассказ вызывает улыбку?* 2) *Напиши миниатюру о любом зверьке, птице, рыбке так, чтобы рассказ тоже был коротким и веселым.* 3) *Разбери по составу первое предложение.*

Каждый, кто попробует выполнить это задание, сразу осознает его сложность. Объяснить, почему что-то смешно, – одна из труднейших коммуникативных задач, выполнить которую может не всякий взрослый. То же самое касается второй части задания. Многие ли люди даже с высшим филологическим образованием способны написать по заказу веселую миниатюру о зверьке? Короткий и веселый рассказ – это коммуникативное задание доступно либо человеку, обладающему талантом рассказчика от природы, либо человеку, специально обученному. Третье задание – «мелочь», иллюстрирующая тем не менее одну из главных проблем, возникающих у школьников при выполнении заданий ГИА. Необъяснимый методический «перескок» с одного типа заданий на совершенно другой, по свидетельству учителей, настолько выбивает из колеи многих детей, что они не справляются с заданием просто потому, что не осознают его связи с контекстом. Нарушение одного из постулатов Грайса (максимы Отношения) создает информационный стресс, ребенок теряется, пытается найти логику там, где ее нет. В результате – показывает худший результат, чем мог бы.

Коммуникативная проблема № 5 – резкое несоответствие текста учебника той коммуникативной ситуации (в широком смысле слова), в которой он прорабатывается. Учебник по русскому языку для 5 класса под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта, часть 3, которая изучается, когда вся Россия покрыта снегом, на улице мороз и метели. В учебнике тем не менее продолжается осень – во всех ее вариантах (ранняя, золотая, поздняя), изредка робко перемежающаяся зимой, весной или традиционной «росой на траве». Степень однообразия предлагаемых текстов можно оценить по примерам:

С. 11: Рассмотрите цветную репродукцию картины И. Грабаря «Ясный осенний вечер» и ответьте на вопросы. 1) Какой вид открывается с высокого берега? 2) Какая, по-вашему, осень изображена на картине – ранняя или поздняя? Какие признаки этой осени вы видите? 3) Какие слова наиболее уместны для описания осенней листвы? Составьте с этими словами предложения? 4) Краски каких тонов использует художник для изображения ясного осеннего вечера? 5) Какие чувства вызывает у вас картина?

С. 15: Осенняя сказка. Взгляни в окно. Одинокий лист кружится на ветке...

С. 20: Наступила поздняя осень. Стоит ненастная погода. Вчера подул резкий ветер. Кружатся в воздухе разноцветные осенние листья. Я люблю листопад. На дорожке лежат красные листья осинки, шуршат под ногами бурые листья ольхи. Два листика прилипли к моим сапогам. (По Г. Скребицкому)

С. 22: Красив и печален русский лес в ранние осенние дни. На золотом фоне пожелтевшей листвы выделяются яркие пятна кленов и осин. Шеле-

стит под ногами листва. Кое-где виднеется шляпка позднего подосиновика. Тонко просвистит рябчик. В небе косяком пролетают журавли. Прозрачен и чист воздух. Бабым летом называет народ это краткое осеннее время. (По И. Соколову-Микитову)

С. 24: Золотая осень. Вместе с легким утренним заморозком устанавливается ясная погода. В мертвой тишине леса слышится шуршание опадающих листьев. Вот золотисто-красный лист дрогнул и полетел по воздуху. Идешь по разноцветному ковру из листьев.

Итак, в «реальной» жизни зима, «джунгли большого города», Индиана Джонс, «Звездные войны», граф Монте-Кристо, фанфики или, по крайней мере, список литературы для летнего чтения при переходе из 4 в 5 класс – с «Тимуром и его командой» А. Гайдара, «Самой легкой лодкой в мире» и «Приключениями Васи Куролесова» Ю. Ковалева, серией К. Булычева про Алису и т.п. На уроках русского языка же царит бесконечная «осень в Сокольниках». Ни один из приведенных фрагментов не является коммуникативным стимулом, то есть не вызывает желания его обсудить, прочитать произведение, откуда он извлечен, или создать подобный текст. Находить подлежащее и сказуемое или подчеркивать однородные члены можно в гораздо более интересных текстах, стимулирующих школьников к коммуникации.

Однако вопрос о текстах из учебников по русскому языку как коммуникативных стимулах или антистимулах выходит за рамки данной статьи.

Один из параметров учебной коммуникации, которые задает учебник в составе ее общей модели, – уровень языковой сложности. Главная **коммуникативная проблема (№ 6)** с этим связанная – резкий дисбаланс языковой сложности учебников русского языка и учебников по другим предметам на входе в основную школу (5–6 класс). Учебники по русскому языку не просто не готовят к усвоению учебных текстов по другим предметам, их языковое устройство резко противоречит тому, с каким детям приходится иметь дело на всех остальных уроках.

Сравним начала учебников по географии (Т. П. Герасимова, Н. П. Неклюкова) и по русскому языку (М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская и др.) для 6 класса.

«География», с. 3: *Перед современной географией стоят совершенно другие задачи. Выяснить, как и какие природные процессы создают горы и равнины; как изменяется рельеф Земли; какие общие закономерности влияют на таяние ледников, рост деревьев, расположение городов и т.п.; не только исследовать и описать всю поверхность Земли, но и объяснить, почему она устроена именно так, а не иначе – вот задачи современной географии. География должна также предвидеть, прогнозировать изменения в природе, особенно те, которые могут произойти в результате деятельности людей...*

Информативная плотность этого текста (по методике Г. А. Золотовой, отношение количества предикаций к количеству предложений [Золотова, 1992; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]) – примерно 8¹. Текст такого характера начинается с первых страниц учебника.

«Русский язык», с. 19: Текст – это два и более предложений, связанных по смыслу, а также с помощью языковых средств и расположенных в определенной последовательности. Текст имеет или может иметь заглавие. В тексте можно выделить 1) план содержания и 2) план выражения этого содержания (языковые средства). Специальные языковые средства отражают связь предложений в тексте.

Это первый теоретический фрагмент в данном учебнике (до него только вопросы на повторение теории и задания). Информативная плотность – 3, что отражает общую ситуацию в пределах данной книги. Размер теоретических фрагментов (иначе их не назовешь) не соизмерим с размером параграфов в учебниках по другим дисциплинам, равно как и длина предложений, разветвленность и ступенчатость их структуры, количество свернутых предикаций (деепричастных и причастных оборотов, признаковых существительных).

А ведь именно учебник русского языка со всеми его текстами (от формулировок заданий до текстов, служащих материалом для них) воспринимается как речевой образец. Получается, что он провоцирует учащихся на упрощение синтаксического строя речи, что противоречит реальному речевому развитию школьников и потребностям формирования их мышления: «Размер предложений как критерий сформированности грамматического строя речи является показателем объема упреждающего синтеза речи учащегося, способности его сознания охватить все синтаксические позиции предложения, являющегося сообщением о событиях, фактах, ситуациях окружающей действительности, их участниках и отношениях между ними. В качестве критерия сформированности грамматического строя речи школьников размер предложения использовался в исследованиях М. Р. Львова и Н. И. Жинкина... Все лингводидакты отмечали увеличение размеров предложения в среднем с 4 слов у детей 6–7 лет до 12 слов к 17–18 годам, что обусловлено «усложнением подчинительных отношений в

¹ Важность этого критерия подтверждают специалисты по лингводидактике: «Согласно исследованиям в области функциональной грамматики, мышление человека отражается как в лексике, так и в словообразовании и морфологии, но более всего в синтаксисе. Коэффициент информативной плотности высказывания является объективным измерителем умения говорящего/пишущего уплотнять объем информации, сокращая при этом языковые средства ее выражения» [Ерошевич, 2007, с. 120].

синтаксических конструкциях» [Львов, 2002, с. 220]. По мнению исследователей, увеличение количества слов в предложениях – это следствие освоения школьниками многообразия синтаксических отношений, выражаемых между словами, предикативной частью и полупредикативным оборотом, между предикативными частями» [Ерошевич, 2007, с. 120].

Львовым М. Р. обосновано использование ряда показателей для определения степени развития грамматического строя речи школьников, включая глубину подчинительных связей в предложении и долю сложных и сложноподчиненных предложений в тексте. Для того чтобы эти параметры формировались, необходима, с одной стороны, целенаправленная работа над ними на уроках русского языка, с другой – постоянное «нахождение» детей в речевой среде, обладающей соответствующими качествами, – на уроках по всем предметам. На деле же получается, что учебники по русскому языку задают одно качество речевой среды, учебники по остальным предметам – другое. Вот еще одно сопоставление учебника русского языка М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской – с учебником по ОБЖ под ред. Ю. Л. Воробьева (учебники используются школьниками одновременно, в 6 классе):

ОБЖ, с. 29–30: *Кислородная недостаточность на высоте 1500–3000 метров невелика. На этих высотах она компенсируется за счет учащения дыхания и усиления кровообращения. А вот выше 3000 метров полной компенсации уже не происходит. На этой высоте начинается кислородное голодание. Его симптомы: тяжесть в голове, головокружение, головная боль, понижение работоспособности, замедление ответной реакции на внешние раздражители, нарушение координации движений. При этом кожа у одних людей бледнеет, у других краснеет, возникают одышка и сердцебиение, особенно нарастающие при физических усилиях, конечности холодеют, иногда появляются тошнота, рвота. В поведении человека преобладают либо возбуждение, либо торможение. Сначала повышается речевая и двигательная активность, нарушается критический подход к оценке факторов внешнего мира и собственных сил. Неожиданно может наступить потеря сознания, и в этом – основная опасность кислородного голодания.*

«Русский язык», с. 171: *Это [даны рядом в рамочке: кто? какой? чей? чей? сколько? каков?] **вопросительные** местоимения. Они служат для выражения вопроса. Вопросительное местоимение который употребляется в выражении который час. Вопросительные местоимения **кто** и **что** не изменяются по родам и числам.*

Эти фрагменты представляют собой две нежелательные крайности, «синтагматическую» и «парадигматическую» учебную «прозу» (если пользоваться терминами, предложенными Н. Д. Арутюновой для художественного текста. Тем не менее, для 6 класса текст учебника

ОБЖ выглядит, несмотря на свои языковые шероховатости, предпочтительным, так как лучше соответствует широко понимаемой школьной коммуникативной ситуации, конечной целью речевой деятельности учеников в которой является выход на понимание текстов уровня сложности, требуемого для обучения в вузе или успешного начала трудовой деятельности.

В пользу большей синтаксической сложности текста в учебниках 5–6 класса говорят и данные, полученные М. Р. Львовым при сопоставлении частоты употребления сложных предложений в текстах учебников и письменных работах учащихся 4 класса. Сложные предложения в учебниках составили 24,5% из всех структур, в работах учеников – 23,1%, из них сложноподчиненных соответственно – 13% и 14,8%, т.е. доля практически совпадает. Львовым М. Р. приводятся и другие убедительные статистические данные, свидетельствующие об активном употреблении сложных предложений в письменной речи учащихся, начиная с 3 класса, и о стабильном росте этого показателя. У третьеклассников сложные предложения составляют до 23,1% от общего числа предложений в самостоятельной письменной речи, у пятиклассников – 50%, у десятиклассников – свыше 61%. Так же стабильно увеличивается процент сложноподчиненных предложений и снижается процент сложносочиненных [Львов, 1974; Львов, 1997].

На сегодняшний день нам неизвестны учебники русского языка для 5–6 класса, лингвистически обеспечивающие восприятие учащимися текстов такого рода, уверенное декодирование их лексического состава и грамматической структуры: *У пострадавшего наблюдаются ожоги, иногда обширные, древовидно разветвленные красные полосы на коже – «знаки молнии», обморок, а в более тяжелых случаях – шок с остановкой дыхания и резким падением сердечной деятельности... Солнечный свет, отраженный снегом, льдом или поверхностью воды, может вызвать раздражение слизистой оболочки глаза, сопровождающееся сильным слезотечением, светобоязнью, покраснением глаз и даже временной потерей зрения – снежной слепотой* (ОБЖ под ред. Воробьева).

Практический вывод из сказанного очевиден. Применяющиеся сегодня технологии экспертизы школьных учебников, основанные на дидактике, методике, соответствии нормативным документам, должны быть дополнены оценкой позитивного и негативного коммуникативного потенциала учебника, с точки зрения его регистровой композиции, соответствия принципам теории речевых актов и коммуникативной ситуации использования учебника. В противном случае школьный учебник останется генератором коммуникативных проблем, которые значительно увеличивают когнитивную нагрузку на учащихся и ин-

формационный стресс у всех участников учебно-коммуникативного процесса. Коммуникативный анализ учебников выявляет проблемы, избежать большинства из которых достаточно просто, если они диагностированы. Некоторые направления подобного анализа и исправления и были намечены в данной статье.

Литература

- Грайс Г.Л. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI М, 1985.
- Ерошевич А.В. Критерии сформированности грамматического строя речи учащихся // Веснік БДУ. Сер. 4. 2007. № 3.
- Золотова Г.А. Об информативной ценности синтаксического анализа // Тезисы конференции «Проблемы синтаксического членения предложения». Смоленск, 1992.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Коротеева О.В. Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Львов М.Р. Тенденции употребления сложноподчиненных предложений в письменной речи учащихся средней школы // Исследования по развитию связной речи учащихся. М., 1974.
- Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997.
- Львов М.Р. Основы теории речи. М., 2002.
- Мякишева И.А. Категориальная учебная модель родо-видовой дефиниции лингвистического термина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДИАЛОГЕ НА ОСНОВЕ ГАЗЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ

У. Патоцка-Сигловы

Ключевые слова: интервью, коммуникативные стратегии, прагматическая функция

Keywords: interview, communicative strategies, pragmatic function

Целью статьи является извлечение и распознавание общих коммуникативных стратегий, употребляемых собеседниками в газетных интервью (на материале интервью из российского еженедельника „Огонек”), а также определение характерных признаков выделенных стратегий.

Интервью – это разговор журналиста с одним человеком или с группой людей на профессиональную или личную тему, в течение которого ведущий ставит вопросы с целью получения информации. Такой разговор появляется в печати, в книгах, в Интернете, передается по радио, по телевидению, в связи с чем принадлежит он к текстам массовой коммуникации [Oskiera, 2006, s. 24]. Интервью можно рассматривать как один из жанров газетно-журнального типа [Умарканова, Андреева, 2004, с. 11–13]. Однако сложная структура и функции определяют его принадлежность также к информационным жанрам [Вауер, 2000, s. 157]. По мнению Б. Гарлицкого, главным достоинством этого жанра является непосредственный контакт с интервьюируемым, в связи с чем журналист в состоянии лучше познакомиться с гостем и контролировать его реакции в течение беседы [Garlicki, 1994]. С другой стороны, некоторые теоретики считают, что интервью, хотя и появилось уже в начале XIX века, не подходит для газеты, поскольку существует огромная разница между устной и письменной речью, поэтому идеальной формой интервью является «прямой эфир», который невозможен в печати [Oskiera, 2006, s. 24].

Газетное интервью, как любой жанр, обладает следующими основными чертами: а) диалогической структурой; б) наличием двух категорий участников, исполняющих определенные роли, а именно: ведущего (журналист) и интервьюируемого; возникновение при помощи серии вопросов (коротких) журналиста и ответов (длинных) интервьюируемого, передаваемых в прямой речи; функционирование в массовой коммуникации для виртуального читателя [Kita, 1998, s. 167].

В основе интервью лежит диалог, который определяется как одна из форм речи, направленная на собеседника и ограниченная непосредственно тематикой [Kita, 1998, s. 167]. Диалог состоит из переплетающихся высказываний участников беседы, так называемых реплик. Они соединяются в группы и составляют диалогические циклы. Однако, по мнению Г. Сакса, основной минимальной единицей разговора является прилегающая пара [Sacks, 1992, s. 108–109].

Цель интервью, говоря словами М. В. Барманкулова, – «сообщение мнений людей о творческих и производственных успехах, событиях, планах артистов, художников, писателей, общественных делах» [Барманкулов, 1974, с. 127]. Следует добавить, что интервью имеет особую силу убедительности, поскольку представляет собой рассказ авторитетного лица, связанный с внутренним миром человека.

Чтобы дать общую характеристику жанру интервью, следует сказать, что интервью – это законченный устный диалогический текст, письменная сторона которого представлена вторично, объединенный общим замыс-

лом, состоящий из своеобразных смонтированных блоков „вопрос–ответ”, призванный воздействовать на эмоции читателя и имеющий определенную полужесткую схему, включающую заголовок, предтекстовую информацию (аннотацию), часто сопровождаемую иллюстрациями, и собственно интервью.

В связи с эмоциональным воздействием текста на читателя в интервью могут проявляться разные стратегии ведения разговора, зависящие, прежде всего, от целеустановки адресанта, психологических и экстралингвистических факторов, влияющих на протекание диалога (паузы, припоминания и т.д.).

В связи с определенной структурой интервью, существует следующая их классификация: интервью вопросно-ответного типа, интервью комплексно-тематического типа, интервью-обсуждение. По характеру интервью выделяют интервью-мнение, интервью-информацию, интервью-эмоцию, социологическое интервью [Умарканова, 2004, с. 31–33].

Подводя итоги, следует сказать, что жанр интервью тесно связан с устной речью. Используемые в нем языковые средства отвечают стилистическим установкам беседы, которая определяет ситуативно-тематическое построение речи (например: синтаксически незаконченное построение фразы, повторы, переспросы, инверсия и др.). Следует также подчеркнуть, что анализировать интервью можно с разных точек зрения: морфологической, синтаксической, семантической, лексической, фонической. Однако интервью – это прежде всего интеракция, а значит, необходимо учитывать все требования, вытекающие с этого определения. В связи с этим, следует обратить внимание, что интеракционная модель языковой коммуникации дает возможность не только характеризовать интервью как интеракцию, в течение которой возникает текст, обладающий определенными чертами, но и сопоставить этот тип с другими диалогическими актами [Kita, 1998, s. 200].

С точки зрения коммуникативной грамматики, любой коммуникативно-речевой акт выражает цель и прагматические намерения интерлокutorsов, а также их отношение к определенным вопросам. Это происходит при помощи прагматических функций, различающихся определенными коммуникативными операторами, позволяющими переоплотить любое информационное высказывание в коммуникативно-речевой акт, выражающий субъективные и эмоциональные замечания как отправителя, так и получателя.

Любой коммуникативно-речевой акт реализует определенное намерение, знакомое как отправителю, так и получателю (однако получателю – только частично). В связи с этим А. Авдеев выделяет два типа коммуни-

кативных намерений: а) информационное, определяющее содержание высказывания, и б) прагматическое, указывающее на стремление отправителя передать информацию, одновременно изменяя отношения в системе «Я и Ты» [Awdiejew, 2004, s. 53]. «Категория коммуникативного намерения – это основная категория, определяющая тип коммуникативной системы, предлагаемой отправителем, пользующимся определенным коммуникативным оператором» [Oskiera, 2006, s. 51]. Следует обратить внимание на то, что коммуникативные операторы выступают в форме аффиксов, лексем, фразем, а также глагольного наклонения или разных синтаксических моделей [Awdiejew, 2004, s. 93]. Авдеев А. подчеркивает, что коммуникативные операторы изменяют типичное информационное высказывание в коммуникативно-речевой акт, при помощи которого коммуниканты могут реализовать собственные прагматические намерения или выразить свое отношение к представленному мнению. Именно этому служат выделенные А. Авдеевым прагматические функции, такие как модальная, эмоционально-оценивающая, функция действия и функция уговаривания.

Все упомянутые функции указывают на определенную коммуникативную стратегию. Понятие коммуникативной стратегии не является открытием последних лет. Оно возникло уже в середине 80-х годов, когда быстро развивался прагматический подход к анализу языковых явлений, требующих четких определений для изучения этого феномена [Иссерс, 2006, с. 52]. Мнение, что разговор (беседа) – это упорядоченное действие, отразилось в многочисленных исследованиях речевого общения, особенно диалогической речи, в работах российских лингвистов (см., например: [Баранов, 1990], [Тарасова, 1992]). Определение механизма диалогического взаимодействия беспрестанно развивается в современном лингвистике. Следует подчеркнуть, что стратегия речевого поведения относится к сфере всего процесса коммуникации, когда целью является достижение определенных долговременных результатов. По мнению О. С. Иссерс, «в самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2006, с. 54]. Иначе, коммуникативная стратегия – это осознанная, направленная отправителем, а принимаемая получателем группа коммуникативно-речевых актов, которые стремятся к определенной цели [Awdiejew, 2004, s. 69]. Она реализуется при помощи аргументов, а также накладывающихся на них прагматических функций, имеющих вспомогательный характер. На основе доминирующей аргументации (вещественной или

ценностной) и вспомогательной прагматической функции можно определить тип коммуникативной стратегии [Oskiera, 2006, s. 86].

В настоящей статье используется классификация А. Авдеева, поскольку, как представляется, она является наиболее точной и исчерпывающей. С функциональной точки зрения, а точнее, в зависимости от коммуникативных целей, А. Авдеев выделяет четыре основных коммуникативных стратегии, соответствующих прагматическим функциям языка, а именно: информационно-проверочную, ценностно-эмотивную, стратегию поведения, метадискурсивную стратегию [Awdiejew, Habrajaska, 2006, s. 59].

Три первых стратегии принадлежат к основным, поскольку являются базой всех разговоров. Однако последняя, метадискурсивная стратегия, – это вспомогательная стратегия. Она зависит от хода реализации основных стратегий, а также от организации дискурса [Oskiera, 2006, s. 90].

По мнению А. Авдеева, все вышеуказанные коммуникативные стратегии могут быть трех типов: неантагонистические, антагонистические и антистратегии [Awdiejew, 2004, s. 10]. Когда при помощи частичных целей данных коммуникантов возможно достичь главной цели разговора, тогда стратегия приобретает неантагонистический характер. Этот тип коммуникации характеризуется четкостью, поскольку от интерлокуторов не требуется использования так называемой цепи переговоров [Oskiera, 2006, s. 89]. Однако если коммуниканты расходятся во взглядах или их цели не совпадают с главной целью беседы, то имеет место антагонистическая стратегия. С другой стороны, когда интерлокутор блокирует все аргументы своего собеседника и не дает ему возможности вполне высказаться на данную тему, тогда следует говорить о коммуникативной антистратегии.

Процесс планирования речевого общения и управления речевым взаимодействием можно наблюдать и фиксировать по определенным языковым показателям. Легко заметить, что выделенные А. Авдеевым коммуникативные стратегии соответствуют описанным типам коммуникативно-речевых актов. Иными словами, любую стратегию можно представить в качестве действия, заключающегося в определенном виде коммуникативно-речевого акта. В связи с этим, проанализируем четыре основных коммуникативных стратегии по А. Авдееву.

Во-первых, рассмотрим информационно-проверочную стратегию. В ее основе лежит неадекватный уровень операционных знаний отправителя и получателя. Главной целью отправителя при этой стратегии является получение информации от собеседника и совместное установление истинности или степени уверенности в полученных знаниях, а также убеждение получателя в правдивости информации, которой он обладает [Awdiejew,

Nabrajska, 2006, s. 60]. Более того, этот процесс может наблюдаться, когда интерлокуторы располагают разной уверенностью в «действительности» знания. Следует отметить, что вопросы – это основные операции информационно-проверочной стратегии. Информационно-проверочная стратегия прежде всего используется в дискуссиях, решающих определенную проблему. Интерлокуторы стремятся к формулированию вопроса и поиску совместного решения. В начале разговора собеседники обладают отрывочными знаниями по данной теме, однако поиск разного типа решений увеличивает объем знания и позволяет им найти соответствующую информацию.

Во-вторых, следует проанализировать ценностно-эмотивную стратегию. Главной чертой этой стратегии является принуждение получателя к принятию определенного оценочного мнения об обсуждаемой интерлокуторами теме или гипотетических фактах, случаях, а также о персонах [Awdiejew, Nabrajska, 2006, s. 63].

Следует обратить внимание, что ценностно-эмотивная стратегия, как и информационно-проверочная, может иметь антагонистический и неантагонистический характер. Цель ценностно-эмотивной стратегии неантагонистического характера – добровольное достижение партнерами беседы общего мнения по определенной теме. Однако цель ценностно-эмотивной стратегии антагонистического характера – принуждение получателя к изменению отношения к фактам в пользу отправителя. Целью этой стратегии является склонение получателя к принятию ценностной ориентации отправителя и выражению ее или к проявлению определенной эмоции [Awdiejew, Nabrajska, 2006, s. 63]. Более того, отправитель использует свои знания о ценностной ориентации получателя. В общественной коммуникации такое поведение называется пропагандой [Awdiejew, Nabrajska, 2006, s. 63]. Ценностно-эмотивная стратегия имеет определенные параметры, к основным из которых А. Авдеев относит качество оценки – положительное (+) или отрицательное (–); качество выраженной эмоции – положительная (+) или отрицательная (–); направление выраженной эмоции; виновника целой ситуации; ценность целой ситуации [Awdiejew, 2004, s. 124–129].

В-третьих, заслуживает внимания и анализа также стратегия поведения. Наиболее важной целью этой стратегии, отличающей ее от остальных, представляется склонение партнера (или партнеров) беседы к определенному действию [Awdiejew, Nabrajska, 2006, s. 66]. Этому помогают коммуникативно-речевые акты действия, такие как просьба, требование, предложение, обещание, совет. При реализации этой стратегии язык обладает исполнительной силой, которая изменяет поведение интерлокуторов.

Коммуникативные стратегии поведения различаются силой и характером. В практике коммуникации стратегия поведения связана с понятием агитации [Awdziejew, Nabrajaska, 2006, s. 66].

Следует описать также метадискурсивные стратегии. Важным является факт, что они не составляют группу отдельных самостоятельных стратегий. Они только дополняют все вышеупомянутые коммуникативные стратегии, что происходит на метауровне разговора. Метадискурсивные стратегии появляются, когда прерывается реализация основной стратегии беседы, помогая определить причину прекращения разговора, а также устранить возникшие проблемы [Awdziejew, Nabrajaska, 2006, s. 68].

Существует много типов коммуникативных стратегий, и классификация А. Авдеева не является единственной. В странах Западной Европы и в США определение стратегии говорящего становится объектом особого рода исследований под названием *compliance-gaining studies*, буквально – „изучение методов достижения послушания” [Иссерс, 2006, с. 9]. Следует упомянуть, что речь идет о послушании не только в поведенческом, но и в интеллектуальном смысле. Более того, речевую коммуникацию можно рассматривать в аспекте общей стратегии (учитывать цель) или конкретной тактики (учитывать способ достижения цели). Иссерс О.С. в своей работе дает обзор различных теорий в области речевой коммуникации и считает возможным выделить стратегический подход как особый тип прагматического описания дискурса [Иссерс, 2006, с. 9].

Главными темами интервью журнала «Огонек» являются общество, политика, искусство. Представленные интервью будут охарактеризованы по репликам, поскольку такой анализ лучше показывает главные черты определенной коммуникативной стратегии. Следует также напомнить, что в течение беседы коммуникативные стратегии постоянно изменяются. Однако в любом интервью можно заметить преобладание одной из коммуникативных стратегий.

Первая группа проанализированных интервью связана с обсуждением общественных вопросов.

Ю. Ларина, *Начавшие жизнь с нуля*, «Огонек» 2006, № 35, с. 40–42.

Настоящее интервью было проведено с российским режиссером-документалистом В. Манским, который является руководителем проекта создания документальной летописи детей, родившихся в 2000 г. в России.

Ю. Л.: *Но тут вы случайно попали в точку с выбором героя – этих событий никто предвидеть не мог. В чем заключался осознанный выбор?*

В. М.: *Мы определили типологические ситуации: «новые русские», малообеспеченные родители, многодетная семья... Мы хотели представить разные социальные слои и разные регионы. Николай Макаров из Питера нашел семью инвалидов по зрению, мечтающих, чтобы их ребенок родился зрячим. (...)*

Отправитель задает прагматический вопрос, а точнее общий вопрос с обоснованием его. Получатель прямо отвечает на вопрос отправителя, подавая точную информацию, а также одобряет ассертивное суждение отправителя. Более того, следует заметить, что впоследствии интервьюируемый выражает также свое мнение и изменяет главную информационно-проверочную стратегию на ценностно-эмотивную. Приведенный пример является реализацией неантагонистической (поскольку получатель позволяет отправителю достичь главной цели) информационно-проверочной стратегии. Реплику можно представить при помощи подробной коммуникативной схемы информационно-проверочной стратегии, а именно:

Отправитель: Общий вопрос (+обоснование).

Получатель: Одобрение. Ответ на вопрос.

Ю. Л.: *Никто не отказался от участия в проекте за эти годы?*

В. М.: *Нет, хотя может случиться и такое. Например, в Англии один из пацанов, выбранных режиссером в семилетнем возрасте, в дальнейшем увлекся телевидением, уехал из своего провинциального городка, стал журналистом (...). И вот человек, вошедший в мировую телевизионную элиту, в какой-то мере благодаря проекту, не только сам отказался дальше сниматься, но и закрыл эту программу на своем канале.*

Отправитель задает прагматический, а именно общий вопрос, а получатель прямо отвечает на вопрос. Однако получатель выражает и модальное суждение, а также свое мнение, указывая на свое предположение на основе приведенного примера. Следует заметить, что реплика прежде всего реализует неантагонистическую информационно-проверочную стратегию, которую можно выразить при помощи коммуникативной схемы:

Отправитель: Общий вопрос.

Получатель: Ответ на вопрос.

В диалоге можно увидеть и характерные черты ценностно-эмотивной стратегии:

Ю. Л.: *Видно, замучили его документалисты.*

В. М.: *Не знаю, но вероятность того, что герои не захотят сниматься, есть. Кроме того, согласие на съемки давали родители. Маленький ребенок еще их слушает, а подросток уже может воспротивиться. (...)*

Отправитель продолжает вопрос, выражая модальное суждение. Получатель не одобряет мнения отправителя, выражая предположение „*Не знаю...*” и обосновывает свою точку зрения, употребляя метаоператоры уговаривания, указывающие на регулярность и повторяемость определенных событий: „*Не знаю, но вероятность того, что герои не захотят*

сниматься, есть”. Реплика реализует антагонистическую (поскольку получатель не поддерживает отправителя в достижении цели) ценностно-эмотивную стратегию, которую определяет следующая коммуникативная схема:

Отправитель: Выражение мнения (модальное суждение).

Получатель: Неодобрение.

Ю. Л.: *Можно сделать какие-то обобщения и выводы – о жизни людей, о стране, о новом поколении?*

В. М.: *Не хочется обобщать, называя это „путинской Россией”. Конечно, жизнь человека связана с экономической и политической ситуацией в стране, и по фильму будет видно, что жить стало лучше. (...)*

Отправитель задает прагматический, а именно общий вопрос, со скрытым ценностным мнением. Получатель выражает модальное суждение и приводит аргументы. Реплика – это пример реализации антагонистической информационно-проверочной стратегии, ее можно представить в форме такой коммуникативной схемы:

Отправитель: Общий вопрос (+ скрытое ценностное мнение).

Получатель: Модальное суждение (+ аргументация).

Ю. Л.: *То есть, несмотря на вашу фактически социологическую выборку семей, обобщать все-таки нельзя?*

В. М.: *Думаю, нет, хотя какие-то тенденции прослеживаются. Казалось бы, из 140 миллионов отобрано 26 семей – ничтожно малая величина. Два человека за шесть лет попали в автокатастрофу. Можно ли из этого делать какие-то статистические выводы? Наверное, нет. Но я лично стал аккуратнее переходить через дорогу.*

Отправитель повторяет свой вопрос, однако точно спрашивает о мнении собеседника. Получатель отвечает, выражая свое мнение, а также употребляет модальное суждение, а чтобы усилить влияние своего высказывания, использует риторический вопрос: *„Можно ли из этого делать какие-то статистические выводы?”* Реплика является примером употребления неантагонистической ценностно-эмотивной стратегии, которую представляет следующая коммуникативная схема:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ на вопрос (одобрение + модальное суждение).

Ю. Л.: *Как вы объясняете сегодняшний бум документалистики?*

В. М.: *Документальное кино просто стало выгодным. Один эпизод игрового сериала стоит 200–300 тысяч долларов и выше. Документальный фильм – в десятки раз дешевле, пресловутый рейтинг у него такой же. И для имиджа неплохо.*

Отправитель интересуется мнением собеседника о существующих обстоятельствах. Получатель отвечает на вопрос, выражая свое мнение, а также поддерживает его вещественной аргументацией. Реплика является примером реализации неантагонистической ценностно-эмотивной стратегии, выраженной следующей коммуникативной схемой:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ на вопрос + вещественная аргументация.

Вышеприведенные реплики указывают на факт, что в большинстве разговоров на общественные темы преобладает информационно-проверочная стратегия. Однако очень часто главная информационно-проверочная стратегия переходит в ценностно-эмотивную. Следует также добавить, что в зависимости от того, насколько каверзным является вопрос, тип коммуникативной стратегий будет изменяться на антагонистический или неантагонистический.

Вторая группа проанализированных интервью касается экономико-политических проблем. Следует подчеркнуть, что в связи с тем, что в течение разговора температура эмоций собеседников постепенно повышается и журналисты часто задают каверзные вопросы, в этих интервью можно найти огромное количество разных коммуникативных стратегий, которые переплетаются.

А. Богомолов. Разделительная полоса. «Огонек» 2006, № 26, с. 20.

Настоящее интервью касается экономических и социальных особенностей российского дорожного строительства. Этот разговор был проведен журналистом «Огонька» с признанным специалистом в области транспортной инфраструктуры, А. Сарычевым.

А. Б.: Александр Викторович, «Огонек» провел в интернете специальный опрос на тему «Почему у нас с дорогами проблемы?». Знаете, что ответило большинство респондентов?

А. С.: Конечно, знаю. Даю сто процентов, что самым популярным ответом было: «Воруют». (Смеется)

Отправитель спрашивает о мнении собеседника, ссылаясь, однако, на проведенный опрос, т.е. на общественное мнение. Получатель прямо отвечает и выражает неодобрение. Реплика реализует неантагонистическую ценностно-эмотивную стратегию, которую можно представить при помощи следующей коммуникативной схемы:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ на вопрос (+ неодобрение).

А.Б.: А что здесь смешного? Разве это не так? Не воруют?

А. С.: Воруют, конечно. Но уверяю, что это отнюдь не главная причина российских дорожных бед. Размер взяток, процент откатов в дорожной отрасли

точно такой же, как и в любой другой сфере. Сегодня дорожное строительство стало довольно выгодным бизнесом, на рынке очень высокая конкуренция. Откамы готовы платить все, поэтому на первый план выходит качество работ.

Отправитель прекращает смех собеседника, изменяя его поведение, что указывает на употребление стратегии поведения, а потом продолжает свой главный вопрос, уточняя его и спрашивая о мнении собеседника. Получатель в конце концов прямо отвечает и дает обоснование своего мнения – совсем не одобряя мнения отправителя. Реплика – пример реализации антагонистической ценностно-эмотивной стратегии с метадискурсивной вспомогательной стратегией. Коммуникативная схема этой реплики представляется такой:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ на вопрос (+ обоснование).

А. Б.: Но качество ремонта уже существующих дорог – это ужас. Ямы, выбоины, нечитаемая разметка – да что я вам рассказываю, сами, что ли, не знаете?

А. С.: Вот мы и подошли к мысли об одной из главных бед наших дорог. Вы сами говорите о них как о чем-то отделенном. Давайте проведем прямую аналогию с жилищным строительством. Допустим, вы купили отличную квартиру в современном доме. Все отлично, но пришло время делать ремонт. Вы как поступите, позовете рабочих из ЖЭКа и доверите им отремонтировать квартиру (...) либо наймете серьезную бригаду и будете контролировать ее работу с первой до последней минуты?

Отправитель подает информацию, а следом задает прагматический, общий вопрос. Получатель отвечает на вопрос, приводя вещественную аргументацию, а также в конце задает риторический вопрос и тем самым изменяет свою роль с получателя на отправителя. Реплика является примером употребления неантагонистической информационно-проверочной стратегии. Коммуникативная схема реплики представляется следующей:

Отправитель: Подача информации (+ общий вопрос).

Получатель: Ответ на вопрос (+ вещественная аргументация).

А. Б.: Ответ, по-моему, очевиден.

А. С.: По-моему, тоже. Так почему же, черт побери, автомобилисты доверяют ремонт своего дома – своих дорог – неизвестно кому? Во всем мире пользователи автодорог могут сами определять, какие трассы им нужны, кто будет их ремонтировать, контролировать расход средств. Ведь именно автомобилисты – а не кто-то другой – платят за эти дороги.

Отправитель (который в настоящей реплике является также получателем) выражает свое мнение. Получатель продолжает тему, представляет

свое мнение, дает обоснование точки зрения, используя вещественную аргументацию. Реплика является примером использования неантагонистической ценностно-эмотивной стратегии и выражает ее следующая коммуникативная схема:

Отправитель: Выражение мнения.

Получатель: Выражение мнения (+ вещественная аргументация).

А. Б.: *Вы говорите о платных дорогах или?..*

А. С.: *А что, бывают бесплатные дороги? Вы знаете хоть одну? Да поймите вы, наконец. Когда государство строит новую магистраль, за эту магистраль уже заплатили все мы. Поэтому для серьезных экономистов полной экзотикой выглядит идея построить за счет инвестфонда платную трассу Москва–Санкт-Петербург.*

Отправитель задает несобственно-прагматический, подробный вопрос, желая уточнить ответ, однако получатель нарушает принцип кооперации Г. Лича и прекращает высказывание редактора, а впоследствии продолжает тему, сначала употребляя риторический вопрос, а потом представляя свое мнение при помощи вещественной аргументации. Реплика реализует неантагонистическую информационно-проверочную стратегию. Реплику описывает следующая коммуникативная схема:

Отправитель: Подробный вопрос.

Получатель: Подача информации (+ вещественная аргументация).

Проанализированные реплики, взятые из экономинко-политических интервью, показывают, что употребление определенного типа коммуникативных стратегий зависит от степени увлечения собеседников данной темой, а также от уровня эмоциональности вопроса отправителя. Приведенные интервью прежде всего иллюстрируют неантагонистические типы стратегий, однако, когда речь идет о проблемах, в которых интервьюируемый не ориентируется хорошо, или тема является для него сложной, тогда употребляются антагонистические типы коммуникативных стратегий. На основании приведенных примеров, а также других интервью, можно сказать, что как информационно-проверочная, так и ценностно-эмотивная стратегия выступают в политических и экономических интервью практически равномерно. Однако следует заметить, что динамика беседы и употребляемая аргументация часто приводят к употреблению метадискурсивной стратегии, а также стратегии поведения.

Третья, последняя, группа интервью – это разговоры, проведенные с людьми искусства, занимающимися литературой и музыкой, как, например, в статье Ю. Коваленко, *Современно то, что трогает*, «Огонек» 2006, № 48, с. 8.

Настоящее интервью – разговор с Л. Додиным, выдающимся российским режиссером, поставившим оперу Р. Штрауса *Саломея* на сцене парижской Опера Бастиль.

Ю. К.: *Нынешняя Саломея – это тот же спектакль, что вы показывали в Париже три года назад?*

Л. Д.: *Во Франции это называется репризой. Некоторые спектакли парижская Опера отбирает, сохраняет им жизнь и время от времени к ним возвращается. Так в Париже уже трижды было с моей Пиковой дамой.*

Отправитель задает собеседнику типичный несобственно-прагматический, подробный вопрос. Получатель отвечает на вопрос и дает обоснование ответа. Реплика является примером реализации неантагонистической информационно-проверочной стратегии. Ее коммуникативную схему можно представить следующим способом:

Отправитель: Подробный вопрос.

Получатель: Ответ на вопрос (+ обоснование).

Ю. К.: *Что же вас не устраивает в оперном деле?*

Л. Д.: *Опера сегодня все больше превращается в огромный завод. Все бюрократизируется. Во главе большинства театров стоят менеджеры, а не художники. (...) Зритель не представляет себе, какую порой халтуру он видит на сцене и какой порой халтуре аплодирует.*

Отправитель спрашивает о мнении собеседника. Получатель прямо отвечает на вопрос и объясняет свое мнение, подавая вещественную аргументацию и модальное суждение. Реплика – это пример реализации неантагонистической ценностно-эмотивной стратегии. Коммуникативная схема этой реплики представляется следующим образом:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ + обоснование (вещественная аргументация + модальное суждение).

Ю. К.: *Что значит для вас современное прочтение классики?*

Л. Д.: *Это прежде всего обнаружение в великом живого, сегодняшнего человеческого чувства. Когда говорят о так называемой современной трактовке. Чаще всего имеют в виду внешние приметы. Если артист в Шекспире в джинсах, значит, это современное прочтение. Артисты могут быть одеты в джинсы, а играют махрово старомодно. (...) Вопрос в другом. Современное то, что трогает.*

Отправитель спрашивает мнение собеседника. Получатель прямо отвечает на вопрос, приводя вещественную аргументацию, и развивает тему, отрицательно оценивая отношение других к данной теме. Реплика – это пример неантагонистической ценностно-проверочной стратегии, которую иллюстрирует следующая коммуникативная схема:

Отправитель: Вопрос о мнении.

Получатель: Ответ (+ вещественная аргументация).

Ю. К.: *Я знаю, что вы убеждены: русский театр переживает тяжелые дни.*

Л. Д.: *Если артистом считается тот, кто балабонит что-то в сериалах, то люди – в том числе и профессионалы – перестают понимать, что такое артист. И это грозит полным крахом ценностных ориентиров.*

Отправитель выражает свое мнение и подает аргументацию, ссылаясь на общественное мнение. Получатель выражает отношение к мнению, выраженному отправителем, и дает обоснование своей точки зрения, употребляя вещественную аргументацию и модальное суждение.

Реплика – это пример неантагонистической ценностно-проверочной стратегии, которую представим в следующей коммуникативной схеме:

Отправитель: Выражение мнения + аргументация

Получатель: Выражение мнения (одобрение) + вещественная аргументация

Подводя итоги, следует обратить внимание, что наиболее употребляемые коммуникативные стратегии в газетных интервью – это информационно-проверочная и ценностно-эмотивная стратегия, причем преобладает последняя. Следует заметить, что эти стратегии не равноправны, поскольку одна из них выступает в подчиненной форме (информационно-проверочная стратегия), а другая является вышестоящей (ценностно-эмотивная стратегия). Стратегия поведения, а также метадискурсивная стратегия употребляются значительно реже. Кроме того, заметим, что коммуникативные стратегии не реализуются в «идеальной» форме и часто переплетаются.

Теория А. Авдеева не является единственной. Как уже говорилось, исследование определенных коммуникативных стратегий и тактик ведения разговора развивается динамично, однако в лингвистике еще не доминирует одна конкретная теория, что делает возможным описание новых стратегий и тактик ведения разговора.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). М., 1990.

Барманкулов М. В. Жанры печати, радиовещания и телевидения. Казахстан, 1974.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.

Кожина М. Н. Основные тенденции развития лингвистики во II-й половине 19 века, ведущие к смене ее парадигмы // Вестник ТюмГУ. 1999. № 1.

Тарасова И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М., 1992.

Умарканова С. Ж. Тематическое структурирование текстов-интервью // Язык и литература. 2004. № 15.

- Умарканова С. Ж., Андреева К. А. Интервью как тип текста // Язык и литература. 2004. № 9.
- Awdziejew A. Gramatyka interakcji werbalnej. Kraków, 2004.
- Awdziejew A., Habrajska G. Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. Łask, 2006.
- Bauer Z. Gatunki dziennikarskie // Dziennikarstwo i świat mediów, red. Z. Bauer, E. Chudziński. Kraków, 2000.
- Garlicki B. Metodyka dziennikarska. Kraków, 1994.
- Kita M. Wywiad prasowy. Język – gatunek – interakcja. Katowice, 1998.
- Oskiera A. Strategie konwersacyjne w dialogu radiowym. Łask, 2006.
- Sacks H. Lectures on Conversation. Oxford, 1992.

ДРАМАТИЗАЦИЯ РЕЧИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТАКТИКИ «ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ» В СУДЕБНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ А.Ф. КОНИ

З.В. Баишева

Ключевые слова: речевые тактики, тактика «перевоплощение» в судебной речи, приемы драматизации, элементы драматизма.
Keywords: speech tactics, the tactics of *transformation* in the court speech, means of dramatization, the elements of dramatizm.

В каждой ситуации общения используется своя, наиболее эффективная стратегия. Речевые стратегии реализуются участниками коммуникации посредством определенного набора речевых тактик. Их выбор определяется коммуникативным намерением и коммуникативной компетенцией участников общения. В статье рассматривается одна из тактик, характерных для судебных речей известного оратора-юриста второй половины XIX века А. Ф. Кони. Наш интерес к творчеству талантливого судебного деятеля обусловлен высокой эффективностью его выступлений, которая, на наш взгляд, во многом определяется его умением использовать речевые тактики, максимально соответствующие стратегии речи.

Наиболее интересной, по нашему мнению, является характерная для обвинителя А. Ф. Кони тактика «перевоплощение», заключающаяся в том, что в ходе выступления оратор принимает на себя различные роли, позволяющие ему решать свои задачи, представляя содержание речи с разных точек зрения. Об ораторских перевоплощениях еще в 30-е годы XX века писал В. В. Виноградов. Оратор может выступить в роли «исследователя» фактов или в роли трибуна, в роли человека,

информирующего аудиторию или в роли проповедника и др. Это вопрос не политического или морального облика, а стратегии, тактики внушения, техники построения убеждающей речи [Виноградов, 1980, с. 122]. Кони А. Ф. выступает в судебных речах в разных ролях, соответственно используя различные языковые стили. Разные роли позволяют представить рассматриваемое событие с разных точек зрения, во множестве его языковых описаний, что делает речь максимально доступной для восприятия и значительно усиливает ее убедительность. Ранее нами были выделены и рассмотрены следующие прагматические роли субъекта обвинительных речей А. Ф. Кони: «социальные» (гражданин, моральный проповедник); «судебные» (беспристрастный исследователь, юрист-ученый, судья, обвинитель); а также роли «мастера слова» (полюемист, рассказчик-психолог) [Баишева, 2007; 2012].

Следует выделить еще одну роль «мастера слова», талантливо исполняемую А. Ф. Кони в обвинительных речах. Это роль драматурга, обусловленная особенностью ситуации судебного процесса. Каждая обвинительная речь известного оратора воспринимается как драматическое произведение, в котором реализованы основные специфические черты драмы. По нашим наблюдениям, А. Ф. Кони широко использует в обвинительной речи *приемы драматизации* (то есть речевые приемы, характерные для драматического произведения), а также *элементы драматизма* (то есть элементы драматического произведения, позволяющие создать, передать напряженность действия, свойственную драме). Это связано прежде всего со спецификой самой судебной речи. Бесспорно, сыграли свою роль здесь и особенности языковой личности известного юриста, любившего и прекрасно знавшего литературу и театр.

Драма (греч. drama, букв. – ‘действие’) – форма литературы, предназначенная для театра [Хализев, 1986, с. 3]. Драма в своем становлении активно взаимодействовала с ораторским искусством. Еще Аристотель отмечал сходство между вступлениями к судебным речам и прологами драматических произведений [Аристотель, 1978, с. 210]. Исследователями не раз отмечалось воздействие на становление и развитие драмы внехудожественных форм бытия, таких как судебные разбирательства, диспуты (прения), церковные богослужения и т.п. В частности, Н. А. Хренов пишет, что структура суда, в процессе которого образуется «общее мнение», «характеризует <...> зрелищную природу театра» и «свойственна каждой драме» и что поэтому «суд можно считать праструктурой зрелищного общения» [Хренов, 1981, с. 164, 166]. Генетическую связь

драматических жанров с той ораторской речью, «средоточием которой на протяжении многих веков были церковь и суд», подчеркивает В. Е. Хализев [Хализев, 1986, с. 72], подкрепляя свою мысль словами Э. Бентли: «Театр очень многое почерпнул у двух институтов <...> у церкви и суда <...> В большинстве драм существует органическая связь между проповедничеством и стилем диалога» [Бентли, 1978, с. 82–83]. Драма сформировалась при активном воздействии на нее ораторского искусства, вместе с тем несомненно обратная связь – влияние театра и драмы на становление ораторов. Так, общеизвестно, что многие крупные ораторы (например, Демосфен) обучились своему искусству у актеров.

Отмечаемая взаимосвязь драмы и ораторского искусства делает бесспорным наличие общих черт в ораторской речи и драматическом произведении. В. В. Виноградов писал: «Ораторская речь – особая форма драматического монолога, приспособленного к обстановке общественно-бытового или гражданского «действия» [Виноградов, 1980, с. 120]. Особенности ораторской речи как своеобразной сферы исполнительского искусства ярко проявляются в ее формах, обращенных к многолюдной аудитории, каковыми являются и судебные речи. Поэтому в судебной речи естественны приемы драматизации, а также элементы драматизма.

Специфику драмы составляют:

1) *сюжетность*. В драме детализированно изображаются события, протекающие в пространстве и времени.

2) *Сплошная цепь высказываний персонажей*. Доминирующее начало текста драматического произведения – словесные действия героев, составляющие здесь «непрерывную сплошную линию» (по выражению К. С. Станиславского [Станиславский, 1961, с. 309]). В драме преобладает прямая речь персонажей, которые изображаются прежде всего действующими посредством произносимых ими слов. Речь персонажей – основной способ художественно-речевого воплощения сюжета в драме [Хализев, 1986, с. 33].

3) *Средоточием действия драмы является диалог*. Монологи и диалоги по основной своей функции здесь не сообщения, а действия. При этом драматический диалог выступает в качестве главного носителя воспроизводимого действия; он с максимальной активностью выявляет положения данного момента в их неповторимости, материализует ход событий и динамику взаимоотношений героев. Не случайно Ю. Петерсен охарактеризовал драму как «диалогическое изображение действия» [Petersen, 1939, с. 119–126]. Своими словами

герои драматических произведений откликаются на развертывание событий, а также воздействуют на их дальнейшее течение. Таким образом, реплики героев не только передают особенности речи персонажей, но и служат средством изображения обстановки, отражают движение сюжета.

4) *Ведение речи в драме тождественно воспроизводимому действию.* Монологи и диалоги протекают здесь в том же самом времени, что и изображаемые события. Ф. Шиллер утверждал: «Эпопея, роман, простой рассказ уже самой своей формой отодвигают событие вдаль, так как между читателем и действующими лицами они выдвигают рассказчика <...> Все повествовательные формы переносят настоящее в прошедшее; все драматические делают прошедшее настоящим» [Шиллер, 1957, с. 58]. Сходную мысль высказывал В. Г. Белинский: «Драма представляет совершившееся событие как бы совершающимся в настоящем времени, перед глазами читателя или зрителя» [Белинский, 1978, с. 337]. Воспринимая образы драмы, мы знакомимся не с чьими-то сообщениями о жизненных фактах, а как бы вплотную с самими фактами.

5) *Конфликтность действия.* В драме не просто присутствует, а буквально пронизывает все произведение конфликт, напряженно переживаемый персонажами: «Богатая коллизиями [то есть конфликтами] ситуация является преимущественным предметом драматического искусства» [Гегель, 1971, с. 213]. Драматурги изображают моменты самые бурные, самые мучительные, так что действующие лица находятся в состоянии взволнованности, ожидания, тревоги. Театр и драма обязаны «показать человека в минуты высочайшего напряжения», – утверждал К. Чапек [Чапек, 1969, с. 74]. «Драматургичны» те мысли и стремления, которые выделяются на общем фоне внутренней жизни человека как бы крупным планом и целиком заполняют сознание, пусть на короткий срок. Поэтому драматург изображает крупные душевные движения людей: сильные, всецело завладевшие человеком чувства, осознанные намерения, сформировавшиеся мысли. В традиционной, канонически построенной драме конфликт должен исчерпать себя развязкой действия, то есть предметом драмы обязательно является «целостное действие, прослеживаемое от истока (завязки) до завершения (развязки), возникающее в результате волевых усилий индивидов, которые, стремясь к поставленным целям, вступают в противоборство с другими индивидами и объективными обстоятельствами» [Сахновский-Панкеев, 1969, с. 9].

б) *Отсутствие повествовательного начала.* Применительно к драматическим текстам можно говорить лишь об элементах повествования. Эти элементы присутствуют, во-первых, в самих словесных действиях персонажей, содержащих порой информацию о происшедшем ранее; во-вторых, в авторских обращениях к публике, «поручаемых» кому-либо из действующих лиц; в-третьих, в ремарках. Все эти компоненты драматического произведения, хотя они порой и важны, являются вспомогательными [Хализев, 1986; БЭС, 1999].

Судебный оратор оказывается перед необходимостью в небольшой промежуток времени передать все событие преступления, охарактеризовать подсудимого, потерпевшего, показать мотивы поступков обвиняемого, подобно драматургу, который, по словам французского трагика Ф. Тальма, «соединяет в тесном пространстве, в промежутке каких-нибудь двух часов, все движения, все волнения, которые даже и страстное существо может часто только пережить в долгий период жизни» (Тальма Ф. Цит. по: [Хализев, 1986, с. 119–120]). Сделать это лаконично помогают элементы драматического произведения, мастерски вводимые оратором в судебную речь. Так, А. Ф. Кони активно применяет приемы диалогизации речи, прежде всего различные виды цитирования (прямая, несобственно прямая речь, речевой прием *sermocinatio*), которые позволяют через реплики действующих лиц судебной драмы передать развитие событий, представить события прошедшие как совершающиеся здесь, на глазах у слушателей, придают им большую достоверность. Этому способствуют также вопросы и вопросно-ответные единства, картины, ремарки и пр.

Несомненно, человек, совершающий преступление (например, убийство в запальчивости и раздражении) так же, как персонаж театральнo-драматического произведения, сосредоточен на определенном переживании, занимающем его целиком, находится во власти одного стремления. Кони А. Ф., придававший чрезвычайно большое значение психологическому анализу личности подсудимого, конечно, стремился передать в обвинительной речи завладевшие подсудимым в момент подготовки и совершения преступления чувства, осознанные намерения, его мысли, и делал он это, используя приемы, характерные для драмы.

Следует отметить, что многие исследователи судебного красноречия советуют каждому судебному оратору обязательно применять приемы драматизации речи, вносить в свою речь элементы драматизма (См.: [Ивакина, 2004, с. 112–113; Каверин, 2004, с. 208; 230, 340–348 и

др.]), так как в каждом судебном деле всегда есть конфликт и драма, без них дел не бывает [Петров, 2001, с. 342]. Драматизм присущ каждой ситуации, приводящей человека на скамью подсудимых. Ведь преступление совершается с целью реализации каких-то важных и значительных запросов, которые оказались почему-либо под угрозой осуществления. Находясь в напряженно-конфликтном, исполненном драматизма положении, человек ищет выход из него, он оказывается в состоянии конфликта с самим собой или с окружающими его людьми. И когда переживаемые неразрешенные противоречия, беспокойство и тревога достигают высшей точки, «накала», человек находит выход, как ему кажется, в совершении преступления. Наступает развязка. Следовательно, в каждом судебном деле обнаруживается конфликтная ситуация, которая может быть описана при помощи приемов, используемых в драматическом произведении. В каждой обвинительной речи А. Ф. Кони есть конфликт и драма, талантливо описываемые оратором.

Приемы драматизации речи способствуют привлечению и поддержанию внимания аудитории, оказанию воздействия на чувства слушателей, облегчают понимание и восприятие ими речи, и таким образом играют немалую роль в деле убеждения аудитории, формирования у нее позиции по рассматриваемому вопросу. Весьма распространенным у А. Ф. Кони приемом драматизации речи является *цитирование*. Как прием драматизации цитирование используется для создания характеристик действующих лиц судебной драмы, является формой их показа под углом моральных оценок со стороны оратора.

Огромной убедительной силой, несомненно, обладают слова свидетеля, подсудимого или потерпевшего, передаваемые обвинителем в подлинных выражениях (*прямая речь*). Довольно часто подлинные слова свидетелей, потерпевших, подсудимых о том или ином участнике судебной драмы помогают А. Ф. Кони *дать чужими словами точную психологическую характеристику того или иного человека, раскрыть мотивы его поведения, поступков*. Например, в речи по делу Емельянова оратор раскрывает личность потерпевшей, активно применяя для этого подлинные слова свидетеля: *«Посмотрим теперь на его [Емельянова] жену. О ней также характеристичные показания: эта женщина невысокого роста, толстая, белокурая, флегматическая, молчаливая и терпеливая: «Всякие тиранства от моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», – говорит о ней свидетель Одинцов. «Слова от нее трудно добиться», – прибавил он. Итак, это вот такая личность: тихая, покорная, вялая и скудная, главное – скудная».*

Нередко А.Ф. Кони использует слова подсудимого, потерпевшего или свидетеля *для создания психологической характеристики этого лица через особенности его речи*. В подобных случаях оратор выступает как драматург, который создает действующие лица пьесы, по словам М. Горького, «исключительно и только их речами». Знаменитый юрист подмечает характерные особенности речи участников судебной драмы и предлагает их речевые характеристики.

Еще с древних времен отмечалась важность для судебного оратора умения отражать характер человека через его речь. Как известно, мастером *эпопеи* (искусства создания характера) в судебной речи, ее классиком стал знаменитый древнегреческий оратор, логограф Лисий, который строил судебную речь так, чтобы она звучала естественно, отражала характер, образ мыслей и образование говорящего (истца или ответчика), то есть вкладывал в уста своего клиента речи, соответствующие его характеру и положению. Продолжая традиции древнегреческой судебной ораторики, А. Ф. Кони умело воспроизводит с помощью слов характеризуемого лица именно то, что выражает свойства его личности, образ мыслей, настроение, культурный склад или общественное положение. Так, в речи по делу об акушере Колосове характер обвиняемого и мотивы его поведения раскрываются оратором через описание его речевого поведения. Обвинитель применяет для психологической характеристики Никитина как сказанное им, так и его молчание: *«Когда он [Ярошевич] задумал отравить Колосова, то пришел к Никитину и сказал, что копошится в его душе. Ничего не ответил Никитин, а зашагал по комнате, ходил долго взад и вперед, молча и задумчиво, и, наконец, остановившись перед Ярошевичем, поднял голову и сказал: «Да, когда змея заползет в нашу среду, то ее нужно задушить, и чем скорее, тем лучше». Это показание как живого рисует этого сдержанного человека! Он все оценивает умом, сердце и совесть стоят у него назади, в большом отдалении. Поэтому, когда Олесь сказал об отравлении, он не возмущился, не заспорил, а замолчал. Он походил, подумал, взвесил все и оценил про себя и, спокойно рассуждая, нашел, что – да! желательно, полезно и, следовательно, надо отравить... Дело было решено»*. Именно молчание является самым характерным выражением личности Никитина, однако и словам, последовавшим за молчанием, в выразительности отказать нельзя.

Кони А. Ф. мастерски воспроизводит слова, произнесенные подсудимым в минуту опасности или сильного душевного потрясения, когда человек не способен лгать и выражает свои истинные чувства,

что дает оратору возможность точно передать мысли подсудимого, понять его состояние, вызвать к нему определенное отношение со стороны присяжных. Например, в речи по делу Чихачева, доказывая, что убийство Чихачева было не неожиданным финалом простой драки, а совершено подсудимым вследствие глубокой ненависти к убитому, обвинитель обращает внимание судей на поведение и слова подсудимого после убийства: *«Но что делает подсудимый? Запертый в комнате, он закуривает папироску, чувствует аппетит, просит чаю, спрашивает, умер ли Чихачев, и, отвечая на вопрос своей жены, что он, а не она его убила, берет на себя заслугу этого дела, а когда ему говорят, что Чихачев умер, провожает его спокойными словами: «Ну, и бог с ним!» Когда человек убивает в драке, он бывает поражен, озадачен, сам убит случившимся, а когда человек убивает другого вследствие глубокой к нему ненависти и когда пролитая кровь завершает эту ненависть, он бывает спокоен, он притихает, чувствует некоторое удовлетворение, как это обыкновенно бывает после всякого страстного душевного движения. Такое удовлетворение своей ненависти и гнева почувствовал и подсудимый. Его папироска, его аппетит, его «**Не ты, а я его убил**» и его «**Ну, и бог с ним**» указывают на это».*

Знаменитого юриста можно считать мастером диалога. Он нередко воспроизводит в речи диалоги с обработанными и восстановленными им самим репликами, часто сопровождая реплики своими комментариями. Такие диалоги в его обвинительных речах, как в драматическом произведении, являются по основной своей функции не сообщениями, а действиями и, подобно диалогам героев драматического произведения, выступающим как основное средство развития действия, позволяют оратору в краткой форме, без лишних слов пересказать то или иное событие: *«Сначала она [Беляева] не помнила, куда положила, но потом, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нее в столе, и ее оттуда вынула. «Какая же это была бумага?» – спрашиваем мы. – «Духовное завещание?» – «Почему?» – «Да потому, что я его читала». – «В чем оно состояло?» – «Когда я раскрыла, я пробежала начало и конец». – «Что же там написано?» – «Отказано все в мою пользу». В завещании же, которое вам предъявлялось, господа присяжные, вы, вероятно, заметили, что отказ находится посредине, а не в начале и не в конце. «Что же вы смотрели?» – спрашиваем далее. – «Да подписи смотрела». – «Вследствие чего подписи?» – «Любопытно было посмотреть». – «Ну, а в завещании не было ли еще каких-нибудь*

выдач?» – «Я не помню, я только взглянула на него и из общего смысла поняла, что все оставлено мне». – «Что же затем: говорил ли вам покойный о завещании, не говорили ли вы сами кому-нибудь?» – «Нет». – «Когда вы вспомнили о завещании?» – «На сороковой день» (из речи по делу Беляева). Слушатель знакомится не с чьими-то сообщениями о жизненных фактах, а как бы вплотную с самими фактами. Кроме того, передача какого-либо события в описательных выражениях значительно сложнее, требует большего количества слов и времени, чем прямые слова участников события.

Характерным для обвинительных речей А. Ф. Кони является речевой прием *sermocinatio*: вместо того, чтобы передавать чужое чувство, слова или мысль в описательных выражениях, оратор пересказывает их так, будто они были выражены непосредственно тем лицом, о котором идет речь. Этот «способ выражения и точнее, и понятнее, и, главное, убедительнее для слушателей» [Сергеич, 2000, с. 62]. При этом указывается, что приписываемые тому или иному лицу слова на самом деле им не были произнесены. Это слова, «не подслушанные» оратором, «а, так сказать, подсмотренные в деле между строками» [Сергеич, 2000, с. 63]. Слушатель вместе с говорящим представляет, что и как могло бы быть сказано в той или иной ситуации. Судебный оратор выступает как драматург, создающий диалог. Кроме голоса самого выступающего, в его речи начинают звучать другие голоса. Аудитория воспринимает предполагаемые слова подсудимого или потерпевшего как действительно сказанные ими, и таким образом речевой прием *sermocinatio* играет немалую роль в деле убеждения присяжных, воздействия на их чувства, формирования их мнения о виновности или невиновности подсудимого, о надежности показаний свидетелей.

В речи по делу Емельянова А. Ф. Кони, объясняя поведение подсудимого, взявшего на место преступления свою любовницу, трактовал этот поступок как желание закрепить ее за собой навсегда. Для иллюстрации высказанного предположения оратор использует *sermocinatio*: *«Тогда всегда будет возможность сказать: «Смотри, Аграфена! Я скажу все, мне будет скверно, да и тебе, чай, не сладко придется. Вместе погибать пойдем, ведь из-за тебя же Лукерья душу загубил...»*. Тот же речевой прием служит иллюстрацией другого предположения, высказанного обвинителем: *«Затем могли быть и практические соображения: зайдя за ней, он мог потом, в случае обнаружения каких-нибудь следов убийства, сказать: я сидел в участке, а в участок шел с Грушей, что же – разве при ней я совершил убийство? Спросите ее! Она будет молчать, конечно, и*

тем дело кончится». В обоих случаях речевой прием *sermocinatio* дополняет характеристику подсудимого и делает наглядным утверждение обвинителя о том, что убийство совершил Егор Емельянов. Аудитории начинает казаться, что она слышит слова самого подсудимого, и мысль о том, что преступление совершено именно им, становится не абстрактным предположением, а наглядным фактом. Такие, хотя и вымышленные, но вполне возможные, правдоподобные, обусловленные ситуацией слова разъясняют положение вещей, помогают раскрыть мотивы участников преступления, наглядно поясняют мысль оратора.

Оптимальный способ передачи скрытых размышлений, переживаний другого человека сквозь призму восприятия судебного обвинителя – *несобственно-прямая речь*. Она не является непосредственной передачей чьих-то слов, а принадлежит говорящему, поэтому все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения оратора. Вновь А. Ф. Кони выступает как драматург, создающий диалог. Кроме голоса самого оратора, в его речи начинает звучать голос подсудимого или потерпевшего, который как бы размышляет вслух перед слушателями. Подобно тому, как слово персонажа пьесы обычно идет «по живым следам» случившегося, является откликом человека на непосредственно окружающее, на ситуацию момента: на чей-то поступок, на кем-то сказанное слово, на чье-то движение, на какой-то звук и т.п., то есть является непосредственной реакцией на происходящее, так несобственно-прямая речь раскрывает душевные движения, мысли, эмоции, которые испытывал человек в определенный момент, в определенном состоянии, и намерения этого человека: *«Он не ест ничего и ничего не пьет, не может пройти по комнате, жалуется на головную боль, не спит. Да и до сна ли?! Хозяйство стало, денег нет, едва ли «вычухается», смерть близка, а тут все, накопленное долгим трудом, придет в разорение, придется нанимать работника, платить ему 6 руб. в месяц, жена остается одна, без поддержки, – вдову-то легко всякому обидеть, да еще с детьми, да еще беременную, где тут спать! Вот что должно было приходиться неминуемо и вполне естественно в голову больному и усиливать его огорчение»* (из речи по делу о нанесении Северину побоев). Передавая не высказанное, а передуманное, перечувствованное потерпевшим Севериным, оратор не полностью перекладывает мысли и чувства потерпевшего на его словесную ткань (*вот что должно было приходиться в голову больного*), а оставляет возможность понять собственную позицию обвинителя в рассматриваемом деле и сделать соответствующие выводы.

Главная задача юриста при воспроизведении человеческих дум, переживаний – отыскать мотив, руководивший обвиняемым при совершении преступления. Для того чтобы приблизить слушателей к адекватному восприятию душевного и психологического состояния подсудимого, А. Ф. Кони прибегает к *диалогизации* его *внутреннего монолога*. Совершению преступления обычно предшествует стрессовая ситуация, которая требует немедленного разрешения. Стремясь найти выход из затруднения, человек испытывает потребность в собеседнике. В результате происходит внутренняя беседа, спор с самим собой, мелькают противоречивые мысли: *«Взгляните в обстановку Егора и отношения его к жене. Надо от нее избавиться. Как, что для этого сделать? Убить... Но как убить? Зарезать ее – будет кровь, нож, явные следы, – ведь они видятся только в бане, куда она приходит ночевать. Отравить? Но как достать яду, как скрыть следы преступления, и т. д. Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство – утопить. Но когда? А когда она пойдет провожать его в участок, – это время самое удобное, потому, что при обнаружении убийства он окажется под арестом и даже как нежный супруг и несчастный вдовец пойдет потом хоронить утопившуюся или утопившую жену»* (из речи по делу Емельянова).

Высокая степень волнения, противоречивость и беспорядочность мыслей, перескакивающих с предмета на предмет, невозможность сосредоточиться на чем-то одном выражаются в судебной речи «синтаксической напряженностью» [Ринберг, 1978, с. 131] внутреннего диалога. Она создается прежде всего при помощи синтаксической структуры преобладающих предложений: неполных, односоставных, простых двусоставных. Немалую роль в создании синтаксической напряженности играет обилие интонированных предложений, которые располагаются обычно в следующем порядке: за вопросительным предложением в качестве ответа на вопрос следует восклицательное с отрицанием или с противительным союзом «но» в инициальной позиции. Содержащееся в вопросе предположение обычно немедленно отвергается в ответе. Незаконченность мысли, вызванная неожиданным переходом к другим мыслям, выражается обилием недосказанностей. В подобных диалогах, граничащих с *драматизацией* текста, прослеживается напряженная внутренняя борьба, объясняется, каким образом в голове будущего преступника возникла преступная мысль, эти диалоги приближают слушателей к зримому восприятию состояния обвиняемого.

Важнейшим приемом драматизации речи для судебного оратора А. Ф. Кони, несомненно, является цитирование. Вместе с тем нами

выявлены и другие характерные для известного юриста приемы внесения в речь элементов драматизма. Так, А.Ф. Кони свойственно создание в речи картин. *Картина* (термин О.В. Петрова, который относит «картину» к фигурам речи [Петров, 2001, с. 110, 124–138]) – это прием, с помощью которого все сказанное представляется как бы происходящим на глазах у слушателей. Картины создаются судебным оратором на основе фактических данных, связанных с местом и временем, когда происходило то или иное событие, имеющее отношение к разбираемому делу. При этом знаменитый юрист не стремится к точному, подробному описанию события, давая простор слушательскому воображению, которое восстановит всю картину по двум–трем чертам. Например, вот как создается А. Ф. Кони картина происшедшего в Ашеве объяснения подсудимых с Чихачевым в речи по делу Чихачева: *«Я не стану повторять историю, которая разыгралась в Ашеве. Ее фактическая обстановка не подлежит сомнению. Здесь достаточно описаны и этот грязный кабак, и комната, перегороженная тесовою перегородкою пополам, и запертая дверь в перегородке, и предшествующие посещению Чихачева дружеские объяснения с ним обвиняемого, и, наконец, выход Чихачева из этой конуры – бледного, испуганного, растерянного, почти больного»*. Картина происшедшего объяснения создается лишь одной деталью: *«выход Чихачева из этой конуры – бледного, испуганного, растерянного, почти больного»*, однако рисуется перед глазами быстро, живо, отчетливо. Воображение слушателей, не стесненное подробностью описания, легко и свободно дорисовывает ее.

В обвинительных речах А. Ф. Кони картина может быть *дополнением к характеристике* того или иного участника судебной драмы. Например, в речи по делу об акушере Колосове характеристика подсудимого Колосова дополняется картиной, подтверждающей скудость этого человека: *«... явное указание на его [Колосова] щедрость содержится в том, что он записывает в дневник «на память» о всяком несъеденном любимую девушкою куске, прибавляя: «а деньги заплачены», и подбирает сослуживший и разорванный купон, сравнивая разорвавшую его – с содержанкою»*.

Картина используется А. Ф. Кони также для *изложения версии совершения преступления*. Например, при описании убийства Емельяновым своей жены оратор создает мрачную, неприглядную картину преступления: *«Завязывается борьба на откосе, подсудимый пихает жenu, они скатываются в минуту по жидкой грязи, затем он схватыва-*

ет ее за плечи и, нагнув ее голову, сует в воду» (из речи по делу Емельянова).

Нередко картина является иллюстрацией поведения действующих лиц судебной драмы:

«Он [Солодовников], очевидно, ищет, чем бы наполнить пустоту и унылость своей жизни: пристращается к лошадам, ездит на бега – и через год распродает всю свою конюшню; заводит дорогих и редких голубей, строит им голубятню, восторгается их шумящим полетом – и сразу прекращает эту забаву, этот наследственный отголосок привычек молодых купеческих парней...» (из речи по делу Солодовникова).

«Картиность» создается разнообразными грамматическими средствами, выражающими статичность, «бытийность». Обращает на себя внимание, прежде всего, употребление оратором однородных сказуемых, выраженных глаголами настоящего времени (в значении прошедшего). Приведем пример созданной А.Ф. Кони картины из речи по делу Рыжова:

«Войдя к Рыжову, увидя этого человека, так много испортившего ему желчи, Шляхтин – нервный, впечатлительный, всегда раздражительный, отдался весь порыву того гнева, который в нем долго накоплялся и, вероятно, кипел всю ночь после рассказа Дмитриевой. <...> Он забыл, зачем пришел; он видит только ненавистного в эту минуту человека, который смеет гордиться своею правотою, смеет не уважать его, Шляхтина, смеет резко говорить о нем... Он хватает его за бороду, плюет в лицо и грозит пистолетом. Затем жена выталкивает его из кабинета; но и здесь, оставшись один, он чувствует, что не все высказал, не излил всего своего гнева, и начинает браниться – браниться резко, непристойно, дико, вероятно, самыми грубыми площадными словами <...>. Тогда, в свою очередь, Рыжов, человек, который должен был быть ошеломлен всем происшедшим, начинает, несмотря на мольбы жены, отдаваться гневу и, взяв в руки палку, выбегает, чтобы выгнать Шляхтина. Но известно всякому, кто имеет несчастье быть вспыльчивым, кто когда-либо «выходил из себя», что люди подобного рода еще более раздражаются от своих собственных слов; чем более они кричат, тем более усиливается раздражение, чем более они бранятся, тем более они чувствуют необходимость продолжать брань до тех пор, пока не выскажут всего, что давит их сердце, что мутит их зрение. То же должно было быть и здесь...».

Глаголы настоящего времени, не соответствующие моменту речи, не только оживляют речь, но и воссоздают все эпизоды преступления. Перед нами очень эмоциональная картина. В приведенном фрагменте оратор передает нарастание гнева, злобы, ненависти в подсудимом Шляхтине, которые и привели его к роковому выстрелу, передает накал страстей, и главным образным средством здесь является *градация*.

В этой речи большая часть картины совершения преступления представляет собой описание чувств, которые испытывал Шляхтин в момент совершения преступления. При этом обвинитель подчеркивает, что представляет свою версию совершения преступления, свою версию состояния, в котором находился в этот момент подсудимый. Именно поэтому А. Ф. Кони, описывая чувства Шляхтина, не раз употребляет вводное слово *вероятно*, ссылается на общеизвестное положение вещей: *«известно всякому, кто имеет несчастье быть вспыльчивым, <...> что люди подобного рода еще более раздражаются от своих собственных слов»*, высказывает предположение: *«то же должно было быть и здесь»* и др. Оратор не стремится к точности описания, здесь для него главное – воздействие на чувства слушателей, на их воображение.

Иногда в обвинительных речах А. Ф. Кони описание последовательных событий трансформируется, «застывает», подается как цельная картина, точнее, как ряд сменяющихся картин: *«... он [Лысенков] ездит к Седковой, пишет ей письма, ведет дружбу с Бороздиным, оказывается на вокзале Царскосельской железной дороги, когда нужно уломать Киткина, хранит у себя завещания и предварительный проект, дает письменные советы Петлину, совершает отсрочку Макаровой для получения сундучка. Он не спускается до сношений с Ариною Беляевою, но к нему обращаются все участники дела, через него сначала просят они денег у Седковой, от него получают свой пароль <...>. Он обдумывает, распоряжается, диктует; он же требует от Седковой заслуженных денег, и, соболезнуя о «корыстолюбии и склонности к доносам» Бороздина, берет для него 1 тыс. руб. и советует уплатить ему за молчание другую ...»* (из речи по делу Седкова).

В этом фрагменте события, реально развивающиеся во временной последовательности, даются оратором как бы одновременно. Это достигается использованием одинаковых синтаксических конструкций. Перед нами три простых предложения, осложненных однородными сказуемыми – глаголами в форме настоящего времени. Особенностью этих предложений является то, что главным членом в них оказывается не существительное, это было бы обычно, а личное местоимение. Одновременность происходящих действий, «статичность» создается использованием глаголов в одной временной форме. Вместе с тем, обилие этих глаголов передает динамику картины. Этим внутренним противоречием – одновременной динамичностью и статичностью общей картины – создается эмоциональное напряжение.

Для А. Ф. Кони характерны также предельно сжатые описания места происшествия или какого-либо события, напоминающие *«обстановочные» ремарки* в тексте пьесы. Так, в приведенном выше фрагменте из речи по делу Чихачева обстановка, в которой происходило объяснение подсудимых с Чихачевым в Ашеве, передается при помощи нескольких существительных – однородных дополнений (*кабак, комната, дверь*). Это описание места происшествия явно выполнено по законам драматического произведения, напоминает *«обстановочные» авторские ремарки* в пьесе как проявление предельно ограниченной в драме авторской речи. Подобные описания, как правило, не экспрессивны, не содержат прямых оценок автора, в них мало образных средств. Они дают оратору возможность быть лаконичным и при этом представить подробную картину места происшествия, не утомляя слушателей.

Наиболее характерно для А. Ф. Кони использование описаний, похожих на *«обстановочные» авторские ремарки* в пьесе, в тех случаях, когда по обстоятельствам рассматриваемого в суде дела нет необходимости в подробном, детальном показе места какого-либо события. Таковым является, например, описание условий жизни 58 чухон в речи по делу Горшкова:

«Посмотрите, среди кого распространяется скочество, на кого оно старается действовать. Опять я сошлюсь на этих 58 чухон, дело о которых разбиралось в Петербургском окружном суде два года назад. Вы знаете ту унылую, суровую и скудную природу, среди которой живут эти люди: кочковатые болота, кривые березы, мхи, жалкий климат – все это при экономической придавленности и неразвитости, при вопиющей нередко бедности ложится на них тяжелым бременем, делает их жизнь горькою». Обстановка обрисована оратором предельно лаконично, при этом описание получилось очень ярким и наглядным.

Важнейшими компонентами, с помощью которых создается драматическая ситуация, являются: *конфликт, ожидание, развязка*. Под *конфликтом* в художественном произведении имеется в виду противоположная направленность интересов, целей и стремлений главных действующих лиц, которая проявляется в их поведении, переживаниях и конкретных поступках, в их диалогах и монологах. С помощью конфликта автор выражает свои важнейшие идеи. Затем следует *ожидание*, во время которого действие и противодействие временно уравнивают друг друга. *Развязка* наступает в конце произведения. Судебный оратор не всегда может изложить все элементы драмы в художественных образах. Поэтому драматизм в судебной речи принимает форму *борьбы идей*. В каждой

обвинительной речи А. Ф. Кони обнаруживается конфликт и драма. Оратор мастерски показывает, как и почему сталкиваются интересы людей, а затем и сами люди. В его речах четко просматривается драматическое развитие сюжета: возникновение конфликта, его постепенное развитие, борьба противоположностей, обуславливающее временное равновесие сил, разрешение конфликта. Описание житейской драмы, ставшей объектом судебного разбирательства, напоминает канонически построенную пьесу с трехчленной сюжетной схемой: а) исходный порядок (равновесие); б) его нарушение; в) его восстановление.

Рассмотрим на примере речи по делу Рыжова, как оратор вводит в выступление элементы драматизма. Сначала дается характеристика двух непохожих друг на друга людей: свойства личности, особенности поведения. При этом в каждом из них подчеркиваются те черты характера, которые определили их поведение в сложившейся конфликтной ситуации. Так, характеризуя потерпевшего Рыжова, А. Ф. Кони отмечает:

«...этот человек, вспльчивый по характеру, – я не стану этого отрицать, – настойчивый в своих мнениях, упорный в своих привязанностях, в то же время живо принимающий к сердцу всякие изменения в людях, которым верил, прямо и резко говорящий всем правду, вмешивающийся в чужие дела там, где находит это полезным и необходимым для других, иногда навязывающий чуть ли не насильно свое мнение...».

Характеристика подсудимого Шляхтина используется для того, чтобы объяснить преступление его личными свойствами и душевными побуждениями:

«Неслужащий дворянин, проживающий без дела в деревне отца, не имеющий никакого определенного общественного положения, но уже обзаведшийся семейством, человек нервный, болезненный, до крайности самолюбивый, и тем более самолюбивый, чем незначительней и неопределенней его положение в общественной жизни. Этот человек встречается с Рыжовым».

То, что эти личности оказались рядом, стало началом драмы, которая и рассматривается на судебном заседании. Далее оратор сводит этих людей вместе:

«И вот, такие два человека, совершенно противоположные по своему развитию и привычкам, один – ничего не делающий всю жизнь, другой – трудящийся, деятельный; один – весьма легко относящийся к обязанностям, другой же – со всей строгостью, сурово и резко, – эти люди сошлись на время, ввиду разных целей, причем одному хотелось нравственно спасти другого, вызвать его к жизни, дать ему деятельность, другому – занять известное место в обществе».

Кони А.Ф. стремится придать речи наибольшую силу. Для этого употребляется фигура *параллелизма*, которая позволяет слушателям ясно ощутить противоположность натур потерпевшего и подсудимого, противоположность их интересов и жизненных целей. Достигается это благодаря сравнению главных лиц судебной драмы. Параллелизм соединяется с *характеристикой*. Сравнение Рыжова и Шляхтина позволяет обвинителю наметить назревающий между ними конфликт, в результате которого Рыжов будет убит, а Шляхтин станет убийцей. Фигура параллелизма и характеристика позволяют подчеркнуть и усилить драматизм разбираемого дела. Фигуры не выполняют никаких самостоятельных функций, а служат раскрытию главной идеи оратора: наилучшим образом передать конфликт и суть разбираемого дела.

Далее А. Ф. Кони показывает развитие конфликта между Рыжовым и Шляхтиным и вновь сопоставляет двух главных действующих лиц драмы: *«Вы имели возможность ознакомиться с личностью Шляхтина, вы могли убедиться, что это был человек в высшей степени самолюбивый, чрезвычайно щепетильный <...>. И вот такой человек встречается с честною, правдивою, строгою и резкою личностью, он слышит осуждение от человека, которого встретил не случайно, которого знал не один день, который принимал в нем участие, – и этот-то человек ему высказывает строго и серьезно свое неудовольствие, произносит жестокое слово осуждения...»*.

Следующий компонент драматической ситуации – *ожидание* – представлен в речи как временное равновесие конфликтующих сторон: *«...еще 28 января Шляхтин прислал Рыжову письмо, в котором говорил ему, что найдет его, что никогда не простит сестре тех оскорблений, которые она нанесла ему, пользуясь правами сестры и женщины. Письмо это было возвращено обратно с заметкой Рыжова, который, в полном сознании своей правоты, удивляется, как Шляхтин решается писать подобные вещи, поступив таким образом в доме сестры...»*.

Оратор показывает, как постепенно развивается конфликт, возрастает напряжение: *«Вернувшись домой из театра, Шляхтин получает известие о том, что в дела его постоянно и настойчиво вмешиваются; он раздражается еще более и утром идет к Рыжову. Его не принимают. Тогда он пишет письмо, последнее, которое вы слышали, где говорит, что не пощадит ни себя, ни Рыжова, если только тот позволит себе нанести ему оскорбление. Затем, после того как Рыжов прислал ответное письмо, он, не приняв этого письма, говорит, что Рыжов может объясниться с ним с глазу на глаз. Рыжов приглашает его, и он идет часом раньше, чем назначено»*.

Все события разворачиваются как бы на глазах у слушателей. Это достигается тем, что все глаголы употреблены в форме настоящего времени.

Развивающийся конфликт представлен в речи очень наглядно: оратор стремится выразить мысли, чувства и переживания действующих лиц: «Одна мысль, что этот человек **вмешивается** в его дела, что он **имеет** какое-то право класть на него клеймо нравственного осуждения, что он **имеет** возможность осуждать его, третировать как виноватого, постановлять о нем приговор – это одно должно было увлечь все существо Шляхтина – и тогда-то у него должно было явиться желание отмстить этому человеку, уничтожить его, устранить этого непрошеного судью, который с палкою в руках **кричит**: «Вон, негодяй, из моего дома!» – и который даже **не верит, не хочет верить**, что в него может посметь стрелять «подлец»!».

Далее наступает развязка: «... внутренняя борьба в Шляхтине была непродолжительна; он сам сегодня утром рассказывал нам, что сказал Рыжову «буду стрелять», но остановился, потому что выстрелить «было бы ужасно»; но тем не менее это не остановило его и гнев поборол голос совести и рассудка. Но удар был отклонен женою Рыжова. Тогда, **весь отдавшись своему слепому гневу, сказав опять: «Буду стрелять» – Шляхтин выстрелил еще раз и убил Рыжова**».

Итак, в речи представлен конфликт, взятый из жизни, он получил развитие в речи обвинителя: есть ожидание и развязка. Конфликт и драма не надуманы, они являются сутью разбираемого дела. Исползованные в речи элементы драматизма позволили оратору естественно соединять отрывки текста в одно целое. Речь представляет собой единое целое, рассказ о драматическом событии, ставшем предметом разбирательства в судебном заседании.

Подведем итоги.

В каждом судебном деле есть конфликт и драма, поэтому в судебной речи естественны приемы драматизации, а также элементы драматизма. Разнообразные приемы драматизации речи, приемы внесения в речь элементов драматизма позволяют оратору достоверно и в лаконичной форме передать все событие преступления, осуществить психологический анализ личности подсудимого, раскрыть мотивы преступления, а также способствуют привлечению внимания слушателей к речи, активизации их мышления, созданию эффекта совместного рассуждения. В речи А.Ф. Кони естественны такие приемы драматизации речи, как цитирование (использование прямой, несобственно-прямой речи, речевой прием *sermocinatio*), а также элементы драматизма – картины; ремарки, напоминающие «обстановочные» ремарки в тексте пьесы; создание драматической ситуации в речи (раскрытие конфликта и драмы) и пр.

Как мастер речевого портрета А.Ф. Кони создает точные характеристики действующих лиц судебной драмы, используя прямую речь,

воспроизводя именно те слова, выражения, фразы, в которых ярко проявляются особенности характеризуемой личности, значимые для судебного разбирательства по данному делу. Как драматург, создающий диалог, для выражения нравственной оценки поступков того или другого человека, с целью разъяснить положение вещей, раскрыть мотивы участников преступления, наглядно пояснить свою мысль, оратор применяет речевой прием *sermocinatio*. Драматизируя речь, оратор описывает житейские коллизии, ставшие объектом судебного разбирательства, представляя все как бы происходящим на глазах у слушателей, передает напряженное развитие сюжета: возникновение конфликта, его постепенное развитие, борьбу противоположностей, обуславливающую временное равновесие сил, разрешение конфликта, мастерски показывает, как и почему сталкиваются интересы людей и сами люди. С помощью конфликта оратор выражает свои важнейшие идеи, придает речи наибольшую эмоциональную, убеждающую силу. Речь воспринимается как единое целое.

Роль драматурга, исполняемая А. Ф. Кони в обвинительных речах, помогает оратору создать целостное действенное выступление, более точно в смысловом и эмоциональном плане раскрыть главную мысль, усилить ее, сделать речь более убедительной.

Литература

Аристотель и античная литература. М., 1978.

Баишева З.В. Стратегии и тактики речевого поведения судебного оратора // Коммуникативистика в современном мире : эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.

Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : дис. ... докт. филол. наук. Уфа, 2007.

Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти тт. М., 1978. Т. 3.

Бентли Э. Жизнь драмы. М., 1978.

Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1999.

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х тт. М., 1971. Т. 1.

Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М., 2004.

Каверин Б.И., Демидов И.В. Ораторское искусство. М., 2004.

Петров О.В. Риторика. М., 2001.

Ринберг В.Л. Модели внутреннего монолога в романах Л.Н. Толстого и их разветвление в советской прозе // Язык и стиль Л.Н. Толстого. Тула, 1978.

Сахновский-Панкеев В.А. Драма. Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь. Л., 1969.

Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. Тула, 2000.

Станиславский К.С. Собрание сочинений. В 8-ми тт. М., 1954–1961. Т. 2.

Хализев В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М., 1986.

Хренов Н.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981.

Чапек К. Об искусстве. Театр и кино. Изобразительное и прикладное искусство. Архитектура. Литература. Л., 1969.

Шиллер Ф. Собрание сочинений. В 7-ми тт. М., 1957. Т. 6.

Petersen J. Die Wissenschaft von der Dichtung. Bd 1. Werk und Dichter. Berlin, 1939.

ОБ ОДНОМ ИЗ ПРИЗНАКОВ КРИЗИСНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОБЪЕКТА ЭВОКАЦИИ

Э.В. Малыгина

Ключевые слова: объект эвокации, кризисная коммуникация, системность, типовой диалог, неуважение к Другому.

Keywords: object of evocation, crisis communication, typical dialog, systemic, disrespect of the Stranger.

В рамках современной теории лингвистической эвокации объектом признается «вся действительность, включая коммуникативную, семиотическую, текстовую, мыслительные конструкты, отношения сознания человека. Рассмотрение действительности в качестве объекта эвокации означает признание возможности «перенесения» (Т.Г. Винокур) ее в текст, ее фрагментирования, селекционирования, оценку и последующее конструирование продукта эвокации» [Чувакин, Савочкина, Широких, 2011, с. 109].

Сущность кризисной коммуникации (объекта эвокации) в проведенных ранее исследованиях определялась как *лишение способности Homo loquens к мышлению-речи, расчеловечивание* рече-коммуникативных отношений в обществе, ситуации, когда *речь вновь лишается власти*. [Малыгина, Подсадный, Чувакин, 2009, с. 165]; как «господство коммуникативной парадигмы монологического типа, нарушение баланса в отношениях тенденции к речевой гармонии и тенденции к речевой агрессии в пользу последней» [Чувакин, URL].

В данной статье кризисная коммуникация как фрагмент коммуникативной действительности рассматривается на материале эссе И. Манцова¹:

<...> Например, у нас плохо с диалогами. В стране с хорошей литературной традицией не умеют писать диалоги. Кроме прочего, это говорит о системном

¹ Манцов И. Рецензии. Обзоры. Кинообозрение Игоря Манцова // Новый мир. 2002. № 6.

кризисе коммуникации. В современной России не уважают Другого, и как следствие, не желают с ним разговаривать. Если угодно, презрение к Другому – социальный заказ нынешней элиты, который ангажированные властью мастера кинематографа выполняют по мере сил... Вот типовой диалог, восемь секунд назад прослушанный мной в телевизоре:

– Ничего не понимаю...

– Да все ты понимаешь!

Что называется, караул. Герои нашей теле- и кинопродукции общаются исключительно в режиме наезда, в режиме распальцовки <...>

Обращение к этому материалу обосновано возможностью презентации кризисной коммуникации с помощью типового диалога (аналога реального речевого взаимодействия). В тексте И. Манцова воспроизводится модель современного межличностного общения, в которой сфокусированы свойства типового диалога, прослушанного автором кинорецензии в ситуации реального речевого взаимодействия людей в медийном дискурсе. Медийный дискурс предполагает учет этикетных формул в процессе взаимодействия коммуникантов и выступает одним из индикаторов характера межличностных отношений.

Основным признаком, который может выступать сигналом изображенной кризисной коммуникации в акте межличностного взаимодействия, является *системность* неуважения к Другому.

Под *системностью* проявления кризиса мы понимаем взаимозависимость элементов коммуникации, в процессе которой возникает серия деструктивных форм взаимодействия, что порождает необходимость решения проблемы (противоречия), преодоления того, что может создавать угрозу дальнейшему существованию человека. Одним из сигналов системности деструктивного характера взаимодействия субъектов *повторяемость* (регулярность) признака. Повторяемость определенного явления или его признака приобретает кризисный характер при условии его «отрицательного» (деструктивного, негативного) влияния на коммуникативную жизнь общества. «Отрицательный сдвиг» [Чувакин, URL] выступает необходимым условием идентификации кризисогена.

Исследование кризисогенности неуважения к Другому и особенностей ее презентации в тексте предполагает обращение к следующим этапам анализа представленного фрагментатекста: а) лингвистический и коммуникативный анализ *типового диалога* героев (цель – выявить сигналы неуважения к Другому); б) лингвистический и коммуникативный анализ *текста-комментария автора* (цель – установление кризисогенности признака *системности* неуважения к Другому).

Фрагмент беседы героев на композиционном уровне текста представлен в форме диалога (*– Ничего не понимаю...! Да все ты понимаешь!*).

Особенностью композиционно-синтаксической организации указанного текста (жанр общения в режиме реального времени) является наличие конструкции с прерывающей репликой. Конструкция с прерываемой репликой и конструкция с прерывающей репликой обладают разным синтаксическим и смысловым статусом. Как отмечает Г.М. Чумаков, «прерывающая реплика признается всегда семантически весомей прерываемой» [Чумаков, 1975, с. 156]. Хотя в рамках бытовой коммуникации процесс прерывания речи собеседника не всегда становится показателем неуважения, в представленном диалоге оно воспринимается как показатель неуважения к собеседнику и развертывается в рамках антидиалогизма. Одним из значений пунктуационного знака «многоточие» является передача незавершенности мысли субъекта, которая может быть достигнута внезапным (резким) прерыванием (*Да все ты понимаешь!*). Резкое прерывание предшествующей реплики позволяет обнаружить субъектную неравнозначность взаимодействующих коммуникантов, которая эксплицируется семантикой языковых средств в структуре второй реплики. Форма ты-обращения к собеседнику является языковым показателем фамильярности в речевом акте, наличие экспрессивности в речевом слое второго героя (восклицательное предложение) способствует усилению коммуникативно-доминирования над партнером.

Тактика игнорирования реплики собеседника по поводу устранения информационного «пробела» о денотате (*Ничего не понимаю!*) препятствует установлению межличностного контакта.

Таким образом, языковыми маркерами неуважения в данном типом диалоге являются резкое прерывание реплики собеседника, ты-форма обращения к нему, экспрессивность высказываний. Представленные языковые средства позволяют диагностировать неравноправие субъектов (доминирование второго собеседника над первым в процессе осуществления речевого взаимодействия), которое выступает коммуникативным (неязыковым) показателем неуважения к Другому.

Важное значение в установлении признака *системности* неуважения к Другому как сигнала его кризисогенности принадлежит *авторским комментариям*, представленным в пре- и постпозиции речевого контакта героев телепродукции. Авторский комментарий позволяет определить ситуацию (*типовой диалог, восемь секунд назад прослушанный мной в телевизоре*), в которой функционируют высказывания (сообщения) субъектов коммуникации. С помощью комментария автора передается информативно-смысловой эффект диалога: усмотрение в нем «*системного кризиса коммуникации*».

«*Неумение писать диалоги*» позволяет читателю эксплицировать факт отсутствия примеров оптимального и эффективного взаимодействия героев в теле- и кинопродукции. Частотность проявления данных деструктивных процессов коммуникации связана с обращением автора кинокритики к типовому диалогу, иллюстрирующему стандартную модель взаимодействия субъектов.

Языковыми средствами, передающими регулярность ряда процессов, одним из которых выступает неуважения к Другому как показатель определенной социокультурной ситуации современной России, являются повторяющиеся неопределенно-личные предложения в комментарии И. Манцова. Неопределенно-личные предложения в данном контексте выражают семантику стандартности, частотности явлений в современной коммуникации: отсутствие профессионализма (*не умеют писать диалоги*), отсутствие установки на совершение речевого и неречевого действия (*не уважают Другого и, как следствие, не желают с ним разговаривать*). Регулярность проявления неуважения к человеку транслируется в речевом слое автора рецензии с помощью обобщения (*презрение к Другому – социальный заказ нынешней элиты*). Частица «*исключительно*» в значении «*лишь, только, единственно*» придает коммуникативно-этическому явлению неуважения к человеку универсальный, закономерный характер.

Авторские комментарии позволяют дополнить коммуникативные сигналы проявления неуважения к Другому. Так, выявленный нами акт прерывания речи собеседника в диалоге героев есть проявление тактики «*наезда*» и режима «*распальцовки*», нежелания общаться с собеседником (игнорирование инициации общения). Указанные компоненты образуют специфическую систему рече-коммуникативных отношений, интегративным признаком которой является неуважение к Другому.

Системность неуважения к Другому представлена в тесной связи типового диалога и ситуации. В данном примере функционирование текста в медийном дискурсе позволяет нам установить кризисный характер нарушения этической нормы через анализ языковых и коммуникативных средств текста.

Прерывание речи собеседника и *нежелание с ним разговаривать* создает коммуникативную блокаду в системе межличностных отношений. В высказывании кинокритика делается попытка рассмотрения кризиса коммуникации как вектора движения к «*квазидialogизму*»: речевая коммуникация остается диалогической по форме, но жестко монологической по сути [Мальгина, Подсадный, Чувакин, 2009, с. 164].

Таким образом, системность проявления кризисогена определяет взаимообусловленность актов взаимодействия субъектов. Кризисогенный

признак возникает только в процессе функционирования текста, то есть реализации его коммуникативной природы.

Литература

Малыгина Э.В. Принципы взаимодействия приемов воспроизведения кризисной межперсонажной коммуникации в рассказе В.М. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» // Филология и человек. 2012. № 2.

Малыгина Э.В., Подсадный Ю.В., Чувакин А.А. Кризис речевой коммуникации : некоторые размышления и наблюдения // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1.

Чувакин А.А. Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/timetable>

Чувакин А.А., Савочкина Е.А., Широких И.А. Эвакуационный подход к исследованию текста // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.

Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с Чужой речью. Киев, 1975.

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ МЕТОДИКИ КОММУНИКАТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Е.И. Клинк, А.А. Шмаков

Ключевые слова: методика коммуникативного моделирования, интернет-коммуникация, блог, имиджевая статья, модель «проблема-решение».

Keywords: communicative method of modeling, Internet communication, blog, image article, pattern «problem-solution».

В рамках коммуникативного подхода текст представляет собой «сообщение» вещного мира, обращенное к человеку говорящему и слушающему (Homo Loquens) – смыслопонимающему и смыслотворящему существу. Именно Homo Loquens (А.А. Чувакин и др.) осуществляет выбор конкретных форм выражения значимого смысла из потенциально возможного множества и творит тем самым новую реальность – текст, который, трансформируясь, начинает самостоятельное существование в мире (ср. принцип коммуникативной трансформируемости [Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова 2000]). Эта надперсональная, универсальная смысловая реальность в свою очередь «нуждается» в человеке как носителе языка, чтобы осуществиться в человеческом

мире, обрета бесконечную вариативность и полноту воплощения. С этой идеей схожа мысль, высказанная У. Эко: «Слово не есть знак. В нем раскрывается само бытие» [Эко, 1998, с. 23]. Таким образом, язык необходим человеку для выражения как вещного мира, так и собственного отношения к нему. Эти два компонента являются неотъемлемыми частями коммуникативного процесса и могут быть подвергнуты процедуре моделирования.

Авторы данной статьи исходят из того, что моделированию могут быть подвергнуты объекты различной природы. Специфика этих объектов как раз и определяет варьирование методики моделирования, что и будет показано далее. При этом базовый принцип моделирования остается неизменным.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы доказать правомерность использования методики коммуникативного моделирования в исследовании объектов с различными коммуникативными статусами (на примере PR- и интернет-коммуникации).

Моделирование как процесс построения моделей реально существующих объектов (процессов, явлений) и их исследование в современной филологии используется все чаще, поскольку позволяет переместить акцент с рассмотрения «объектов-целостностей на объектно-ситуации и объекты-взаимодействия» [Бермус, 2007, с. 57]. При этом моделирование трактуется как «обладающая двойкой гносеологической характеристикой форма исследования, где предмет моделирования рассматривается как система и сам модельный познавательный процесс расчленяется на систему моделей, каждая из которых отображает многоаспектный срез моделируемой системы, а все вместе дают ее “интегративное” ... представление» [Городецкий, 1989, с. 8]. Объектом моделирования оказываются не только статичные феномены (ср. модель простого предложения), но и динамические образования – текстовые, дискурсивные модели (см., например, [Трубникова, 2008]).

В современной лингвистике активно используется методика коммуникативного моделирования, суть которой заключается в построении моделей объектов лингвистической природы с точки зрения их отношения их компонентов к процессу коммуникации.

Сегодня коммуникативные модели строятся на основе комплексных методик с привлечением теоретических положений прагмалингвистики, теории дискурса, когнитивной лингвистики [Олешков, 2007; Мясников, 2011; Сидоров, 2009; Чернышова, 2009 и др.]. Многоаспектность порождает достаточно обширный перечень параметров, включенных в коммуникативную модель, однако, с точки зрения неко-

торых исследователей, например С.В. Якишина, все коммуникативные модели могут быть классифицированы на основе такого основания, как «место человека в коммуникации», на основе которого выделяются три группы моделей [Якишин, 2011, с. 138]: а) модели-«механизмы», в которых роль сводится к роли «наладчика», наблюдателя коммуникативного процесса; б) модели «механизм – человек»; в) модели «человек – человек», в которых важную роль играют личностные, психологические, социальные и иные характеристики коммуникантов.

Данное исследование выполнено в русле моделей третьей группы и основано на традиционной модели коммуникативного акта, включающей следующие компоненты: коммуниканты, текст, процессы говорения / понимания, ситуацию, практические и коммуникативные цели [Чувакин, 2010, с. 29]. Гипотеза авторов статьи заключается в том, что методика коммуникативного моделирования может быть применима как к микро-, так и к макросреде.

Согласно предложенному А. А. Чувакиным делению коммуникативного пространства на микро- и макросреду [Чувакин, 2010, с. 32], в данной статье в качестве микросреды существования текста рассматривается коммуникативный акт, ограниченный ситуативно-тематической рамкой, а в качестве макросреды – внешняя среда его бытия. Далее обратимся к анализу текстов, функционирующих в разных коммуникативных сферах, и покажем возможности моделирования микросреды (на материале текстов имиджевых статей) и макросреды (на материале форматов интернет-коммуникации).

Для текстов имиджевых статей микросредой является ситуация PR-коммуникации. В зависимости от набора компонентов этой ситуации возможны разные варианты построения текста (подробнее об этом см. [Клинк, 2011; Клинк, 2012]). В данной статье в качестве примера рассмотрим модель «проблема–решение» как способ организации текста имиджевой статьи. Моделирование происходит с опорой на жанровые факторы, важнейшим из которых является предмет отображения, понимаемый нами как конкретный фрагмент действительности, репрезентирующийся в тексте.

Тертычный А. А. выделяет следующие разновидности предмета отображения: событие; процесс; ситуация; личность [Тертычный, 2011].

В текстах, построенных по модели «проблема – решение», предметом отображения является ситуация: «...определенное, повторяющееся на протяжении достаточно большого отрезка времени состояние отношений, сложившихся между членами какого-либо коллектива,

между коллективами, между социальными группами, слоями, между странами и т.п., соотношение сил, взаимных требований и ожиданий» [Тертычный, 2011, с. 18].

Рассмотрим серию имиджевых статей о компании Microsoft, опубликованных под общим слоганом: «Решения, актуальные сегодня» в журнале «Эксперт» (2009, № 38, 46, 48). В данных статьях мы не наблюдаем никаких конкретных действий, ограниченных определенными временными рамками – нет ни изначальной точки, от которой идет отсчет, ни конечной, маркирующей завершение деятельности субъекта. Эта пространственно-временная неопределенность позволяет нам говорить, что имеет место не описание конкретного события, а ситуация как некое положение неопределенной длительности. Единственной координатой такого положения становится точка «сейчас», что отражается как на уровне общего слогана: «Решения, актуальные *сегодня*», так и на уровне заголовков каждой из статей: «*Самое время уменьшить бизнес-расходы*» (№ 38), «*Пора увидеть четкую картину бизнеса*» (№ 46), «*Время эффективнее распределять средства*» (№ 48). Актуализация модусного временного значения, которое описывает происходящее именно в данное время, создает эффект включения читателя в описываемую ситуацию.

Ситуация, вводимая автором в текст, как правило, актуализирует какую-либо значимую проблему, посредством решения которой и конструируется имиджевая составляющая субъекта. Основной схемой организации информации в таких текстах является модель «проблема-решение», при реализации которой в основной заголовок и / или в лид-абзац выносятся задача, решение которой является важным для целевой аудитории, а текст содержит информацию о способе решения данной задачи с помощью продукта / услуги, описываемых в тексте. Эта общая модель членится на 4 более частных компонента: постановка проблемы, описание, решение, введение субъекта.

1. Постановка проблемы

В наших примерах постановка проблемы в тексте отражается на уровне заголовка, причем происходит это имплицитно: «*Самое время уменьшить бизнес-расходы*» – пресуппозицией в данном случае является положение о том, что проблема больших расходов существует и что с этим нужно как-то бороться. Здесь можно вспомнить принцип Кооперации и коммуникативные импликатуры Г.П. Грайса, позволяющие говорящему воплотить свое намерение, не прибегая в вербальному выражению того, что может быть выведено слушающим по правилам импликации [Грайс, 1985].

2. Описание (введение в проблему)

Описание сути проблемы дается в лид-абзаце; в сжатой оптимизированной форме автор излагает наиболее важную информацию. Как правило, лид выделяют графически и композиционно для того, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать и побудить его к дальнейшему чтению текста. В анализируемой серии статей представлен именно такой, классический, вариант лида: *«Ежедневные расходы на содержание бизнеса зачастую “съедают” до 30% бюджета. Оптимизировать их без кардинальных изменений в рабочих процессах помогут технологии Microsoft»* (№38), *«Для эффективного управления компанией руководителю нужна четкая картина бизнеса. В условиях нестабильного рынка ответственность за точность принятия решений особенно высока. Оперативно и верно принимать важные решения помогут технологии Microsoft»* (№46), *«Оперативное управление бизнесом особенно важно в условиях нестабильного рынка. Правильно управлять финансами вам помогут решения от Microsoft»* (№48).

3. Возможность решения проблемы

В наших примерах данный элемент модели частично представлен уже в лиде: *«...помогут технологии Microsoft»* (см. выше). В развернутом виде решение проблемы дается в основном тексте статьи, где подробно описывается предлагаемый продукт или услуга.

4. Введение субъекта

Последний элемент модели на уровне текста отражается в адресной части. После описания проблемы и предлагаемого решения дается «адрес», по которому можно обратиться. Этот адрес – координаты базисного субъекта (в наших примерах – компании Microsoft), который способен разрешить описанную в тексте проблемную ситуацию: *«БЕСПЛАТНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ: как сократить расходы компании при помощи ИТ. Закажите консультацию: +7 (495) 789–81–02»*. Адресная часть как структурный элемент тоже выделяется графически. Следует отметить, что субъект может быть введен и на более высоких уровнях структуры – в заголовке или лид-абзаце (последнее как раз имеет место в наших примерах). Но на данных структурных уровнях, в отличие от адресной части, введение происходит только посредством употребления имени; никаких координат при этом не дается. Таким образом, можно констатировать взаимопроникновение элементов модели. На наш взгляд, этот процесс связан с функцией лид-абзаца (и отчасти заголовка), которая предполагает концентрацию основного смысла статьи на коротком текстовом промежутке. В таком «концентрате» должны в оптимизированной форме найти отражение все важнейшие элементы макроструктуры, которые позднее будут раскрыты более детально.

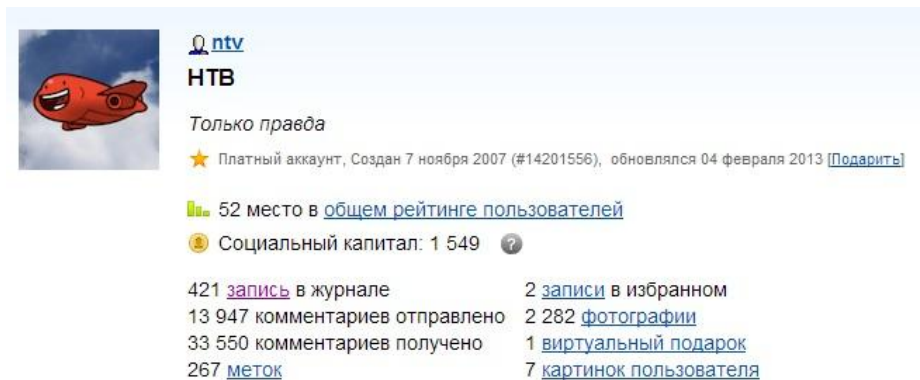
Модель *«проблема–решение»* отражает процесс взаимодействия автора и адресата в ситуации PR-коммуникации посредством текста как центрального звена этого процесса. Разные компоненты данной модели находят свое отражение на определенных уровнях структуры текста и обладают способностью к взаимопроникновению.

Далее обратимся к моделированию макросреды и продемонстрируем эту процедуру на материале текстов интернет-коммуникации. Для описания феноменов интернет-коммуникации лингвисты используют понятие формата, трактуемое как «специфическая технологическая организация информационного и коммуникативного контента, детерминирующая конкретный набор функциональных возможностей и ограничений» [Усачева, 2009, с. 64]. Введение понятия «формат» в круг традиционно используемых при изучении других типов коммуникации («жанр», «жанр дискурса» и др.) позволяет не только эксплицировать факторы, определяющие процесс создания текста в условиях определенной среды, но и провести моделирование коммуникативного процесса в этой среде. В рамках данной статьи мы остановимся на одном из них – факторе интерфейса (S. Herring) – технологических особенностей организации пространства того или иного ресурса сети Интернет (подробнее см. [Шмаков, 2011; Шмаков, 2013]).

Элементами интерфейса блога, размещенного на ресурсе www.livejournal.com, являются несколько пересекающихся полей разной степени динамичности: поле собственных записей, поле комментариев, поле ленты записей «друзей», поле метаинформации о пользователе. Наивысшей скоростью изменения обладает поле ленты «друзей»: чем больше «друзей» у пользователя, тем выше скорость смены записей в ленте. Менее динамичным является поле записей пользователя: частоту появления новых «постов» определяет сам автор блога. Информация о пользователе наиболее статична, и это объясняется ее функцией – быть ядром блога, относительной константой хронотопа виртуальной реальности.

Рассмотрим пример информации об одном из пользователей (коммуникантов) «Живого Журнала» (рис.1). Рисунок демонстрирует интерфейс раздела «Информация о пользователе» (User Info), где собрана статистика об активности автора блога: количество записей и комментариев в блоге, использование визуальных средств самоидентификации (картинок пользователя – «юзерпиков»), и «меток» – элементов гипертекста, позволяющих осуществлять «сквозную» типологию авторских записей для облегчения их дальнейшего использования

и поиска. На рисунке подчеркнутыми являются элементы гипертекста, позволяющие немедленно перейти к соответствующим разделам.

 [ntv](#)
НТВ
Только правда

★ Платный аккаунт, Создан 7 ноября 2007 (#14201556), обновлялся 04 февраля 2013 [Подарить](#)

📊 52 место в [общем рейтинге пользователей](#)

💰 Социальный капитал: 1 549

421 запись в журнале	2 записи в избранном
13 947 комментариев отправлено	2 282 фотографии
33 550 комментариев получено	1 виртуальный подарок
267 меток	7 картинок пользователя

Рис. 1. Раздел «Информация о пользователе»

Данные, представленные в разделе «User Info», могут быть использованы другими пользователями в качестве «экстралингвистической» информации при ознакомлении с интернет-коммуникативным продуктом автора – блогом: на их основании каждый новый пользователь может составить себе представление об авторе блога, о его интересах и увлечениях.

Блог как макросреда интернет-коммуникативного акта имеет свой уникальный интернет-адрес – локализацию в виртуальном пространстве: например, [www.aaa.livejournal.com](#), [www.bbb.livejournal.com](#) и т.д. Чтобы найти тот или иной блог, не обязательно посещать главную страницу ресурса (в отличие от форума, где для поиска нужной темы обязательно прохождение главной страницы). Коммуникативное пространство блога на примере интерфейса «Живого Журнала» имеет структуру, изображенную на рис. 2. Моделированию подвергаются текстовые блоки, составляющие интерфейс, используемый коммуникантами для осуществления вербального и невербального взаимодействия.

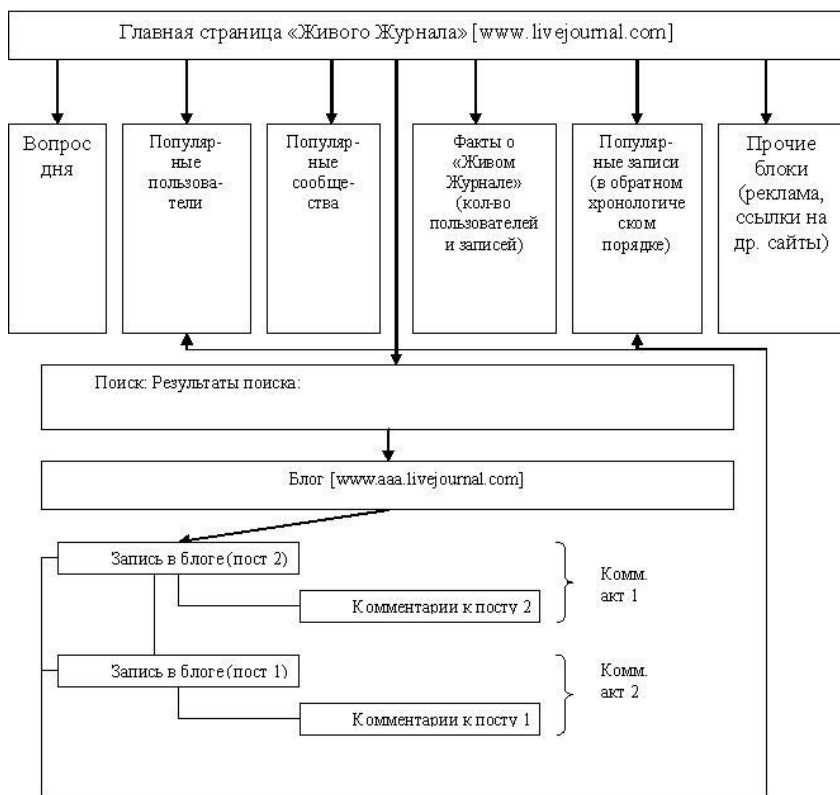

Рис. 2. Модель коммуникативного пространства блога «Живой Журнал»

На главной странице «Живого Журнала» представлены только самые популярные а) записи (в обратном хронологическом порядке), б) пользователи, в) сообщества (коллективные блоги). Имеется постоянная рубрика «вопрос дня», рекламные баннеры и ссылки на другие сайты. Отдельно вынесена строка поиска. Данные элементы интерфейса сайта позволяют пользователям осуществлять коммуникативное взаимодействие. Непосредственных ссылок на отдельные блоги, кроме популярных, на главной странице нет, поэтому попасть в блог конкретного пользователя можно либо зная его уникальный адрес, либо найдя его через поиск.

В блоге комментарии не пронумерованы, однако каждый комментарий помечен картинкой, которую автор сам выбирает для постоянной идентификации. Далее следуют метка времени появления комментария и сетевое имя комментатора, которое соответствует имени автора дневника в сети. С юзерпика и имени действует ссылка на дневник комментатора. Комментарии, относящиеся к сообщениям, расположены в порядке поступления под комментируемыми со сдвигом на один шаг вправо:

[rwaterwall](#)

30 декабря 2012, 11:14:07 UTC

Чу дык что тут сказать. Надо летать нормальными авиакомпаниями...

Есть же KLM, Lufthansa, Emirates.

Падно там чартеры в Египет и Тай, тут понятно цена играет значение, но европа то?! Разница в единицы тысяч между нормальными и российскими авиалиниями...

[Ответить](#) [Развернуть](#)

[col_curtz](#)

30 декабря 2012, 12:10:11 UTC

Кстати да, самый адекватный коммент.

Рис. 3. Комментарии к записям в «Живом Журнале»

На рисунке 3 представлены комментарии к записи одного из коммуникантов, связанной с катастрофой самолета ТУ–204 в аэропорту «Внуково» в конце декабря 2012 года. Комментарии не только являются формой выражения ответной реакции читателей блога, но и сами создают среду существования для последующих текстов. Так, комментарии второго и последующих уровней по своей сути могут нести оценочные суждения, связанные не с содержанием самой записи, а со смыслом комментария уровнем ниже, о чем на рис. 3 говорит фраза «Кстати да, самый адекватный коммент» от пользователя col_curtz, относящаяся к предыдущему комментарию.

Таким образом, интерфейс «Живого Журнала» представляет собой уникальную комбинацию текстов различной степени динамичности, основанную на механизмах автоматизированного обмена информацией между пользователями. Интерактивность макросреды коммуникации обеспечивается использованием гипертекстовых технологий, высокой степенью креолизации текстов – использованием аудиовизуальных компонентов. Все эти характеристики создают особую среду существования текста в интернет-среде, отличную от традиционных устной и письменной коммуникации.

Функциональное назначение языка было определено К. Ясперсом следующим образом: «Язык служит выражением бытия. Он порожден бытием и отнюдь не является механическим средством. Язык принадлежит бытию» [Ясперс, 1995, с. 197]. Развивая мысль К. Ясперса, можно сказать, что текст как реализация возможностей языковой системы в ситуации конкретного речевого акта, будь то реальная или виртуальная коммуникация, представляет собой самостоятельную реальность, в которой существуют участники коммуникации, «высловляя» ее. Именно текст – единый пространственно-временной континуум – объединяет воедино фрагменты этих разрозненных феноменологических реальностей, которые до этого не соприкасались друг с другом. Это подтверждает проведенный эмпирический анализ двух различных типов коммуникации.

Методика коммуникативного моделирования обнаруживает возможность варьирования при использовании ее для изучения коммуникативных объектов с различными статусами, что говорит о ее гибкости и универсальности.

Использование методики коммуникативного моделирования при исследовании различных типов коммуникации позволяет установить уникальное соотношение между компонентами коммуникативного акта в каждом конкретном случае, что в перспективе может быть использовано для разработки «коммуникативных атласов» – справочников интерактивного типа, позволяющих смоделировать любой тип коммуникативной ситуации по заданным параметрам.

Литература

- Бермус А. Г. Введение в гуманитарную методологию. М., 2007.
- Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика : моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXIV.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.
- Клинк Е. И. Факторы PR-дискурса и их отражение в тексте (на материале имиджевых статей) // Речевая коммуникация в современной России : в 2-х тт. Омск, 2011. Т. 2.
- Клинк Е. И. Лид-абзац как элемент композиции текста имиджевой статьи // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.
- Мясников И. Ю. Коммуникативное моделирование прессы : жанровая структура издания как ключ к структуре его дискурса // Вестник ТГУ. Сер. Филология. 2011. № 3(15).

Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных дидактических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2007.

Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М., 2009.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2011.

Трубникова Ю. В. Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул, 2008.

Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». М., 2009. № 3.

Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.

Чувакин А. А. Текст как объект и предмет лингвистики // Теория текста. М., 2010.

Чувакин А. А., Бровкина Ю. Ю., Волкова Н. А., Никонова Т. Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Шмаков А. А. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации // Филология и человек. 2013. № 1. С. 139–146.

Шмаков А. А. Об одном из параметров описания бытия текста с обращением в интернет-коммуникации (на материале блогов) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2/1 (70). С. 135–139.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Якишин С. В. Классификация коммуникаций, базирующихся на взаимодействии культуры и человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 2 (22).

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

СИНТЕТИЧНОСТЬ ОБЛАСТЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИНТЕРНЕТ-РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И БЫТОВОГО ДИСКУРСОВ)

С.А. Медведев

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-речь, бытовой дискурс, институциональный дискурс, синтетичность.

Keywords: Internet-communication, Internet-speech, everyday discourse, institutional discourse, synthesis.

Специфика интернет-коммуникации привела к возникновению особой формы речи. Если ранее исследователи четко разделяли речь на устную и письменную, то с появлением Интернета и вовлечением в коммуникацию большого количества людей стало возможно говорить о новой форме речи в Интернете (подробнее см.: [Шмаков, 2011]).

Данная форма в настоящее время продолжает складываться, что обусловлено синтетичностью среды и интенсивным развитием интернет-коммуникации, а также различными условиями общения. В своей статье мы исходим из того, что интернет-речь в настоящее время представляет собой синтез речи письменной и устной, причем не только в плане смешения их формы, но и в плане смешения областей их применения в рамках интернет-коммуникации. В качестве материала исследования нами были использованы тексты институционального и бытового дискурсов, для которых наиболее характерна речь письменная и устная речь соответственно.

Исследователи интернет-коммуникации уделяют большое внимание специфике языка, который наилучшим образом проявляется в формах общения в Сети: электронных письмах (e-mail), чатах, форумах, блогах, социальных сетях. Так как эти формы общения обязаны своим появлением именно Интернету, то вполне логично, что в них отражается специфика формирующейся интернет-речи. Анализируя тексты, размещенные в рамках сетевых ресурсов, А.А. Шмаков, например, приходит к выводу, что интернет-тексты «имеют выраженную тенденцию к орализации – тяготению к устной речи, что прослеживается, в частности, на уровне позиции обращения как одного из элементов текста. <...> В то же время обращения в интернет-тексте обладают такими характеристиками, которые не присущи им в устной и письменной речи, взятых отдельно. Все это говорит об особой природе интернет-текста как новой формы существования языка» [Шмаков, 2011, с. 287–288].

Трофимова Г.Н. в монографии «Языковой вкус интернет-эпохи в России» говорит о том, что «...в Интернете формируется новая, «письменно-разговорная» разновидность разговорной речи, при которой высказывания, принадлежащие к сфере устной разговорности, фиксируются письменно» [Трофимова, 2008, с. 231]. С этим утверждением нельзя не согласиться: речь в Интернете, обладая признаками устной (обилие эмоционально-оценочных элементов, повторы, отсутствие многокомпонентных сложных предложений, причастных и деепричастных оборотов, линейный характер развертывания во времени [Сквородникова, 2012, с. 737–738]) оформляется в письменной форме (подробнее см.: [Кузнецов, 2011, с. 24]).

Несмотря на то, что «в ресурсах Глобальной Сети складываются в одну устная и письменная ситуации общения» [Скворцов, Лазарева, Горина, 2009, с. 93], коммуникация в рамках определенных сетевых ресурсов может иметь ориентацию в сторону какого-либо одного типа

речи – устной или письменной. Так, например, общение в рамках чатов, ICQ и социальных сетей чаще всего наиболее ориентировано на устную речь. Лутовинова О. В. связывает данный факт с тем, что на подобных сетевых ресурсах имеет место «бытовой виртуальный дискурс» [Лутовинова, 2009, с. 32], который совмещает в себе черты непосредственного бытового общения и черты «виртуального дискурса» в виде смайлов, гиперссылок, компьютерного сленга и т.п. Подобная тенденция может объясняться спецификой самого коммуникативного пространства. Прежде всего стоит отметить сравнительно меньший временной промежуток между сообщениями при общении, что значительно ускоряет коммуникацию, а также ориентацию таких сетевых ресурсов именно на непринужденное общение.

Для коммуникации посредством электронной почты (e-mail) характерна направленность на нормы письменной речи, что также является следствием особых условий коммуникации. Пользователь имеет относительно больше времени на обдумывание текста, нежели при общении посредством ICQ, сама же среда более располагает именно к ориентации на письменную форму общения.

В то же время, если участники коммуникации имеют возможность выбора сетевого ресурса для коммуникации (например, социальная сеть или же e-mail), то выбор будет зависеть от целей общения. Как было сказано выше, для официального общения в большей степени приспособлена коммуникация посредством электронной почты, в то время как официальное общение (например, подача заявки на конференцию или получение гранта, обращение в службу поддержки клиентов и проч.) в рамках социальной сети осуществлять довольно проблематично. Однако если, например, непринужденное общение двух друзей посредством ICQ по каким-либо причинам было прервано, оно может быть возобновлено по e-mail с сохранением прежних особенностей речи.

Ориентация на определенный тип общения совсем не означает, что в рамках одного дискурса не могут быть использованы черты несвойственного ему вида речи. В данном случае мы имеем дело с еще одним проявлением синтетической природы интернет-речи. Так, для обеспечения большей эффективности общения и достижения риторической цели высказывания автор может создавать и использовать в рамках чата в том числе тексты научного дискурса (принадлежащего к дискурсу институциональному, в рамках концепции В.И. Карасика), хотя данному коммуникативному пространству свойственна направленность на бытовой дискурс (устную речь соответственно).

Например, в социальной сети автор (УК0) задает вопрос, на который участники коммуникации (УК1, УК2 и т.д.) дают ответы¹.

УК0: почему малиновый, но лимонный? Почему не малинный и лимоновый?

УК1: Не всегда :)

Малинный жук

http://www.sadurad.ru/boleznny_malina_zhu...

Большой толковый словарь современного русского языка Ушакова:

, малинная, малинное. прил. к малина. Малинный запах.

Малинный сок.

| То же, что малиновый в 1 знач. (-разг.). Малинное варенье."

<http://www.classes.ru/all-russian/russia...>

Лимоновая травка (Lemon Grass) – специя в кулинарии

<http://specii.blogspot.com/>

Современный толковый словарь русского языка Ефремовой

Лимоновый

прил. разг.

1. соотн. с суц. лимон, связанный с ним; лимонный 1..

2. Свойственный лимону, характерный для него; лимонный 2..

3. Принадлежащий лимону; лимонный 3..

4. Состоящий из лимонов [лимон 1.]; лимонный 4..

5. Приготовленный из плодов лимона или с лимоном [лимон 2.]; лимонный 5..

6. Имеющий цвет лимона [лимон 2.]; светло-желтый; лимонный 6..

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/...PePjPsPSPsPICPN#>

Источник: Реальность всегда разнообразнее наших рамок :).

УК2:

Бетон – бетонный

Фотон – фотонный

Малина – малиновый

Калина – калиновый

Логика!

УК3:

За место малины, надо было например апельсин взять или мандарин, они оба муж.рода.

Наиболее подходящим и аргументированным автор вопроса признал ответ первого участника коммуникации (УК1), о чем свидетельствуют дальнейшие сообщения в акте коммуникации. УК1 использовал в своем ответе элементы письменной речи, приводя в качестве аргументов материалы (в числе которых были и кодифицированные) из письменных источников. Синтез устной речи и речи письменной (бытового

¹ Здесь и далее при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала

и научного дискурсов) в этом случае оказался для автора вопроса предпочтительнее выраженных только в бытовом дискурсе жизненного опыта определенного человека (УК2) и абстрактности (в данном случае ведущей к неясности) суждения УК3.

Подведем промежуточный итог. В рамках сферы функционирования бытового дискурса может наблюдаться синтетичность бытового и институционального дискурсов в рамках интернет-коммуникации.

Рассмотрим пример, подтверждающий возможность синтетичности институционального и бытового дискурсов (ориентированных на письменную и устную речь соответственно) в сфере функционирования институционального дискурса. Некто (К) обращается в службу поддержки клиентов на сайте одного из операторов сотовой связи. Участники коммуникации: К (клиент), О (оператор).

К: Здравствуйте, у меня возникла проблема. Я не могу зайти в личный кабинет – не приходит сообщение с кодом доступа. Подскажите, что мне делать?

О: Ждите сообщение и надейтесь что придет.

Перед тем, как анализировать пример, уточним, как следует отвечать оператору службы поддержки на вопросы клиентов. Информацию о том, как должен строить свое общение с клиентом сотрудник какой-либо компании, можно найти в открытых источниках (Интернет, библиографические источники). Исходя из этих данных, можно изложить основные положения речевого этикета оператора службы поддержки. Прежде всего, специалист должен быть вежлив с клиентом и способен ответить на заданный вопрос. Общение должно быть ориентировано на письменную речь, исключать черты речи устной, хотя остается при этом диалогическим. Оператор является официальным лицом компании, а значит, в его речи должен преобладать деловой дискурс.

Перейдем к анализу примера. Оператор не соблюдает базовых правил общения с клиентом, к тому же последний не получает необходимой помощи. Ответное сообщение оператора обладает краткостью и непринужденностью, свойственными устной речи, что создает негативный фон высказывания. Кроме того, оператор игнорирует даже общие правила этикета (не только делового). В анализируемом примере мы видим явную направленность на устную речь (бытовой дискурс), несмотря на то, что ее использование в данном случае неприемлемо (по крайней мере, со стороны оператора).

Подчеркнем, что подобное явление при реальном общении (то есть не в рамках интернет-коммуникации) может привести к большим негативным последствиям для сотрудника компании, чем при коммуникации в рамках Глобальной Сети.

Для того чтобы доказать, что синтетичность является одной из основных черт интернет-речи, рассмотрим еще один пример (рис. 1). В данном случае клиент обращается в службу поддержки социальной сети «ВКонтакте» – в сфере, ориентированной на устную речь, происходит общение в ситуации, для которой свойственна ориентация на речь письменную (на институциональный деловой дискурс). Таким образом, синтетичность наблюдается уже в рамках самой ситуации общения.

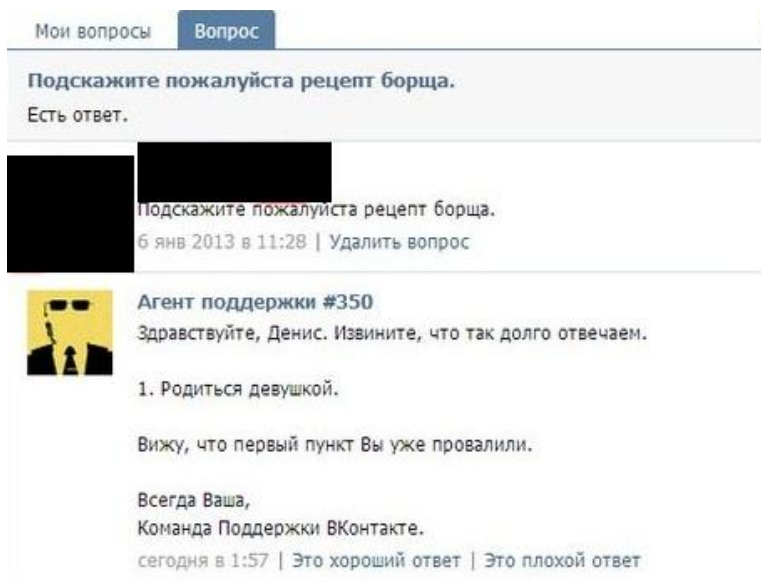

Рис. 1 Общение «ВКонтакте»

В данном примере, в отличие от предыдущего, оператор службы поддержки (Агент поддержки) не игнорирует правила этикета, однако сам ответ на заданный вопрос не отвечает ожиданиям клиента. В данном случае, вероятно, было бы более уместно привести цитату из кулинарного справочника (то есть фрагмент речи письменной), однако Агент поддержки этого не сделал, а ответил весьма спорным утверждением, которое, к слову, было бы более уместно в устной речи. В результате того, что ожидания клиента были обмануты, создается комический эффект, которого, вероятно, и добивался Агент поддержки. Не стоит забывать и о том, что этот диалог происходит на сайте соци-

альной сети, так что синтетичность письменной и устной речи (институционального и делового дискурсов) здесь можно считать уместной.

В рамках интернет-коммуникации может наблюдаться синтетичность не только черт письменной и устной речи, но и областей их применения, что соответствует обозначенной задаче данной статьи. Обозначенный синтетичный характер является одной из определяющих черт интернет-речи, а примеры, подтверждающие это положение, встречаются в Глобальной Сети все чаще. Данный факт может свидетельствовать о том, что интернет-речь продолжает формироваться.

Литература

Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград, 2009.

Скворцов О.Г., Лазарева Э.А., Горина Е.Г. Дискурс Интернета. Екатеринбург, 2009.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты). М., 2008.

Шмаков А.А. Совмещение «устности» и «письменности» как признак обращения интернет-текста // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.

ДИСКУРС В ФИЛОЛОГО- КОММУНИКАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТИПОЛОГИИ СЕМИОТИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНОГО ДИСКУРСИВНОГО КАНАЛА

Э.А. Лазарева

Ключевые слова: дискурс, типология составного разнокодового дискурса, семиотические коды.

Keywords: discourse, the classification of semiotic heterogeneous works, semiotic codes.

Всемирная сеть, заключая в себе всю многомерную информацию об окружающей действительности, выработала сложную дискурсивную конструкцию, в которой эта информация и размещена. Во многом это касается огромного класса произведений, бытующих в Интернете и предназначенных для формирования информационного поля этого современного средства массовой коммуникации. Рассматриваемый континуум имеет общее свойство интеграции – сегментации информации, которое по-разному проявляется в зависимости от свойств той системы, применительно к которой оно рассматривается. Так, в произведениях, помещенных в Сети, наблюдается кардинальная оппозиция «реальное – виртуальное», определяющая процессы сегментации – интеграции квантов информации. Противопоставление это релевантно для рассматриваемого информационного канала и определяет постоянное сосуществование, чередование реально существующих и виртуальных, «спрятанных в Сети» текстов. Наметим основные точки, которые помогут нам обрисовать дискурсивную конструкцию Сети. Эта структура содержит в себе многочисленные субдискурсы разных типов, соотносимые друг с другом и формирующие тем самым Всемирную Сеть.

Ключевыми, определяющими для формирования облика данного дискурса, сложного системного объекта, являются две оппозиции: *сегментация – интеграция и реальное – виртуальное*. Учитывая эти, оппозитивно связанные, свойства, изложим наши размышления об архитектонике (структуре) дискурса Сети [Лазарева, 2012].

Во многом мы будем апеллировать к известным теориям Р. Барта, предвосхитившим появление данного текстового, дискурсивного явления. Разговор об архитектонике дискурса Всемирной сети прямо соотносится с размышлениями Р. Барта, касающимися синтаксиса повествовательного текста, его грамматики, которые определяют принцип объединения единиц друг с другом. Р. Барт говорит: «Именно лингвистика с самого начала способна дать структурному анализу повествовательных текстов то основополагающее понятие, которое позволяет объяснить само существо всякой знаковой системы – ее организацию. Функциональный анализ может считаться завершенным только тогда, когда путем последовательного укрупнения единиц мы сумеем перейти от сигареты Дюпона к схватке Бонда с Голдфингером: в этом случае пирамида функций соприкоснется со следующим уровнем повествовательного текста (уровнем Действий)» [Барт, 1987, с. 411].

Опять пять сошлемся на работы французского семиотика. При построении структуры дискурса Интернета важно учитывать постоянное сосуществование, взаимодействие противоположных тенденций к интеграции информации и, в то же время, к ее сегментированию. Р. Барт излагает свое понимание общей структуры текста (в работах ученого – это структура повествовательного текста, определяющая его синтаксис), соответствующую структуре языка: «Естественный язык можно определить как продукт взаимодействия двух основополагающих механизмов: с одной стороны, это **механизм членения, или сегментации** (который приводит к появлению дискретных единиц (*форма*, по Бенвенисту), с другой, – **механизм интеграции** (подчеркнуто нами. – Э.Л.), включающий эти единицы в состав единиц более высокого уровня (*смысл*). Такой же двуединный механизм можно обнаружить и в языке повествовательных произведений; здесь тоже происходят процессы членения и интеграции, здесь тоже есть форма и есть смысл» [Барт, 1987, с. 420]. Приведенные замечания Р. Барта представляются нам

ценными для теории интернет-дискурса, поскольку именно данный механизм сочетания «сегментация-интеграция» является определяющим при формировании всех произведений любого знакового оформления, помещенных в Сети.

Выделим группы дискурсов, определяющиеся на основе оппозиции *«виртуальное – реальное»*.

Группа А объединяет в себе соединение и расчленение информации на плоскости, в модуле, проявляющемся, наглядно видимом пользователю Интернета. Дискурс, визуально представленный, расположен на плоскости и состоит из огромного множества взаимосвязанных произведений. Плоскостное, модульное интертекстуальное взаимодействие имеет композиционно-пространственный характер. Оно хорошо известно при восприятии газетного издания, где отдельные тексты связаны на общем пространстве комплексного текста связями интеграции-сегментации. Плоскостной, модульный дискурс имеет композиционно-пространственный характер. Это «Текст в тексте», «Текст за текстом», «Текст над текстом». Такие межтекстовые связи прослеживаются как соположение, сосуществование отдельных первичных произведений в составе целого. Это уже названные типы: текст рядом с текстом, текст за текстом, текст в тексте, текст над текстом. Именно там в полной мере проявляются все сегментирующие возможности произведений, также их способность интегрироваться в составе целого. Такое явление хорошо известно при восприятии, например, любого комплексного произведении (газета, сборник статей или документов), где отдельные тексты связаны на общем пространстве составного комплексного текста.

Группа Б включает в себя виртуальные произведения, находящиеся в глубине трехмерного пространства Сети. В составе виртуального произведения присутствуют субдискурсы, имеющие глубинное, реально-виртуальное положение. О таких произведениях мы говорим в коллективной монографии о тексте [Текст в коммуникативном..., 2011].

Другой важный классифицирующий признак касается соотношений между произведениями, выраженными разными семиотическими кодами. Это вербальная и визуально выраженная передача информации. Сейчас все более популярной становится визуально оформленный дискурсивный канал, его мозаичный, семиотически усложненный разнокодовый характер. Яркий пример существующего положения – дискурс Интернета или реклама разных типов.

Достаточно большую роль в оформлении смысла сообщений играют изобразительные коды, иконические знаки [Пирс, 2000]. Они применяются во многих СМК (средствах массовой коммуникации), особенно это касается современной рекламы разных видов, текстов со включением графиков, схем, таблиц, рисунков и других несловесных, неречевых, частей. Широкое использование визуального кодового канала приводит к формированию новых «привычек восприятия», а также интерпретации дискурсивных объектов.

Применительно к рассматриваемым произведениям сегодня наблюдается «пестрота» терминологического оформления, что отражает существующее становление научной дисциплины, отработку методов анализа. Широко используется терминологическое словосочетание «креолизованный текст (объект, произведение)», означающее произведение, в котором применяются знаки разной семиотической природы. Такой термин в полной мере распространяется на все названные выше дискурсивные (текстовые) объекты. Можно сказать, что любая реклама, текст, расположенный в Интернете и оформленный разными шрифтами, содержащий словесный, а также иконический компоненты, живописное произведение с подписью – все это креолизованный произведения.

Необходимо определить место данного словосочетания в контексте активно развивающейся научной отрасли – параграфемика. Параграфемные текстовые элементы – элементы графического (неречевого) характера, сопровождающие речевые части произведения, совместно с ними участвующие в передаче общей информации, раскрывающие, заменяющие ее. Параграфемные элементы обязательно существуют в дискурсе с разными семиотическими объектами, один из которых является графически выраженным (параграфемика – существующее «около графических знаков»). Составляющие креолизованных произведений могут иметь разный семиотический характер, но при этом не обязательно наличие графической (речевой, словесной) составляющей. Креолизованные тексты могут содержать в себе и графическую составляющую, то есть в них могут быть и параграфемные элементы. Итак, **тексты в сфере параграфемики – обязательно креолизованные, но креолизованные тексты не обязательно используют параграфемные элементы.**

Сложившаяся научная ситуация определяет необходимость при обращении к произведению останавливать внимание не только на его словесных (вербальных) смыслах, но и на семантике, выраженной разнообразными невербальными кодами (визуальными, ауди-

альными и др.). Именно это побудило нас обратиться к разговору о существовании в дискурсе иконических кодов и их связях с вербальными. Данный анализ неминуемо производится с учетом тех многообразных соотношений, которые складываются между вербальным и визуальным каналами дискурса.

Принципиальное различие процессов передачи и восприятия информации в произведениях, созданных с применением словесных и несловесных кодов, кроется в их сущностной природе, в нетождественности их органических свойств. Вербальные и визуальные тексты – два различных культурных источника информации, восприятие которых строится на основе разных моделей. М.С. Кухта, анализируя моделирование информации в невербальных и вербальных текстах, высказывает положение о расхождении их линейной и нелинейной моделей. При построении вербального канала и его восприятии используется линейная модель, а для невербального произведения релевантна нелинейная. Остановимся на характеристике моделей восприятия кодов разной природы, изложенных в статье М.С. Кухты.

Вербальный текст составлен из дискретных единиц – языковых знаков. «Текст строится как вневременная структура на уровне языка и во временной протяженности – на уровне речи» [Кухта, 2004, с. 116]. Предицирование в тексте – это последовательное развитие тематического тезиса путем приписывания предмету речи соответствующих признаков. Такой текст обычно строится как последовательность речевых знаков (звуков, слов, словосочетаний, предложений и т.д.), расположенных линейно – от начала до концовки произведения.

Принципиально отличен от него визуальный текст, который не делится на дискретные единицы, «а знаковость его возникает в результате некоторых правил проекции объекта на плоскость. Визуальная информация предназначена для переживания пространственных отношений, изображение, являясь системой, не имеющей означающих единиц, базируется на семантическом принципе передачи информации» [Кухта, 2004, с. 116]. Визуальный текст отличается от вербального прежде всего тем, что при его восприятии, интерпретации участвует зрительный канал, объединяются чувственно-наглядные и когнитивные, мысленные структуры, информация фиксируется в двухмерной (рисунок, живопись) или трехмерной (скульптура, архитектура) системе координат.

Нетождественность вербального и невербального произведе-

ний, по мнению Л. Чертова, прослеживается по всем трем измерениям семиотики. В плане синтактики: вместо линейно упорядоченных цепей дискретных знаков, изображения существуют в двухмерном (или трехмерном) пространстве. В плане семантики, как считает автор, изображения отличаются от слов и других условных знаков принципиально иным, несигнификативным, способом репрезентации. Они не нуждаются в закреплении кодом связи между «формой выражения» знаков и их значением («формой содержания»). Изображение не обозначает, а моделирует свой объект. План прагматики: изображения «обращены к иным психологическим механизмам восприятия, они не описывают объекты, а показывают их. Это означает, что к визуальному восприятию обращен не только их план выражения, но и план содержания» [Чертов, 2009, с. 65].

Визуальная текстовая реальность, в понимании многих авторов, служит всегда как бы «выделением» словесной текстовой реальности. Свойства, приписываемые объекту в визуальном тексте, составляют лишь малую часть свойств, использующихся для описания свойств того же объекта в вербальных текстах [Сазонов, Шошиков, 1975, с. 379].

Существующие многократные обращения к анализу многочисленных креолизованных произведений требуют выработки методики их описания и классификации. Предлагается наиболее обобщенный критерий – описание креолизованных дискурсов по существующим в них соотношениям вербального и невербального (визуального) канала. Заметим, что предложенная классификация релевантна для разных произведений, например, многочисленных дискурсов Интернета; текстов научного стиля, снабженных рисунками, схемами, таблицами; учебных текстов, в которых для оптимизации восприятия широко применяются разные параграфемные средства – от схем, таблиц, рисунков до текстовых вставок, рамок, подчёркиваний и т.д.

Нам представляется привлекательной работа Н.М. Чудаковой [Чудакова, 2005], которая, опираясь на С.Д. Зауэрбир (Sauerbier), выявляет отношения между изображением и вербальной частью в зависимости от их референтной отнесенности. Автор определяет следующие типы креолизованных текстов:

– параллельная корреляция – содержание рисунка и вербальной части полностью совпадают;

– комплементарная корреляция – содержание иконической и вербальной частей частично перекрывают друг друга;

– субститутивная корреляция – иконическая информация замещает вербальную информацию;

– интерпретативная корреляция – между содержанием вербальной и иконической частей нет точек соприкосновения, эти связи устанавливаются на ассоциативной основе.

Указанные соотношения субтекстов в составе политекстуальной системы могут быть дополнены, уточнены по их пространственно-композиционной роли как *вхождение, соположение, чередование*.

Итак, при анализе соотношения частей креолизованного произведения они характеризуются как связанные **разными типами содержательной корреляции – параллельной, комплементарной, субститутивной, интерпретативной – при их композиционном положении вхождения, соположения, чередования**.

Такие связи могут быть выявлены в дискурсах, образованных парами разнознаковых субдискурсов, например, именно так изобразительный ряд соотносится с вербальным в рекламных произведениях разных типов (шитовая, печатная, интернет-реклама).

Обратимся к семантической структуре комплексного интернет-дискурса.. Отметим в связи с этим, что важной является проблема выявления тех сегментирующих связей, которые формируют структуру дискурсивного комплекса Интернета. Субдискурсы в составе основного, главного, составного дискурса составляют пучок связанных между собой текстов (дискурсов, произведений), относящихся к той же предметно-информационной области и раскрывающих ее. Такая дискурсивная комплексная система строится как единое целое, состоящее из многих компонентов, выраженных разными кодами. Всемирная Сеть образует сетевое пространство, внутри которого разворачивается процесс не линейной, а пространственной и многомерной коммуникации.

Основной облик содержательной структуры дискурса Интернета формируется за счет пестроты произведений разных типов, содержательной, авторской, семиотической, оформительской, композиционной. При этом связи на уровне содержания текстов практически отсутствуют и сводятся к признаку, который можно назвать «принадлежность к месту», то есть общее между текстами, субдискурсами определяется, по сути дела, самим фактом их нахождения в данном СМК, временем и местом события и другими факторами, хорошо знакомыми журналистам печатных СМИ. Читатель интернет-произведения имеет возможность ориентироваться в потоке материалов с помощью ссыльно-отсыльного аппарата. Основной тип субдискурсов, бытующих

в Интернете, назовем сопутствующими. Содержательные связи этих текстов практически отсутствуют, их совместная встречаемость на том или ином пространстве Интернета обусловлена, скорее, экстралингвистическими обстоятельствами времени и места существования события, процесса и т.д.

В качестве иллюстрации построения такого типа дискурса Интернета представим отрывок из современных (декабрь 20013 года) маге-риалов, помещенных в рубрике «Новости», отличающийся тематической всеохватностью, широтой. Данное дискурсивное произведение отражает все события, которые произошли за настоящее время («время Интернета»), их тематический смысл возможно назвать словосочетанием «обо всем» – от судебного приговора («*Рыжего Тарзана выпустили из клетки в колонию*») – до землетрясения в Японии и аварии судна на Сахалине. Дискурс, согласно потребностям передачи информации в Интернете, амбивалентен, отличается признаком текучести, это постоянно меняющееся текстовое образование. Такой дискурс строится, как сказано, из сопутствующих субдискурсов. Приведем отрывок интернет-дискурса:

<http://r.mail.ru/n104494891?sz=6&&rnd=124400478><http://r.mail.ru/n104494891?sz=6&&rnd=124400478>

Рыжего Тарзана выпустили из клетки в колонию.

подробнее

02:12 (мск) | Криминал | Газета «Коммерсантъ»

Невский районный суд Санкт-Петербурга вынес приговор участнику боев без правил и националисту Вячеславу Дацки (Рыжий Тарзан), которой стал известен в России после своего побега в Норвегию. Дацки был признан виновным в разбойном нападении на салон сотовой связи и приговорен к пяти годам колонии общего режима. Уголовное преследование националиста по обвинению в поджоге храма преподобного Серафима Вырицкого судом было прекращено. Как заявил на процессе националист, в колонии он намерен рассказывать заключенным об их правах, чтобы эки могли за них бороться.

</incident/11232050/incident/11232050/>

05:48 (мск) | ЧП | ИТАР-ТАСС

Землетрясение в Японии: эвакуировано свыше 25 тысяч человек.

ТОКИО, 8 декабря. /ИТАР-ТАСС/. После мощного землетрясения магнитудой 7,3, которое произошло в пятницу к востоку от Японии, на северо-востоке страны были в срочном порядке эвакуировано свыше 25 тыс человек. Как сообщили сегодня местные СМИ, большее число эвакуированных пришлось на северо-восточные префектуры Иватэ и Мияги, по которым после вчерашнего землетрясения ударила метровая волна цунами

08:26 (мск) | События | "РИА Новости"

Буксир прибыл на помощь севшему на мель на Сахалине судну «Мелоди».

ВЛАДИВОСТОК, 8 дек — РИА Новости. Буксир «Атлас» прибыл в район посадки на мель на Сахалине судна «Мелоди» и начнет операцию по его спасению при улучшении погоды, сообщает в субботу Дальневосточный региональный центр МЧС РФ.

08:01 (мск) | События | "РИА Новости"

Жильцов горящего в Сочи дома временно разместят в санатории.

СОЧИ, 8 дек — РИА Новости. Жильцов, эвакуированных из горящего пятиэтажного дома в Сочи, временно разместят в санатории, сообщает управление МЧС по Краснодарскому краю».

Примеры такого рода можно приводить бесконечно, что отразит безграничную широту информации Интернета. Самый экономный способ построения дискурса при этом – компрессированная подача дискурса, который существует в Сети как словесный текст или виртуально – скрыт за системой ссылок, отсылок, например:

/inregions/fareast/41/incident/11232209//inregions/fareast/41/

07:09 (мск) | "Вести.Ru"

Извержение Плоского Толбачика: спасатели волнуются за туристов

На Камчатке в районе вулкана Плоский Толбачик выставлены группы спасателей. Сотрудникам МЧС пришлось выйти на внеплановое дежурство из-за наплыва любителей острых ощущений. Туристы, которые хотят увидеть извержение собственными глазами, пренебрегают всеми мерами безопасности, вплотную приближаясь к потокам раскаленной лавы. Землетрясение магнитудой 4,0 произошло в Туве Семь населенных пунктов на Сахалине остаются без света из-за циклонов Одиннадцать человек пострадали в ДТП с маршрутками в Екатеринбурге».

Следующая группа субдискурсов имеет более конкретно выраженный тематический характер. Это **детализирующие (раскрывающие)** субдискурсы, которые сфокусированы на собственной теме. Их главная мысль и совокупная внутренняя содержательная структура построены как тезисное развитие темы субдискурса, построенной вокруг данной темы, и системы тезисов, составляющих основное содержание текста. Таким образом, развитие дискурса в Интернете идет по линии сужения, конкретизации, раскрытия той или иной мысли, воплощенной в основном тезисе текста. Приведем пример дискурса, посвященного одной теме: рассказу о финансовых злоупотреблениях сотрудницы Оборонсервиса Сметановой. В составе данного дискурса существуют **вводящий** субдискурс и сеть **детализирующих**:

Вводящий субдискурс 1. *«РИА Новости:RIA.RU. 08/12/2012 11:50. Публикации. Актуальные сюжеты. Судебная информация. Онлайн-*

трансляции. Происшествия/Дела. Законодательство. Международная информация. Мультимедиа. Об агентстве. Московские суды. Новости. Публикации. Мультимедиа. Справочник. Новости. Версия для печати.

Субдискурс 1. Фигурантка «дела Оборонсервиса» Сметанова дала признательные показания.

Сюжет: Дело о мошенничестве в «Оборонсервисе». Контекст. Следствие протит продлеть до 10 февраля арест Сметановой и Закутайло. Защита Сметановой сомневается в даче показаний против фигурантов дела. Фигурантка дела "Оборонсервиса" Екатерина Сметанова арестована.

РИА Новости. Андрей Стенин.

Вводящий субдискурс 2. Мошенничество. Оборонсервис. Министерство обороны РФ, Хамовнический суд Москвы, Екатерина Сметанова, Москва, Россия 17:45 06/12/2012.

Субдискурс 1. «МОСКВА, 6 дек – РАПСИ. Фигурантка «дела Оборонсервиса» Екатерина Сметанова заявила Хамовническому суду Москвы, где рассматривается ходатайство следствия о продлении ей срока ареста, что дала следствию признательные показания».

Субдискурс 2. «Я прошу освободить меня из-под стражи. Я дала следствию признательные показания, поэтому у меня нет оснований, после признания вины, препятствовать следствию», – сказала Сметанова. Сметанова заявила, что у нее двое детей остались на попечении престарелых родителей, которые тяжело больны. «Мой супруг тоже арестован, у нас нет недвижимости в Испании, я не могу позволить себе даже платного адвоката, потому что приходится задумываться, что завтра будут есть мои дети», – заявила Сметанова судье. Она отвергла доводы следствия о том, что уничтожала доказательства по делу.

По ее словам, во время обыска она предоставила следствию все документы, а после увольнения никаких связей с прежней работой не поддерживала. Таким образом, не может оказывать давление на свидетелей. В настоящее время суд удалился в совещательную комнату для вынесения решений по ходатайству следствия о продлении Сметановой срока ареста до 10 февраля.

Ранее сообщалось о возбуждении пяти уголовных дел по фактам мошенничества при продаже недвижимости, земельных участков и акций, принадлежащих ОАО «Оборонсервис». Эти дела были объединены в одно производство. Ущерб превысил 3 миллиарда рублей».

Субдискурс 3. «Яндекс.Директ/Дело о хищении в «Оборонсервисе» обростает новыми фактами и подозреваемыми! Подробности. zagolovki.ru. Читать далее: http://rapsinews.ru/moscourts_news/20121206/265676675.html#ixzz2ERvJFbPV»

Мы продемонстрировали один из вариантов интернет-дискурса, включающего в себя большое количество субдискурсов. Всякий дискурс, бытующий в Интернете, «живет» по собственным правилам. За время его существования выработались инвариантные свойства внут-

ренной структуры, определяющие способы сопряжения текстуальных образований. Дискурс имеет глубинную трехмерную структуру, где составляющие его части входят одна в другую, сосуществуют, словно извлекаются из глубины целого дискурса.

Это связь на основе общности главной темы текста. Субдискурсы, составляющие дискурс, имеют разный характер. Обязателен вводящий субдискурс, затем система сопутствующих субдискурсов, которые, будучи содержательно сходными с вводящим, могут уточнять его смысл, развивать его, обогащать новыми признаками и средствами привлечения внимания адресата. Вместе с тем, в комплексном составном дискурсе могут существовать и относительно самостоятельные произведения (вербальные и невербальные) – сопутствующие субдискурсы, предлагающие переход к новому тексту и формирующие смысл целого произведения. Содержательная связь их с другими субдискурсами может быть достаточно опосредованной. Общее в них – именно то, что это сложные составные объекты неоднородного семиотического характера.

Вводящий субдискурс – это текст, посвященный главной мысли целого дискурса, в тезисной форме содержащий его основной смысл. Из приведенных примеров видно, как строится направление раскрытия главного тезиса дискурса, а затем он обрастает иллюстрациями-фактами. В приведенном примере в роли вводящего субдискурса 1 выступает текст, содержащий нейтральное название основного события «дело Оборонсервиса», ставшего скандальным и широко обсуждаемого в обществе. Кроме того, приводится фамилия фигурантки уголовного дела, чьи фотографии стали известны многим. Выполняется одна из функций вводящего субдискурса, своеобразного лида, хорошо знакомого по печатным изданиям, – анонсирование, завоевание внимания читателя, побуждение его к дальнейшему знакомству с дискурсом в целом. Вводящий субдискурс определяет направленность раскрытия главной мысли дискурса, его оценочную тональность. Главное, инвариантное, содержание вводящего субдискурса хорошо известно читателю «бумажного» газетного издания – это определение содержательной и оценочной направленности всего целостного комплексного текста, формирование раскрытия основного тезиса произведения его главной мысли. Заметим, что интернет-дискурс во многом построен на основе традиционной теории и практики создания газетного публицистического издания, построения его комплексного текста, поэтому настоящий анализ опирается на известные положения, обогащенные данными о свойствах текста Интернета.

Вводящий субдискурс сопровождается (или может сопровождать-ся) детализирующими произведениями. В наших примерах это – субдискурсы 2, 3. Сопровождающие тексты разъясняют тезисы вводящего, раскрывают и иллюстрируют их, приводят дополнительные тезисы, раскрывающие авторскую концепцию.

Подводя итог сказанному, опять перечислим субдискурсы, составляющие Интернет дискурсивное образование. Это **вводящий субдискурс и система сопутствующих, детализирующих, субдискурсов**. Их численность и стилистическое оформление вариативны и подчинены особенностям авторского стиля и целенаправленности созданного произведения.

Подводя итог рассуждениям о типологических свойствах интернет-дискурсивного объекта, напомним, что сегментация/интеграция семиотического континуума – свойство, направленное на потребителя информации, а это требует использования специальных средств оптимизации восприятия. Что касается субдискурсов модульного, плоскостного типа, расположенных на визуальном воспринимаемом поле компьютера, то они построены аналогично привычным «бумажным» текстам, поэтому там применяются известные способы интеграции/сегментации континуума. Глубинное, реально-виртуальное взаимодействие требует системы ссылочно-отсылочных средств дискурсивной защиты, когда «спрятанное» компрессированное произведение «находится», активируется путем применения средств компьютерного заголовочного комплекса. Свойство дискурса, направленного на информирование пользователя, прямо обуславливает необходимость широкого применения средств оптимизации самого процесса поиска информации и сохранения ее – мы предложили назвать их средствами дискурсивной защиты. Использование таких элементов связано с особенностями текстов Интернета: внутри сетевого пространства разворачивается процесс не линейной, а пространственной и многомерной коммуникации – говорится в монографии «Текст в коммуникативном пространстве современной России» [Текст в коммуникативном..., 2010].

Литература

Кухта М.С. Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 3 (40).

Лазарева Э.А. Архитектоника дискурса Интернета // Уральский филологический Вестник. Екатеринбург, 2012. Вып. 2.

Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40.

Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Свердловск, 1993.

Пирс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

Сазонов В.В., Шошников К.Б. О соотношении вербальной и визуальной информации в прессе // Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975.

Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2010.

Газета как текст. Коммуникативно-речевой комплекс издания. Саарбрюккен, 2011.

Чертов Л. О семиотике изобразительных средств // Научно-культурологический журнал. 2009. № 15(195).

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА СМИ

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: язык СМИ, коммуникативный аспект, стили-образующие факторы.

Keywords: language media, communicative aspect of language media, stylistic factors.

Язык СМИ, ставший в начале XXI века объектом междисциплинарного исследования [Язык и дискурс..., 2011], в последнее время привлекает пристальное внимание отечественных лингвистов, работающих в разных лингвистических парадигмах – теории речевой коммуникации, когнитивной лингвистики, теории дискурса, теории речевого воздействия, лингвоконфликтологии и др., не говоря уже о таких традиционных направлениях лингвистики, как функциональная стилистика и стилистика текста, в центре внимания которых всегда находился этот изменчивый и многоаспектный объект исследования.

Стоит упомянуть лишь о некоторых научных событиях последних лет, способствовавших развитию новых направлений отечественной лингвистики (медиалингвистика и медиастилистика), основы которых заложены в трудах известных отечественных лингвистов – Г. О. Винокура, М. Н. Кожинной, В. Г. Костомарова, Л. М. Майдановой, К. А. Роговой, О. Б. Сиротининой, Г. Я. Солганика и др.

Это Первая и Вторая международные научные конференции, посвященные актуальным проблемам стилистики («Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах»), организованные коллективом ученых факультета журналистики МГУ им М.В. Ломоносова (2009, 2012 годы), в ходе которых исследователи из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья в своих докладах и сообщениях очертили круг наиболее актуальных проблем изучения языка СМИ и наметили пути и перспективы дальнейшего его освоения [Стилистика сегодня и завтра, 2012; Чернышова, 2013, с. 191–193].

Это ставший уже традиционным Международный научно-практический семинар «Речевая коммуникация в средствах массовой информации», организуемый кафедрой речевой коммуникации института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета (2012, 2013), в рамках которого проводятся панельные дискуссии, круглые столы и мастер-классы, посвященные проблемам функционирования языка печатных, аудиовизуальных и сетевых СМИ в культурологическом, типологическом, методическом и прочих аспектах [Медиатекст как полиинтенциональная система, 2012].

Об активном развитии нового исследовательского направления в изучении отечественных СМИ свидетельствует и открытие в Санкт-Петербурге сайта «Медиалингвистика – XXI век» (<http://rus.jf.spbu.ru/medialingvistika/>), главным редактором которого является доктор филологических наук, проф., зав. кафедрой журналистики СПбГУ Л.Р. Дускаева. Презентация сайта состоялась на факультете журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета 30 ноября 2012 года. Создатели веб-ресурса рассказали о тех возможностях, которые открывает проект, позволяя российским и зарубежным исследователям обмениваться информацией и также объединять усилия для решения общих научных задач [Чернышова, 2013, с. 191–193].

Коммуникативный аспект исследования языка современных СМИ, безусловно, актуален. Современные требования к функционированию языка СМИ вытекают из общих подходов к тексту как **цели, продукту и результату** речевой коммуникации. Текст рассматривается как продукт речевой деятельности коммуникантов, в ходе которой достигается планируемый адресантом эффект и цель коммуникации.

Успешность речевой коммуникации включает следующие этапы достижения цели (иными словами, коммуникативной удачи): согласие

адресата вступить в коммуникацию, правильное понимание получателем смысла речи, планируемая отправителем реакция получателя на понятый им смысл. Таким образом, речевое взаимодействие в СМИ предполагает наличие диалога между автором и потенциальной аудиторией. Успешность или неуспешность речевой коммуникации в СМИ обусловлены рядом факторов, либо способствующих реализации коммуникативного (экспрессивного) задания автора, либо препятствующих ей. Успешная коммуникация в целом (и медиакоммуникация в частности) обусловлена, с одной стороны, характером реализации функций речевой коммуникации (фатической, информационной, регулятивной) в целом (Р.О. Якобсон, В.Я. Мыркин и др.), а с другой, – совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов, выводящих данную категорию за пределы чисто лингвистического понятия [Чернышова, 2012, с. 217].

При описании указанных языковых и неязыковых особенностей целесообразно обратиться к комплексу «главнейших стилеобразующих факторов», представленных в виде схемы в работе Милана Елинка (Елинека) (1969) и описанных М.Н. Кожиной [Кожина, 1972, с. 145], – данные факторы с течением времени не только не утратили своей актуальности, но и активно развиваются исследователями, работающими в русле современной коммуникативистики. Остановимся на наиболее важных аспектах. Так, к числу указанных стилеобразующих факторов (см. схему 1) М. Елинек относит следующие: а) **кодовые**, б) **адресатные**, в) определяемые **условиями общения** и г) **функциональные**, каждый из которых имеет еще субъективную и объективную стороны рассмотрения [Кожина, 1972, с. 145].

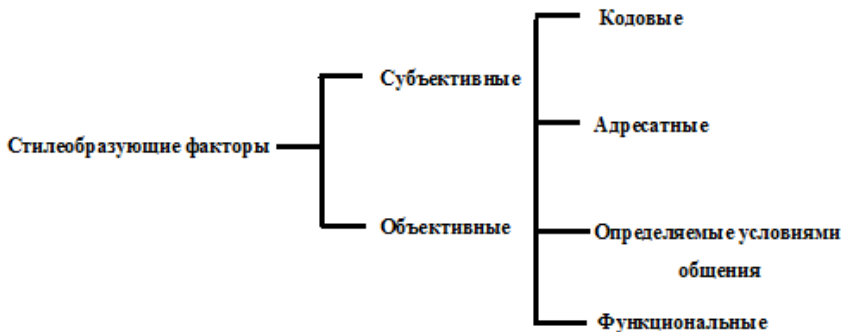

Схема 1. Система стилеобразующих факторов (по М. Елинеку)

Рассмотрим сначала **адресатные факторы**, различающиеся в зависимости от количественного и качественного состава участников коммуникации, их активности и способа связи со средством коммуникации (контактные – дистантные).

В настоящее время нет необходимости доказывать, что **фактор адресата** является ведущим в сфере медиакommunikации: именно он определяет характер речевого поведения в этой сфере; именно он задает вектор интерпретации медиасобытия потенциальной аудиторией и во многом определяет успех или неуспех коммуникативного медиавзаимодействия, либо создавая благоприятные условия для контакта с аудиторией, либо ему препятствуя¹; именно он требует от автора медиатекста, реализующего в тексте свои интенции, умения создать у адресата «некий настрой, установку на взаимопонимание» [Шрейдер, 1974, с. 61]. Данная установка представляет собой своеобразные «позывные», рассчитанные на определенный коллектив, при этом за ней может не последовать никакой информации, но для адресата существенно само наличие этих позывных. Происходит это потому, что члены одной группы или общности (например, в сфере массовой коммуникации) «как бы настроены на одну несущую частоту», при этом текст (через любой уровень) вызывает нужную установку (фасцинацию) [Шрейдер, 1974, с. 61–63] у членов определенной группы (общности), если он соответствует ее эстетическим представлениям, социально-политическим, психосоциальным, ментальным, нормативным и прочим установкам и идеалам [Чернышова, 2009, с. 217].

Таким образом, адресатные факторы, по сути, организуют ряд интенциональных категорий публицистического текста, позволяющих с помощью авторской оценочности, интерпретации действительности, номинации и выбранной адресантом стилистической манеры изложения (речевой агрессии, речевого одобрения или подчеркнутой объективности) реализовать в публицистическом тексте совокупность определенных заданных идей (идеологем) [Клушина, 2008, с. 7] с учетом особенностей «своей» аудитории.

¹ Интересно в этом плане исследование С.В. Фащановой, согласно которому, например, феномен языковой игры рассматривается не только как выполняющий эстетическую функцию, но и как направленный на достижение определенных коммуникативных целей, то есть, по сути, как важный дискурсивный признак радиокommunikации, как конвенционально одобряемый слушателями способ установления контакта со «своей» аудиторией, как важное средства поддержания контакта и достижения регулятивной (то есть регулирующей поведение адресата – в том числе и речевое) функции радиокommunikации [Фащанова, 2012].

Достаточно сравнить несколько изданий разной социально-политической и социально-культурной направленности, чтобы увидеть существенные различия в представлении и интерпретации реального факта-события, во многом обусловленные фактором адресата. Проиллюстрируем сказанное на примере выборки медиатекстов, посвященных русской деревне (выборка в количестве 20 текстов произведена в марте – июне 2012 года).

В соответствии с проведенным анализом, тексты, посвященные русской деревне, также выглядят неоднородными. Одни отличаются возвышенной (пафосной) тональностью, которая актуализируется уже на уровне заголовочных компонентов публикаций и далее разворачивается в тексте: *«Русское возрождение»* (Русский литератор, 21, ноябрь, 2007 г.); *«Новогодний репортаж из русской деревни, или мы еще можем возродиться!»*, *«Без русской деревни нет России»*, *«Тревоги русской деревни»* (krpf.ru); *«Есть ли будущее у русской деревни?»* (ruskline.ru); *«Судьбы русского села»* (Православие.ru); *«Русская деревня, в которой не ругаются матом»* (Духовные христиане, sdhm.ru) и др. – как правило, это тексты левоориентированных, национально ориентированных или православных объединений. Другие медиатексты характеризуются подчеркнуто сниженной тональностью, даже агрессивностью: *«Русская деревня должна быть ликвидирована, она просто нерентабельна»* (fermer.ru); *«Гопников – в деревню»* (rosbalt.ru), ср. также далее по тексту: *«нынешние чудовищные гнилые деревянные "деревни" с полумертвыми бабками и алкоголиками, конечно же, должны быть полностью разрушены»* и т.п. Это тексты социально оценочные, полемически заостренные, иногда жесткие по своей стилистической тональности. Третьи сохраняют нейтральную тональность: они либо подчеркнуто информативны *«Обзор СМИ: жизнь в деревне»* (Милосердие.ru), *«Французский режиссер снял документальный фильм о русской деревне»* (Аргументы и факты. Самара, samara.aif.ru), либо отличаются аналитизмом, например: *«Два взгляда на развитие русской деревни»* (bkgazeta.kz). Представленные типы медиатекстов дифференцируются на основе такого важного **внутреннего** дискурсивного фактора, как ориентированность на адресата, учитывающего характер взаимодействия автора и адресата через медийный текст, совокупность конвенциональных норм и правил, регулирующих их взаимоотношения, средства и способы оформления текстов (в частности, приемы создания выразительности). Отмеченные различия актуализируются и на уровне концептуальной структуры медиатекстов в целом [Чернышова, 2012, с. 191–193].

Адресатные факторы тесно связаны с **кодowymi**, к которым исследователи относят форму высказывания (письменную или устную), а также устойчивые языковые (и внеязыковые) элементы, определяющие характер речевого поведения коммуникантов в той или иной сфере медиакоммуникации, в том числе и стилистически окрашенные, эмоционально-оценочные (экспрессивные) средства, придающие речи своеобразие. Первые ориентированы на знание адресатом правил и норм употребления русского языка и особенностей конвенционального речевого поведения в той или иной сфере медиакоммуникации, вторые – на установление контакта с адресатом и успешное речевое воздействие. Иначе говоря, кодовые факторы связывают коммуникативный аспект изучения языка СМИ с такими **аспектами**, как **культурно-нормативный** и **риторический (изобразительно-выразительный и воздействующий)**. Таким образом, умение «говорить» на языке потенциального адресата представляется важным условием «успешной» медиакоммуникации, для которой характерно типологическое многообразие медиаречи и постоянное расширение диапазона жанрово-видовой классификации текстов.

Не случайно современные исследователи медиакоммуникации, развивая идеи предшественников (в частности, исследования В. Г. Костомарова, который в статье, опубликованной в 1971 году, обосновывает возможность применения к языку массовой коммуникации понятия особого вида – «функционально-стилевых единств» в силу того, что этот язык представляет собой «особый вид применения литературного языка» [Костомаров, 1971]), говорят о факте смены конструктивно-стилевого вектора в сфере медиакоммуникации «с публицистического на медийный, предполагающий принципиальную диалогичность и полилогичность, расширение тематического и оценочного спектра, поливариантность реализации принципа чередования стандарта и экспрессии и развитие медиаконцептов как ключевых когнитивных доминант медиасферы» [Орлова, 2012, с. 16].

Кодовые факторы, на наш взгляд, тесно связаны с одним из важных направлений современной коммуникативистики, обозначенной в предисловии данного ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования» как «**языки коммуникации и их взаимодействие**». Очевидно, речь здесь идет о разных способах коммуникативного взаимодействия – вербальных и невербальных (параязыковых), причем применительно к текстам медиакоммуникации, невербальные компоненты (особенно в газетно-журнальной периодике) подчас преобладают – «доминируют»: основная площадь занята обработанными на компьюте-

ре фотографиями, которые сопровождаются кратким комментарием объемом в одно-два предложения» [Коньков, 2012, с. 16]; тексты, выполненные в традиционных жанрах, практически не представлены; «печатная речь носит ярко выраженный многоканальный характер» [Коньков, 2012, с. 16] и т.п.

В то же время «взаимодействие языков коммуникации» и появление новых «подъязыков» на стыке нескольких традиционных функциональных стилей – таких как научный и публицистический, газетно (журнально-)–публицистический и деловой и др. – наблюдается и на уровне вербальной коммуникации.

Иллюстрацией этого явления могут служить тексты газетно-журнальной периодики, обслуживающие сферу делового общения – в частности, сферу деятельности Федеральной налоговой службы России. Рассмотрим эти тексты через призму эффективного речевого взаимодействия автора и адресата на примере такого профессионально ориентированного издания, как издаваемая в Алтайском крае региональная газета «Мой налоговый советник» [Чернышова, 2012а, с. 232–235].

Сложность официально-деловых текстов для обыденного восприятия, обусловленная такими их стилеобразующими признаками, как конкретность содержания и абстрактность форм выражения, императивность (волеизъявление), по-разному реализуемая в различных жанрах деловой речи; точность, не допускающая интолкований; объективность (безличность) изложения; стандартизованность и др. [Дускаева, 2011], требует от читателей специальной подготовки, а от журналистов и редакторов – умения говорить просто о сложных юридических понятиях.

Кодовые факторы опираются на устойчивые языковые (и внеязыковые) элементы, определяющие характер речевого поведения коммуникантов в той или иной сфере коммуникации. Данные факторы ориентированы на знание пишущим правил и норм употребления русского языка (функционально-стилевая грамотность, реализуемая через понятие коммуникативной компетентности, которая чрезвычайно важна для СМИ, активно влияющих на массовую аудиторию) и особенностей конвенционального речевого поведения в деловой сфере. Специфика языкового кода, используемого в анализируемых газетных изданиях, обусловлена взаимодействием двух сфер (деловой и публицистической) и двух стилей – официально-делового и газетно-публицистического.

Так, язык текстов СМИ, функционирующих в официально-деловой сфере [Чернышова, 2012а, с. 232–235], во многом «впитывает» в себя черты, характерные для этой сферы: точность словоупотребления, терминологизированность, стилистическая сдержанность, логичность, использование характерных для канцелярского языка синтаксических и грамматических конструкций: *положительные результаты зафиксированы, снижение поступлений, консолидированный бюджет, стоимость земель, занятых индивидуальной жилой застройкой, рост, в абсолютных цифрах, кадастровая стоимость, исчисляемый земельный налог, внедрение биллинговой системы обработки платежей, мониторинг закона, уровни законодательной власти* и др.

В то же время ему присущи и публицистические черты: информативность, ориентированность на конкретную аудиторию, которая достаточно широка для того, чтобы предъявить пишущему в данной сфере требования актуализации речевых навыков, близких или сходных с навыками предполагаемой аудитории (Т. Г. Винокур). В данном случае речь идет уже об **адресатных факторах**.

Адресат рассматриваемых газетных изданий – это мелкие и крупные предприниматели, руководители различных ведомств, а также рядовые граждане, интересующиеся проблемами налогообложения.

Двуединная направленность анализируемых газетно-журнальных текстов (официально-деловая и публицистическая) предъявляет к ним особые требования в отношении коммуникативных качеств речи, обеспечивающих данным текстам эффективное и успешное функционирование.

С одной стороны, это **правильность** выражения мысли, **точность и логичность** ее построения, а с другой – в плане ориентации на адресата, – **выразительность, доступность, уместность**, позволяющие не только сократить дистанцию между автором и читателем, но и при установлении контакта со своей аудиторией не переходить границ, определяемых сложившимся характером коммуникации в этой области человеческой деятельности. Например, использование просторечной лексики в подобных текстах вносит коммуникативный диссонанс, который на общем относительно строгом фоне воспринимается как просторечно-сниженный: *«Однако, несмотря на **шокирующий**, на первый взгляд, рост, в абсолютных цифрах ни сама кадастровая стоимость, ни земельный налог, исчисляемый на ее основе, не являются **из ряда вон выходящими**»* и др.

Все указанные языковые особенности определяются условиями общения в официально-деловой сфере, представляющей собой инсти-

туциональное общение, наиболее важными признаками которого являются **официальность, публичность**, тексты которой ориентированы на выполнение функции **делового, профессионально ориентированного (специального) сообщения**.

Таким образом, особого внимания заслуживает изучение факторов, связанных с **условиями и сферой общения** коммуникантов – говоря современным языком, с **факторами дискурсивными**, учитывающими характер коммуникации (межличностное/ фамильярное или институциональное/ официальное общение) и ее функции (например, эстетического и делового сообщения), имеющие социальный или всеобщий характер и т.п., а также выполняемыми функциями (см. схему 2).

Схема 2. Факторы условий общения и функций (по М. Елинеку)

Представленное выше газетное издание – и деловое и... не вполне деловое, оно рассчитано на специальное (профессионально ориентированное) информирование и одновременно обладает признаками «всеобщности». Очевидно, что специфика изучаемого издания прежде всего обусловлена **функциональными факторами**. Неся в себе признаки специального и всеобщего сообщения, деловые тексты, функционирующие в сфере массовой коммуникации выполняют также информативную и агитационную (то есть воздействующую) функции.

Стремление найти общий язык со «своим» читателем и избежать «сухости» и «официоза» заставляет авторов газеты искать новые формы выражения, использовать речевые структуры, выходящие за пределы официально-делового общения – в сферу обыденного, межличностного, но в то же время публичного, социального взаимодействия. Данная тенденция хорошо просматривается в последних номерах журнала (ноябрь–декабрь 2012 года), в которых даже такие традиционные и вполне «официальные» рубрики, как «Главные новости» «Компетентное мнение», «Деловые советы» и др., под которые обычно отдаются первые полосы газеты, содержат привлекательные для читателя заголовки с восклицательной или вопросительной интонацией, например: «Налоговые юристы – «штучные» специалисты!», «Лучший налоговый сервис – в Павловске!», «Как помочь людям дела? Власти России должны создавать условия для развития малых и средних компаний», «Подпись имеет значение!», «Выгодно? Однако, наоборот...», «Нереальное упорство» и др.

Мы можем предположить, что взаимодействие «разных языков коммуникации» в данном случае приводит не столько к приспособлению одного к другому, сколько к обусловленному потребностями эффективной передачи информации формированию специального письменного подязыка, используемого в сфере взаимодействия деловой и газетно-публицистической речи, обладающего своей сферой применения и своими правилами и нормами речевого поведения.

Культурно-нормативный, риторический и дискурсивный аспекты медиакоммуникации, на наш взгляд, тесно связаны с **лингво-правовым аспектом** изучения языка СМИ, получившим развитие в отечественной лингвистике в первое десятилетие XXI века. Взаимодействие нормативного и ненормативного, экспрессивного и нейтрального, информационного и воздействующего в медиакоммуникации часто приводит к речевому конфликту, разрешение которого подчас невозможно без вмешательства правовых институтов общества.

Конфликт в сфере медиакоммуникации тесно связан с так называемым человеческим фактором и обусловлен рядом причин, среди которых наиболее важны следующие:

1) **публичность** развертывания конфликтной речевой коммуникации, обусловленную:

- вынесением обсуждаемых проблем за «границы» конфликтующих сторон с привлечением третьих лиц – как частных, так и юридических (УВД, органы городской и краевой администрации, представители различных партий и т.п.);
- освещением конфликтной ситуации в СМИ и публичных выступлениях (на совещаниях, собраниях трудового коллектива и т.п.);

• спонтанным эпизодическим обсуждением в межличностном общении (слухи, сплетни);

2) **психологическое состояние** конфликтующих сторон, **наличие** явного или скрытого **конфликта** между ними, обостряющегося при стечении неблагоприятных обстоятельств;

3) провокационные сигналы в развертывании речевого конфликта в сфере медиакоммуникации, в качестве которых может выступать **негативная оценочная лексика** (фразеология), влекущая за собой сознательное или неосознанное нарушение инвектором правил и норм речевого поведения, принятых в публичной сфере социального взаимодействия, либо распространение **негативной** (порочащей, позорящей) **фактологической информации** о субъекте публикации.

Итак, коммуникативная парадигма изучения языка СМИ объединяет сразу несколько аспектов изучения, представляющихся на данном этапе развития науки о языке весьма перспективными. Все они ориентированы на достижение взаимопонимания между коммуникантами и эффективное взаимодействие, разрешение информационных речевых конфликтов и их своевременное предотвращение; каждый из них находится на пересечении нескольких функций речевой коммуникации – информирующей, просветительской, эстетической, воздействующей, побуждающей и др., обуславливающих формирование различных подязыков коммуникации в целях ее эффективности; в рамках каждого из направлений язык СМИ рассматривается как объект междисциплинарного исследования, сформировавшийся на пересечении нескольких функциональных стилей (разговорного, делового, публицистического) и нескольких взаимосвязанных сфер функционирования, что позволяет всесторонне охарактеризовать этот исторически изменчивый, многофункциональный, отличающийся полилогичностью и поливариантностью объект исследования.

Литература

- Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2011.
- Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
- Кожина М.Н. О некоторых чехословацких работах последних лет по стилистике // Вопросы стилистики. Саратов, 1974. Вып. 4.
- Коньков В.И. Вербальный компонент печатного издания: принципы речевой организации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2012. Т. 1.
- Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб., 2012.

Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : жизненный цикл и миромоделирующий потенциал» : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Томск, 2012.

Стилистика сегодня и завтра : Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра : медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». Пленарные доклады. М., 2012.

Фащанова С.В. Языковая игра в радиодискурсе: коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.

Чернышова Т.В. Современный медиатекст в дискурсивной парадигме : способы репрезентации образа русской деревни // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология Екатеринбург, 2012. Ч. 2.

Чернышова Т.В. Язык современной газетно-журнальной периодики: условия эффективного взаимодействия в деловой сфере // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2012а. Т. 1.

Чернышова Т.В. Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра : медиатекст в стилистическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова 21–22 ноября 2012 г.) // Филология и человек. 2013. № 1.

Шрейдер Ю. Логика знаковых систем (элементы семиотики). М., 1974.

Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М., 2011.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ КАК СПОСОБ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА В ТЕКСТЕ

И.Ю. Качесова

Ключевые слова: развертывание, аргументативный дискурс, вторичный дискурс, моделирование, текст.

Keywords: extension, argumentative discourse, secondary discourse, modeling, text.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики не только изменила принципы рассмотрения языкового материала, но и выявила новый взгляд на языковую основу феноменов коммуникации. Включение аргументативного дискурса в контекст риторической парадигмы позволяет выделить его структурообразующую функцию. Этой функцией, на наш взгляд, является управление речесубъективной деятельностью субъектов аргументации.

Яковлева Е.А., рассуждая о риторике как теории мыслеречевой деятельности, выделяет функцию управления в качестве базовой для описания процессов порождения речи и процессов порождения дейст-

вий участников коммуникации: «что же означает риторический подход? Это значит, что мы должны осознать динамический ритм процесса порождения текста говорящим, который можно представить как УПРАВЛЕНИЕ МЫСЛЕРЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ... Риторика, понимаемая таким образом, позволяет осознать внутреннюю последовательность этапов идеоречевого цикла, обеспечивающих действенную силу слова, оттенить его эстетическую, этическую и магическую стороны и в какой-то мере деспонтизировать речь» [Яковлева, 1998, с. 16]. Другими словами, в процессе аргументирования субъекты аргументации управляют деятельностью друг друга, выстраивая аргументативные стратегии, что обеспечивает реализацию их коммуникативной и аргументативной интенций и позволяет достичь аргументативного результата.

Данное понимание сущности аргументации как управления межсубъектными коммуникациями развивает риторическую концепцию аргументации Х. Перельмана, который утверждал, что «различие между риторической аргументацией и доказательством заключается в том, что доказательство безлично, а аргументация личностна... Риторическая аргументация связана с фактором адресата, ориентирована на аудиторию... Фактор аудитории – это встреча умов, интеллектуальный контакт, который имеет место только в том случае, если аргументатор и аудитория находятся в пространстве одного и того же социального менталитета, исповедуют одну и ту же ценность» [Перельман, 1987, с. 16].

Отличия риторического подхода к аргументации от логического были сформулированы Г.Г. Хазагеровым: риторическая аргументация ориентирована на конкретного адресата, логическая – безлична; логика оперирует истинными, а риторика – лишь вероятностными утверждениями; строение суждения в риторике и логике различаются: в логике вывод следует за посылками, тогда как в риторике тезис формулируется сначала, а затем создается его аргументация; риторика, в отличие от логики, требует аргументировать только те положения, которые имеют общественную значимость [Хазагеров, 2004, с. 99–103]. Это следует, прежде всего, из способности аргументации транслировать фрагмент картины мира от аргументатора к оппоненту. На данную особенность аргументации указывал А.Н. Баранов, описывая ее лингвистическую теорию. В частности, им было замечено, что онтологизация знания, которая является сущностью когнитивного механизма аргументации, подразумевает такое «использование языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка вводятся новые знания и модифи-

пируются уже имеющиеся» [Баранов, 1990, с. 3]. Правикова Л.В., присоединяясь к концепции А.Н. Баранова, понимает аргументацию как «комплекс операций, вводящих знания в модель мира адресата, что определяет построение адресатом концептуального образа описываемой ситуации и интегрирует этот образ в модель мира» [Правикова, 2004, с. 8]. Дискурсивные коды деятельности аргументатора и аудитории связаны с правилами организации картины мира субъектов аргументации и находятся в процессах взаимоуправления в ходе аргументирования.

Функция управления, выдвинутая в качестве функции, образующей аргументативный дискурс, задает особые отношения между данным дискурсом и порождаемым им текстом. Управление речевыми коммуникациями в аспекте аргументативной деятельности находит свое языковое выражение во многих коммуникативных сферах. Разные сферы коммуникативной деятельности (художественная, рекламная, политическая, деловая и пр.) выдвигают в силу своей специфики разные свойства аргументативного дискурса.

В контексте данного исследования онтологическими свойствами аргументативного дискурса признаются свойства сингулярности, синергетизма, конгруэнтности и динамизма. Мера проявления данных свойств аргументации напрямую связана с коммуникативной сферой. Речь идет о выдвигании и доминировании одного свойства аргументативного дискурса или их особой комбинации в зависимости от сферы применения аргументации. Выдвижение, актуализация одного из свойств не означает редукцию остальных. Все свойства аргументативного дискурса проявляют себя в коммуникативном процессе, но в зависимости от сферы аргументирования происходит процесс актуализации и связанное с ним доминирование одного свойства над другим.

Так, художественная коммуникация в большей степени связана со свойством сингулярности, которое в художественном тексте противопоставлено законченности, ограниченности текстового пространства. Речь идет не только о принципиальной невозможности прочесть все смыслы художественного текста, определить границы его осознания, но и о разном понимании субъектами аргументации аргументативных моделей одной и той же аргументативной ситуации, положенной в основу текста. Сингулярный «парадокс» аргументативного дискурса связан с тем, что субъекты аргументации (будь это взаимодействие героев художественного произведения в рамках аргументативной ситуации, воспроизведенной в тексте, или аргументативное взаимодействие автора и читателя), находясь в рамках одной и той же аргументативной

модели, могут совершенно по-разному интерпретировать и проблемную ситуацию, и аргументативные стратегии – свою и чужую. Данный парадокс порождает самую, пожалуй, главную проблему любого аргументативного процесса, а именно – успешности аргументации, ее результативности. Так как субъекты аргументации (как следствие проявления принципа сингулярности) считают аргументативную ситуацию, исходя из собственной картины мира, из собственного видения, то и сигналы успешности/неуспешности, содержащиеся в аргументативном дискурсе, они интерпретируют в зависимости от того, соотносятся ли данные сигналы с тем видением аргументативной ситуации, которая есть у каждого из них. Результативность аргументативного процесса зависит от того, насколько каждый субъект аргументации готов увидеть сигналы другого субъекта, принять их и, в конечном счете, скорректировать свою картину мира в зависимости данных сигналов.

В данной статье текст, во-первых, понимается как результат воспроизведения аргументативного дискурса, во-вторых, признается базой моделирования нового аргументативного дискурса. Таким образом, текст признается точкой пересечения двух взаимонаправленных процессов – порождения и интерпретации. Текст может быть вторичным по отношению к аргументативному дискурсу, порождаться им и в своей аргументативной структуре воспроизводить структуру исходного дискурса. Подобным образом текст может и порождать, моделировать новый виртуальный дискурс, вторичный по отношению к самому тексту. Основой такого рода моделирования могут служить содержащиеся в тексте аргументативные сигналы, интерпретируя которые, читатель конструирует в своей картине мира новый дискурс.

Одним из способов моделирования аргументативного дискурса в художественном тексте является развертывание. Данный способ воспроизведения имеет более сложную, нежели это было при свертывании, модель воспроизведения. Цепочка воспроизведения имеет в своем составе три звена: первичный (исходный) дискурс, текст и вторичный дискурс.

Вторичный дискурс представляет собой результат моделирования слушающим новой вторичной аргументативной ситуации и аргументативного дискурса на основе сигналов воспроизведения, содержащихся в тексте, но не имеющих отношения к первичному дискурсу. Исходя из имеющейся аргументативной ситуации слушающий конструирует новую ситуацию, которой нет в действительности. Эта новая ситуация конструируется на основе имеющихся сигналов воспроизведе-

дения, содержащихся в первичной аргументативной ситуации, поэтому виртуальная ситуация вполне узнаваема, слушающий легко включает ее в свою картину мира, она вполне правдоподобна. Развертывание как процесс моделирования связан с выстраиванием в тексте нескольких моделей воспроизведения: текст, с одной стороны, описывает аргументативную ситуацию, отражающую реальный аргументативный дискурс, с другой стороны, исходя из имеющихся в нем сигналов вторичного воспроизведения, – моделирует вторичный виртуальный дискурс, но при этом аргументативная ситуация не описывается. Моделирование вторичной аргументативной ситуации происходит при столкновении текста с сознанием читателя, причем, как нам кажется, вторичные аргументативные ситуации моделируются у разных читателей по-разному, исходя из их картин мира.

Покажем функционирование развертывания как способа воспроизведения аргументативного дискурса в тексте на примере аргументативного дискурса, реализованного в повести В. Шукшина «А поутру они проснулись». В данном отрывке описывается разговор социолога с одним из клиентов вытрезвителя – Нервным, социолог пытается выяснить причины, по которым Нервный оказался в вытрезвителе:

Продолжим, – сказал социолог. И посмотрел на нервного. – Вы?.

– А? – очнулся тот. – Так а чего продолжать-то?.. Тоже сплошное недоразумение. Провожал, знаете, друга... У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись, а у него на производстве со спиртом связано. Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар! Я уж говорю: «Коля, тормози, я не выдюжу», он только рукой машет. Ну, пришла пора ему ехать... И тут-то мы и наскочили с ним на мину. Такое вышло недоразумение, такое недоразумение!.. Но и люди тоже, знаете... Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы. Главное, мы же... это... по-хорошему! Я уж мысленно допрашиваю себя: «Соколов, может, что не так было?» Нет, все проверил, все изучил до последнего слова – все было на высшем уровне.

ИСТОРИЯ НА ПЕРРОНЕ, РАССКАЗАННАЯ СОКОЛОВЫМ.

Соколов и его друг Коля, хихикая и отпуская невинные шуточки, прошли с чемоданом в вагон поезда дальнего следования. Прошли в вагон, отыскали свое купе и, продолжая культурно хихикать, постучали в дверь. Им ответили из купе, что – «да, можно». Вошли они в купе, а там как раз четверо – все места заняты.

– Здравствуйте! – сказали Коля и Соколов. – А вы что, тоже все едете?

– Да, едем, – ответили им.

– Как это «едете»? – удивился сибиряк Коля. – А как же я? Что это еще за шутки!

– Тихо, тихо, Коля, – сказал Соколов, – только тихо. Сейчас все выясним, все проверим... Тут кто-то третий лишний. Попрошу билеты!

Четыре пассажира показали свои билеты – все правильно: они совершенно законно сидели на своих местах, они едут домой.

– Мне эти штучки сильно не нравятся! – воскликнул сибиряк Коля. – А как же я?

– Ну-ка, а ваш билет? – спросили его.

Коля показал свой билет... Один дотошный надел очки и долго крутил билет перед носом... Потом посмотрел его на просвет и сказал:

– Вы едете вчера, уважаемый, – и вернул билет.

Тут сибиряк Коля заволновался и стал показывать, что он в полном отчаянии и что необходимо срочно кого-то одного выкинуть из купе, ибо ему срочно надо ехать. Однако вежливый и корректный Соколов решил, что надо не так.

– Тихо, тихо, тихо, – сказал он, – сейчас мы установим, кто не едет.

Не надо шума... Кому не так срочно? – спросил Соколов четверых. Четверо заволновались и стали показывать, что им тоже надо срочно.

– Тихо, тихо, тихо, – сказал им Соколов, – вы что, намекаете, что Николай Иванович пойдет пешком? Вы ошибаетесь. Предлагаю жребий...

Эти четверо как все равно взбесились.

– Какой жребий?! – стали они кричать.

– Это нахальство!..

Кто-то даже крикнул:

– Позовите кондуктора!

Тут Коля-сибиряк вконец осердился.

– Закрывай дверь! – закричал он. – Они у меня под лавкой поедут, зайцами!

Но терпеливый Соколов не терял надежды решить все миром.

– Тихо, тихо, тихо, – опять воззвал он, – не надо шума. Вот вы, – обратился он к дотошному, который проверял у Коли билет, – вы сунулись к чемодану... Почему?

Потому что, я смотрю, какие-то бандиты пришли... – заговорил было дотошный.

– Стоп! – осадил его Соколов. – Можете брать свой чемодан и выходить, нечего с бандитами в одном купе ездить. Верно, товарищи?

Николай Иванович его поддержал и даже изъявил желание помочь вынести чемодан.

– Где его чемодан? Где твой чемодан?.. Который? Этот? Принимай, а то он на голову кому-нибудь упадет. Это называется едет человек в командировку – целую квартиру с собой везет. Что там у тебя?

Дотошный вцепился в свой чемодан, как в мелкую собственность... И всех рассмешил. Он закричал громко:

– Грабят!

Николай Иванович так смеялся, что нечаянно сел женщине на колени; тогда мужичина, ее муж, нажал какую-то кнопку возле двери... А Николай

Иваныч посидел маленько, потом встал и выкинул чемодан этого дотошного в окно.

– Кому он нужен, ваш чемодан! – сказал он. – И не вводите людей в заблуждение, что вас, дескать, грабят.

Тут прибежали кондуктор с милиционером...

– Вот и вся история, – закончил нервный. – Такое вот... недоразумение. И что вот?.. Что теперь? – нервный сорвался с койки и стремительно стал ходить по комнате, простыня разлеталась на нем в стороны, видны были его чрезвычайно худые ноги. – Что вот теперь?

– А где тот? – спросил электрик. – Сибиряк-то.

– А не знаю! Его куда-то в другое место повезли. Он, конечно, вообще-то неправильно сделал: взял выкинул этого гражданина тоже... с чемоданом вместе.

– В окно?

– Ну да, на перрон. А тот, по-моему, иностранец.

– О-о!.. – сказал сухонький. – Ничего себе!

– Худо дело, – сказал и электрик.

– Хорошо еще, там как раз почту везли, мешки... на этих... на тележках-то...

– На электрокаре.

– Он на них упал, а то бы...

– Только одно может спасти, – сказал сухонький.

– Что? – нервный сбавил свой стремительный шаг. – Что именно?

– Если... – сухонький опасливо глянул на социолога и вскочил тоже с койки. – Иди сюда, – позвал он нервного. И пошел в угол. – Иди сюда.

– Ну?

– Только одно может спасти, – быстро и негромко заговорил сухонький, – если этот, с чемоданом, окажется какой-нибудь шпион. Понял? Если бы его разоблачили...

– Ну, жди, когда его там разоблачат! – тоже негромко воскликнул нервный. – Пока его...

– Слушай сюда! – зашипел сухонький. – Послушай сперва, потом паникуй. Вы – так: мол, этот человек оказался нам подозрительным – разглядывает, мол, все, всем интересуется... Чемодан у него какой-то... Говорил же твой друг: «Что это у тебя там?». У него фотоаппарата не было?

– Что же теперь, показался человек подозрительным – давай его из окна выкидывать?

– Ну, сидите тогда, – обиделся сухонький. И пошел на свое место. – Им хочешь, как лучше, а они... Сидите! Охота сидеть – сидите.

Данный фрагмент репрезентирует ситуацию проводов Соколовым (Нервный) своего друга сибиряка Коли. Представленная ситуация воспроизводит три аргументативных дискурса: встречу с другом, дискурс культурности (культуры) и дискурс существования

внутренних и внешних врагов государства. Каждый из дискурсов имеет свои сигналы воспроизведения. Дискурс проводов друга связан с выстраиванием Нервным кода аргументирования и решает следующую коммуникативную задачу: имеет ли право Нервный провести время со своим другом-сибиряком так, как считает необходимым. Сигналы воспроизведения связаны, в первую очередь, с отстаиванием такого рода права: *«У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись», «потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать»*. Аргументативный код выстраивается, оправдывая асоциальность поведения друзей: редкие встречи и большие расстояния позволяют людям во время встречи забыть о нормах поведения и «пускать фервеки». События такого рода нарушают привычную повседневность жизни, воспринимаются в качестве исключительной ситуации, праздника, на котором позволено все.

Дискурс культурности связан с воспроизведением двух культурных парадигм: парадигмы культуры Соколова и Коли и парадигмы культуры всех остальных. К «остальным» Соколов причисляет пассажиров поезда, кондуктора, милиционера. В контексте парадигмы культуры меняются имена главных героев и описание способа их действий: Коля называется Николаем Ивановичем, действия его и Соколова характеризуются через знаки культурности (*«отпуская невинные шуточки», «продолжая культурно хихикать», «постучали в дверь», «вежливый и корректный Соколов», «терпеливый Соколов»*). Саму ситуацию Соколов характеризует как коммуникативную ошибку, которая произошла по вине субъектов-носителей другой культуры: *«Так а чего продолжать-то?.. Тоже сплошное недоразумение. Провожал, знаете, друга... У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись, а у него на производстве со спиртом связано. Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар! Я уж говорю: «Коля, тормози, я не выдюжу», он только рукой машет. Ну, пришла пора ему ехать... И тут-то мы и наскочили с ним на мину. Такое вышло недоразумение, такое недоразумение!.. Но и люди тоже, знаете... Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы. Главное, мы же... это... по-хорошему! Я уж мысленно допрашиваю себя: “Соколов, может, что не так было?”» Нет, все проверил, все изучил до последнего слова – все было на высшем уровне.*

Собственную культуру Соколов признает базовой для общества, все несовпадения с его культурной парадигмой им оцениваются как нарушение нормы, что требует коррекции (*«Но и люди тоже, знаете...*

Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы»). В данном аргументативном дискурсе происходит подмена подлинной культуры псевдокультурой Соколова; знак подмены связан с попыткой последнего проанализировать ситуацию коммуникативной неудачи, произвести акт рефлексии («Я уж мысленно допрашиваю себя: “Соколов, может, что не так было?” Нет, все проверил, все изучил до последнего слова – все было на высшем уровне»).

Дискурс существования внутренних и внешних врагов государства связан с воспроизведением сигналов враждебности, инакости. Внешние враги – это шпионы, которые проникли на территорию страны, чтобы выведать государственные тайны («только одно может спасти, – быстро и негромко заговорил сухонький, – если этот, с чемоданом, окажется какой-нибудь шпион. Понял? Если бы его разоблачили», «Слушай сюда! – зашипел сухонький. – Послушай сперва, потом паникуй. Вы – так: мол, этот человек показался нам подозрительным – разглядывает, мол, все, всем интересуется... Чемодан у него какой-то... Говорил же твой друг: “Что это у тебя там?”. У него фотоаппарата не было?»). Внутренние враги – это те люди, которые, по мнению Соколова, являются носителями другой, нежели у него, культуры («Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы», «Тихо, тихо, тихо, – опять воззвал он, – не надо шума. Вот вы, – обратился он к дотошному, который проверял у Коли билет, – вы сунулись к чемодану... Почему? – Потому что, я смотрю, какие-то бандиты пришли... – заговорил было дотошный. – Стоп! – осадил его Соколов. – Можете брать свой чемодан и выходить, нечего с бандитами в одном купе ездить. Верно, товарищи?»). Инаковость оценивается Соколовым как знак враждебности, неприятия существующего государственного строя, в котором все поступки людей должны быть предсказуемыми, все должно быть как у всех, человек не имел права выделяться:

«Стоп! – осадил его Соколов. – Можете брать свой чемодан и выходить, нечего с бандитами в одном купе ездить. Верно, товарищи?»

Николай Иванович его поддержал и даже изъявил желание помочь вынести чемодан.

– Где его чемодан? Где твой чемодан?.. Который? Этот? Принимай, а то он на голову кому-нибудь упадет. Это называется едет человек в командировку – целую квартиру с собой везет. Что там у тебя ?

Дотошный вцепился в свой чемодан, как в мелкую собственность...

Текст воспроизводит знаки враждебности и формирует новый виртуальный дискурс, коммуникативной основой существования

которого становятся репрессии по отношению ко всем, кто думает не так, как носитель традиционной культуры. Репрессивный дискурс по отношению к описываемой аргументативной ситуации является вторичным виртуальным образованием, но его существование для субъектов коммуникации вполне реально, знаки реальности формируются репликами героев: *«просто поголовный опрос устроить»*, *«– А где тот? – спросил электрик. – Сибиряк-то. – А не знаю! Его куда-то в другое место повезли.»*, *«что же теперь, показался человек подозрительным – давай его из окна выкидывать?»*, *«сидите! Охота сидеть – сидите»*. Репрессивный дискурс одинаково негативно воспринимается носителями как традиционной, так и псевдокультуры. Но при этом его виртуальное существование вполне реально, субъекты коммуникации легко допускают развертывание дискурса репрессий в действительности, внутренне готовы к этому и даже моделируют развитие репрессивного дискурса, если аргументативная ситуация позволит такого рода развертывание. Герои даже сами предлагают пути развертывания репрессивного дискурса, готовы принять участие в его функционировании:

– Только одно может спасти, – быстро и негромко заговорил сухонький, – если этот, с чемоданом, окажется какой-нибудь шпион. Понял? Если бы его разоблачили...

– Ну, жди, когда его там разоблачат! – тоже негромко воскликнул нервный. – Пока его...

– Слушай сюда! – зашипел сухонький. – Послушай сперва, потом паникуй. Вы – так: мол, этот человек показался нам подозрительным – разглядывает, мол, все, всем интересуется... Чемодан у него какой-то... Говорил же твой друг: “Что это у тебя там?”. У него фотоаппарата не было?

Репрессивный дискурс развертывается на основе одной детали: есть ли фотоаппарат. Наличие фотоаппарата в рамках репрессивного дискурса можно толковать как знак инаковости и враждебности. Но так как репрессивный дискурс участниками аргументативной ситуации воспринимается в качестве виртуального образования, герои сами же исключают возможность его развертывания в реальности.

Данный анализ показал действие процесса развертывания как способа моделирования аргументативного дискурса. Развертывание связано с моделированием виртуального дискурса на базе первичных аргументативных дискурсов, текст становится носителем сигналов воспроизведения для вторичного моделирования.

Литература

- Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
- Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика»: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск, 2004.
- Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М., 2009.
- Хазагеров Г.Г. Риторика. Ростов н/Д., 2004.
- Яковлева Е.А. Риторика как теория мыслеречевой деятельности (в применении к анализу художественных текстов, урботекстов и актуальных номинаций): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ-ГУМАНИТАРИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: интертекстуальность, дискурс, фрейм, концепт, концептуальная картина мира.

Keywords: intertextuality, discourse, frame, concept, conceptual world view.

Проблематика современных исследований, посвященных языковой личности ученого, во многом определяется тезисом А. Ф. Лосева о том, что всякий ученый является представителем определенной эпохи, разделяющим ее идеалы, стереотипы и предрассудки. Его познавательный интерес тесно переплетен с массой других интересов и побуждений, «уживаясь в сознании со здравым смыслом и повседневным опытом, из которого он черпает исходные интуиции научного познания» [Лосев, 2001, с. 43]. Таким образом, можно говорить о параллельном сосуществовании в сознании двух личностей, являющихся носителями различных картин мира: научной, аккумулирующей результаты научного познания, и практической, формирующейся в результате повседневного взаимодействия с окружающей реальностью. В современной философии данный феномен осмысливается в терминах расщепленного или «фрагментарного» сознания [Деррида, 2000], формой существования которого является диалог между двумя личностями, которые зачастую обозначаются как «Я» и «Другой».

Данная интерпретация феномена сознания выдвигает на первый план такую характерную черту познающего субъекта, как его гетерогенность, выражающуюся в его неспособности к устойчивой и однозначной идентификации [Кристева, 1997]. Процесс познания предстает как конструирование некой общей картины мира посредством синтеза имеющихся в распоряжении субъекта познания частных картин мира (научная, практическая, религиозная, мифологическая и т.п.). Делез Ж. описывает данный процесс как создание «внутри мира множества полостей, которые содержат множество возможных миров» [Делез, 1998, с. 406–407], что предполагает множественность вариантов интерпретации и осмысления объектов познания.

Как следствие, особую актуальность приобретают исследования, ориентированные на максимально полное описание языковой личности ученого с характерным для нее широким спектром когнитивных и прагматических интенций. Объектом исследования, в первую очередь, являются стилистически маркированные языковые единицы, вплетенные в ткань научного текста с целью сделать его более ярким и продуктивным. Например, в работе И. А. Федорченко [Федорченко, 2002], посвященной языковой личности академика В. В. Виноградова, в качестве объекта исследования выступают эмотивно окрашенные метафорические и метатекстовые компоненты научных текстов, эксплицирующие личностные смыслы автора и позволяющие выявить особо значимые константы и ценностные ориентиры языковой личности ученого-филолога. Иными словами, речь идет о тех образных языковых средствах, с помощью которых авторское Я (носитель научной картины мира) ведет диалог с Другими (представляющими иные картины мира).

Используемый в подобных исследованиях материал (представленный научными и научно-популярными текстами) позволяет реконструировать речевой портрет исследователя с его интересами, установками, социальными и психологическими предпочтениями. Однако данный материал представляется недостаточным для решения более общих задач, под которыми мы понимаем, в первую очередь, переход от описания фрагментов лингво-когнитивного пространства языковой личности конкретного исследователя к реконструированию характерных особенностей языковой личности ученого, принадлежащего определенному культурно-историческому периоду.

Необходимость расширения корпуса исследовательского материала обусловлена тем, что рамки научного текста ограничивают проявления языковой личности в силу таких присущих данному типу тек-

ста особенностей, как, например, стремление к унификации используемых языковых средств. Как следствие, далеко не все грани языковой личности исследователя могут найти свое отражение в научных текстах.

Обращение именно к художественным текстам связано с множественностью потенциально возможных прочтений данных текстов. Если любой другой текст (научный, юридический и т.п.), а в равной степени и его автор, не могут находиться вне господствующей над ними дискурсной формации [Пеше, 1999, с. 277], то художественный текст, открыто постулирующий фиктивность, условность своего субъекта, может быть прочитан и интерпретирован вне своей дискурсной формации [Саморукова, 2001]. Данная особенность интерпретации художественных текстов может открыть доступ к таким аспектам языковой личности исследователя, которые не находят своего отражения в других видах текстов.

Решение поставленной выше задачи требует обращения к корпусу художественных текстов, в которых язык науки взаимодействует с другими языками, функционирующими как иерархически самоорганизующаяся система в пространстве текста [Лотман, 1998, с. 427]. С точки зрения структурной организации данные художественные тексты представляют собой множество субтекстов, построенных по законам различных дискурсивных формаций и отражающих в своем взаимодействии многогранность языковой личности исследователя, являющегося героем художественного произведения.

Примером такого текста является роман канадской писательницы Маргарет Этвуд «Robber Bride», повествование в котором ведется от лица ученого-историка. Внутренний монолог героини, представленный в приведенном ниже фрагменте, является своеобразной реакцией на речевые акты угрозы из ее любимого криминального сериала и попыткой продолжить их смысловой ряд.

Such men always have something appropriate to say before throwing a knife or breaking the neck. Is there an urge to warn, to intimidate the foe, to boost oneself into action? Dieu et mon droit. Noli me impune lacessit. Dulce et decorum est pro patria mori. Don't mess with me. Challenges, battle cries, epitaphs. Bumper stickers [Atwood, 1994, с. 44].

Вышеприведенная последовательность английских и латинских субтекстов (девиз королевского дома Британии «Бог и мое право», девиз королевского дома Шотландии «Никто не тронет меня безнаказанно», строки из Горация «Сладка и прекрасна за Родину смерть», надпись на наклейке для бампера), принадлежащих разным эпохам и культурам, представляет собой языковую и дискурсивную аномалию, тре-

бующую введения нового способа интерпретации. Метафорически данный способ описывается как «взрыв линейности», блокирующий развитие текста и подталкивающий его интерпретатора к интертекстуальному чтению [Ямпольский, 1993, с. 61]. Читатель вынужден перенести процесс семантического преобразования текста в область индивидуального смысла, или концептов, выраженных в форме претекстов, так как оказывается не в состоянии интерпретировать смысл текста на уровне метафорических и метонимических переносов, орфографических и согласовательных правил, словообразовательных моделей и т.п.

Обращение к предтекстам позволяет реконструировать фрагмент картины мира героини, представленный концептами ВЛАСТЬ, ВЫЗОВ, ВОЗМЕЗДИЕ и СМЕРТЬ, взаимодействующими в ее ментальном пространстве. Примечательно, что в качестве средств языковой объективации концептов выступают не отдельные лексические единицы (имена концептов), а текст, построенный на базе цитат и реминисценций, или интертекстов. При этом интертекстуальность данного фрагмента предстает как способ построения собственного текста и постулирования собственного Я через сложную систему отношений, оппозиций, идентификаций с текстами других авторов (других «Я») [Фатеева, 2007, с. 20].

Приведенный фрагмент иллюстрирует две особенности языковой картины мира исследователя (в данном случае ученого-историка) по сравнению с картиной мира любого другого носителя языка. Во-первых, мы можем наблюдать более объемный корпус языковых средств объективации концептов. При этом речь идет не о научных понятиях (что представлялось бы совершенно естественным), а о концептах, присутствующих в картине мира любого индивида. Во-вторых, концепты, составляющие в своей совокупности картину мира исследователя, отличаются как более сложной структурой и содержательным наполнением, так и более разветвленной системой ассоциативных связей с другими концептами.

Можно сделать вывод, что профессиональные знания и опыт исследователя оказывают заметное влияние на различные аспекты его языковой практики, что иногда приводит к парадоксальным результатам. Так, персонаж М. Этвуд зачастую пишет и произносит слова и предложения в обратном порядке, руководствуясь в своей речевой практике теми же принципами, что используются в историческом исследовании, реконструирующем события от момента речи до некоторой точки в прошлом:

All history is written backwards, writes Tony, writing backwards. We choose a significant event and examine its causes and its consequences, but who decides whether the event is significant? We do, and we are here; and it and its participants are there. They are long gone; at the same time, they are in our hands. Like Roman gladiators, they are under our thumbs.

Yet history is not a palindrome, thinks Tony. We can't really run it backwards and end up at a clean start. Too many of the pieces have gone missing; also we know too much, we know the outcome. Historians are the quintessential voyeurs, noses pressed to Time's glass window. They can never actually be there on the battlefield, they can never join in those moments of supreme exaltation, or of the supreme grief either [Atwood, 1994, с. 129].

Способ видения мира ученого-историка, заключающийся в движении мысли от настоящего к прошлому, вступает в конфликт с более привычным способом движения мысли от настоящего (прошедшего) к будущему, характерному для практической картины мира. Если первый фрагмент открывает доступ к некоторым структурным и содержательным особенностям концептов, составляющих в своей совокупности картину мира исследователя-гуманитария, то в данном фрагменте находят свою объективацию более абстрактные когнитивные структуры. Речь идет о фреймах, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт.

Фреймы, составляющие основу познавательной деятельности исследователя-гуманитария, характеризуются рядом особенностей, которые зачастую находят свое отражение в текстах художественных произведений. Например, в романе английского писателя Дэвида Лоджа «Nice Work» особенности мировосприятия ученого-филолога являются центральной темой диалога, который рассказчик ведет с героиней:

Every text is a product of intertextuality, a tissue of allusions to and citations of other texts; and, in the famous words of Jacques Derrida (famous to people like Robyn, anyway), «il n'y a pas de hors-texte», there is nothing outside the text. There are no origins, there is only production, and we produce our «selves» in language. Not «you are what to eat» but «you are what you speak» or, rather «you are what speaks you», is the axiomatic basis of Robyn's philosophy, which she would call, if required to give it a name, «semiotic materialism». It might seem a bit bleak, a bit inhuman («antihumanist, yes; inhuman, no», she would interject), somewhat deterministic («not at all; the truly determined subject is he who is not aware of the discursive formations that determine him. Or her», she would add scrupulously, being among other things a feminist) [Lodge, 1998, с. 40].

Повествование рассказчика неоднократно прерывается речью героини, уточняющей его формулировки или опровергающей его утверждения, касающиеся ее личности. При этом речь героини содержит заведомо преувеличенное число цитат, терминов, прецедентных имен и

т.п., отсылающих к корпусу текстов, являющихся значимым для современного лингвиста. В итоге у читателя создается впечатление, что языковая личность данного персонажа действительно может быть представлена как некоторый набор научных текстов, фрагменты из которых составляют большую часть речевых высказываний персонажа.

Если в первом примере интертекстуальность предстает как средство утверждения своего собственного творческого Я среди Других и по отношению к Другим, то в данном фрагменте она доводится до абсурда и приводит к обратному эффекту. Авторское Я исследователя-гуманитария подвергается практически полному растворению в семиотическом пространстве «чужих» слов, образов и текстов. Данное впечатление усиливается прямым указанием рассказчика на то, что описываемый персонаж решительно отказывается принимать традиционную концепцию персонажа, как самостоятельной личности:

We travel back an hour or two in time, a few miles in space, to meet a very different character. A character who, rather awkwardly for me, doesn't herself believe in the concept of character. That is Robyn Penrose, Temporary Lecturer in English Literature at the University of Rummidge, holds that «character» is a bourgeois myth, an illusion created to reinforce the ideology of capitalism.

According to Robyn (or, more precisely, according to the writers who have influenced her thinking on these matters), there is no such thing as the «self» on which capitalism and the classic novel are founded – that is to say, a finite, unique soul or essence that constitutes a person's identity; there is only a subject position in an infinite web of discourses – the discourses of power, sex, family, science, religion, poetry, etc. [Lodge, 1998, с. 39–40].

Как видно из вышеприведенного фрагмента, персонаж идентифицирует себя как субъекта в бесконечной паутине дискурса, объявляя концепцию независимого «Я» буржуазным мифом. Очевидно, что в данном случае происходит заимствование не столько отдельных элементов концептуальной картины мира, сколько образа мысли и, соответственно, способов построения суждений. Заимствованная структура представляет собой семантический комплекс неоднородной структуры, непосредственно коррелирующий как с вербальной, так и невербальной памятью индивида. В работах, посвященных феномену интертекстуальности, для обозначения подобного семантического комплекса используется термин «метатекстовый троп» (метатроп), введенный Н. А. Фатеевой. Метатропы представляют собой стоящие за конкретными языковыми образованиями (на всех уровнях текста) глубинные функциональные зависимости, структурирующие модель мира определенного индивида [Фатеева, 2007, с. 54].

Очевидно, что именно эти единицы представляют особый интерес для исследований, ориентированных на реконструирование фрагментов языковой картины мира исследователя-гуманитария, так как мета-текстовые тропы образуют в своей совокупности ту область ментального пространства, в которой пересечение различных видов памяти создает особый вид «креативной» памяти, обеспечивающей генерацию новых смыслов.

Литература

- Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Логика смысла. Екатеринбург, 1998.
- Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000.
- Кристева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому. Минск, 1997.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. М., 1999..
- Саморукова И.В. О понятии «дискурс» в теории художественного высказывания. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.samsu.ru/gum/200103.html>.
- Фатеева Н.А. Интертекст в мире текста. М., 2007.
- Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
- Ямпольский М.В. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993.
- Atwood Margaret. The Robber Bride. London, 1994.
- Lodge David. Nice Work. London, 1988.

АННОТАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЛАДЕНИЯ ЖАНРОМ

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: жанр, текст, аннотация, ошибки.

Keywords: genre, text, abstract, mistakes.

Важной составляющей общей и речевой культуры современного человека является функциональная, или коммуникативная, грамотность, предполагающая в том числе умение пользоваться профессионально определенным кругом речевых жанров. Мы рассмотрели степень владения носителей языка, связанных со сферой образования и

науки, жанром аннотации и в целом проблемы функционирования данного жанра в научной речи, выделили возникающие ошибки. Анализ ошибок, по мнению Л.Б. Парубченко, всегда имеет важное прикладное значение прежде всего для определения методики обучения [Парубченко, 2003], поэтому полученные результаты могут быть использованы в ходе формирования у студентов соответствующих умений.

Нужно заметить, что в современных исследованиях название *аннотация* используется по отношению к текстам совершенно разных жанров. Так, например, выделяют аннотации общие, характеризующие весь документ, и специализированные, в которых находят отражение только определенные аспекты содержания документа; аннотации описательные, или справочные, дающие общее представление о тексте, и рекомендательные, характеризующие документ с определенной точки зрения. Кроме того, выделяют и так называемые реферативные аннотации, раскрывающие несколько аспектов исходного текста с различной глубиной свертывания. Более того, разные аннотации по-разному реализуют признак вторичности.

Уже из приведенного определения термина видно, что аннотация, во-первых, может быть самостоятельным текстом, связанным с первоисточником интертекстуально. Это наблюдается в тех случаях, когда в ней содержатся сведения об авторе, критическая оценка исходного текста (тем более, если эта оценка почерпнута из других документов), а также информация об изменениях заглавия или авторского коллектива документа, о предыдущих изданиях и т.п. Аннотация может выступать как производный текст в том случае, если составляется на часть документа или сразу на несколько документов, тогда она будет иметь даже собственное заглавие, отличное от заглавия первоисточника.

Нас интересует прежде всего формообразование текста в процессе его восприятия и понимания, поэтому мы рассматриваем в качестве аннотаций лишь **специализированные информативные (не оценочные) тексты, содержащие предельно сжатую характеристику материала, соответствующие только одному исходному и совпадающие с ним с точки зрения позиции автора.** Структура такой аннотации, в силу объема вторичного текста, реализуется как набор ключевых слов и семантико-синтаксических отношений между ними, воспроизводя в сжатом виде лексико-деривационную структуру исходного текста (подробнее о структуре см.: [Трубникова, 2011]).

Проблема владения жанром рассматривалась прежде всего на экспериментальном материале. Для аннотирования нами был взят

текст ***О соотношении понятий «образ» и «имидж»¹***, обладающий четко выраженной структурой с максимально проясненными внутренними семантико-синтаксическими связями и отношениями:

О соотношении понятий «образ» и «имидж»

Категория «имидж» является фундаментальным понятием целой системы наук. Она отражает наиболее существенные связи и отношения в общей концентрированной форме, позволяет раскрыть логику науки и строй других ее понятий. Однако сам термин «имидж» нуждается в более детальном теоретическом обосновании. Анализ показал, что теоретическое обобщение категории «имидж» отстало от практики его применения. Содержание понятия «имидж», если его использовать в рамках научного подхода, а не обыденного сознания, требует логически связанного и системного определения. Без такого определения бессмысленно говорить с научной точки зрения и об оценке, и о формировании имиджа.

*В переводе с английского понятие *image* имеет следующие значения: образ, изображение, отражение, подобие, метафора; изображать, создавать образ; представлять себя, вызывать в воображении, отражать.*

*Как видим, основным при переводе английского слова *image* является понятие «образ» и его синонимы. Именно через образ большинство авторов определяют имидж. Однако, на наш взгляд, термины «образ» и «имидж» не могут рассматриваться как синонимы, так как между ними имеются существенные различия.*

Во-первых, «имидж» и «образ» – понятия, которые фигурируют в разных контекстах. По отношению к «образу» можно выделить такие его характеристики, как вторичность, пассивность и историчность. Понятие «имидж» прямо противоположно по смыслу и характеристикам. Образ вторичен, потому что изображает нечто, что является по отношению к нему первичным. Имидж, наоборот, очень часто первичен по отношению к своему объекту, более того, искомый объект может даже в реальности не существовать. Нередко объект подбирается или подгоняется под имидж. Имидж, в отличие от образа, активен, он призван не пассивно отражать, а целенаправленно воздействовать. Имидж всегда остается недосказанным и этим провоцирует воображение, что требует от него гибкости, подвижности, динамичности.

Понятия «имидж» и «образ» по своей семантике многозначны, но образ не замкнут на внешней стороне индивидуума, его поведении, знаках и символах, тогда как имидж тяготеет больше к внешнему облику человека, поэтому понятие «имидж» по сравнению с понятием «образ» выглядит более одно-сторонне.

¹ Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций : материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2005. – С.91

Образ аморфен и целостен. Он отражает какую-то определенную сторону объекта во всей полноте, со всеми деталями. Имидж же – полная противоположность, он предельно конкретен и практичен, при его конструировании отбирается только то, что нужно, все лишнее отбрасывается, конструкция имиджа только создает иллюзию целостности.

Образ имеет естественную природу, имидж же конструируется искусственно и целенаправленно с помощью целого комплекса специальных технологий.

Таким образом, имидж сегодня – это не просто образ, основанный на эмоциональном восприятии, это полноценный информационный продукт, работа над которым должна опираться на объективные закономерности и процессы, тем самым все больше приближаясь к науке и удаляясь от искусства.

Ключевые слова статьи **образ** и **имидж** формируют вертикальные лексико-деривационные ряды (далее – ЛДР) текста (*категория «имидж» – термин «имидж» – понятие «имидж» – имидж – image; понятие «образ» – образ – термин «образ»*). В первичном тексте между этими рядами устанавливаются логические связи и семантико-синтаксические отношения: отношения со- и противопоставления (*«имидж» и «образ» – понятия, которые фигурируют в разных контекстах; понятия «имидж» и «образ» по своей семантике многозначны; термины «образ» и «имидж» не могут рассматриваться как синонимы; имидж, в отличие от образа... и т.п.*). Названные отношения поддержаны формирующимися в тексте чаще двучленными семантическими рядами с противительными отношениями, каждый компонент которых соотносится в свою очередь с детерминантом образ или имидж (*вторичен – первичен; пассивен – активен; аморфен – конкретен; имеет естественную природу – конструируется искусственно и т.п.*). Кроме того, между этими рядами возникают и отношения обусловленности (*основным при переводе английского слова image является понятие «образ»; через образ большинство авторов определяют имидж*), сопровождающиеся, однако, отрицательным авторизационным модусом.

Текст (без заголовка) предъявлялся студентам нефилологических специальностей Алтайского госуниверситета как учебный материал на занятиях по культуре речи, таким образом, экспериментальный характер материала и работы в целом не подчеркивался. Студенты после соответствующей подготовки получали в качестве самостоятельной работы задание озаглавить текст и составить к нему краткую аннотацию. Подчеркнем, что данная работа для студентов не являлась принципиально новой, поскольку умение сформулировать основную про-

блему текста (что, по сути, и есть аннотация) предполагается сформированным еще в школе и проверяется на ЕГЭ.

Основная трудность при работе с текстом была, на наш взгляд, связана с неумением студентов сжать анализируемый текст, поэтому многие аннотации получились чересчур развернутыми. В целом неудовлетворительных работ было не много, около 10%, но они кажутся нам показательными. Во-первых, обнаружилось непонимание общего смысла текста, которое проявилось в том числе в изменении исходных семантико-синтаксических связей между компонентами структуры: *«Имидж. В данном тексте автор рассматривает понятие “имидж” как фундаментальное понятие целой системы наук. Автор пытается сравнить понятие “имидж” и английское слово image. В переводе с английского слово image имеет следующие значения: образ, изображение, отражение и т.д. Основным при переводе английского слова image является понятие “образ” и его синонимы»*.

Одна работа демонстрировала непонимание текста и не вполне соответствовала самому жанру аннотации, фиксируя субъективное отношение автора вторичного текста к предмету:

«Научное понятие и анализ имиджа. Имидж является целой системой наук. Это понятие имеет много значений, как то, что имидж – это внешнее состояние человека, так и то, что имидж – внутреннее состояние человека. Вообще в наше время существует ряд наук, которые занимаются изучением имиджа. Ведь, с моей точки зрения, в целом имидж – это то, что человек из себя представляет, его поведение, внешний вид, манеры, стиль общения и т.д. От всего этого зависит жизнь человека (работа, семья и т.д.)».

Во-вторых, обнаружилось неумение связно выражать мысли. Подобные «аннотации» чаще всего представляли из себя хаотичный набор предложений, в том числе оборванных, исходного текста:

«(Без заголовка) Понятие “имидж” требует логического связанного и системного определения. Без такого определения бессмысленно говорить с научной точки зрения и об оценке. Основным при переводе английского слова image является понятие “образ” и его синонимы. А понятия “имидж” и “образ” по своей семантике многозначны».

Более пристального внимания заслуживает работа, в которой содержание исходного текста все-таки было свернуто до фиксации основного предмета речи. Но сделано это было не корректно, так как в тексте аннотации использовались «готовые» выражения исходного текста, не соотнесенные друг с другом по смыслу, в результате чего вторичный текст получился внешне связным, но внутренне нелогичным. Кроме того, использование одного, хотя и основного, семантического компонента не дало возможности передать содержание исходного текста в полном объеме. В данном случае текст был понят адекватно

(это было выяснено позже в индивидуальной беседе со студентом), но сказалось собственно неумение выразить мысли и составить саму аннотацию. В-третьих, были работы, не вполне соответствовавшие самому жанру аннотации, фиксирующие субъективное отношение автора вторичного текста к предмету («по-моему, это правильно» и т.п.) или субъективные представления о предмете («по-моему, это то, что...»). Ошибки в работах третьей группы объясняются, конечно, неумением студентов составлять аннотации. Однако большая часть смысловых нарушений, выявленных нами, связана с несформированностью у них умения читать и понимать научные тексты.

Кроме материалов эксперимента мы анализировали и реально функционирующие аннотации, сопровождающие научные тексты по лингвистике и литературоведению, включенные в различные сборники статей. К сожалению, здесь также встретились серьезные проблемы, связанные с владением жанром. По сравнению со студенческими работами, мы не обнаружили ошибок второй группы, все-таки филологи связно выражать мысли умеют. А вот непонимание смысла первичного текста (причем собственного!) в нескольких аннотациях встретилось. Проявилось это вновь в изменении семантико-синтаксических отношений между ключевыми словами, а также в появлении в аннотациях слов, входящих в исходный текст, но не относящихся к ключевым, в результате чего структура аннотации не соответствует структуре анализируемого текста. В качестве примера несимметричности структур приведем следующую статью и ее аннотацию:

Изменение значения слова лобби в публицистическом дискурсе¹

Аннотация: Расширение значения слова лобби анализируется на материале газетных текстов. Появление лобби³ обусловлено русской политической культурой.

*Мысль о том, что лексикографическая практика не удовлетворяет потребностей современной коммуникации, высказывается достаточно часто. Словари, изданные с 2000 по 2005 г., вероятно, в силу использования традиционной методики, не фиксируют новые значения заимствованных слов, возникающие и постоянно воспроизводимые в газетном тексте. Показательным примером является судьба заимствованного из английского языка слова **лобби**, а также производного от него – **лоббировать**.*

¹ Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» / под ред. А.А.Чувакина. Барнаул, 2005.– С. 164.

Лобби фиксируется толковыми словарями иностранных слов с начала прошлого века. Но преподносится оно как этикетка «инокультурной» (не русской реальности). Английское **lobby 1** означает «крытый проход, галерея, кулуары», **lobby 2**, развившееся в результате метафорического переноса, – «частые посетители кулуаров (парламента/конгресса), группа лиц, “обрабатывающих” членов парламента/конгресса в пользу того или иного законопроекта». Толковые словари русского языка дают в основном три значения этого слова: 1) система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах, оказывающих в интересах этих монополий воздействие (вплоть до подкупа) на законодателей и государственных чиновников в пользу того или иного решения при принятии законов, размещении правительственных заказов и т.п.; 2) агенты этих контор и агентств (иначе – лоббисты); 3) группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику.

Третье значение развилось сравнительно недавно, не фиксируется справочными и толковыми словарями иностранных слов. Скорее, потому, что указанные словари отражают структуру внутривнутриполитических отношений США: ДЕНЬГИ (в лице крупных монополий) – лобби 1 ОРГАНИЗАЦИЯ-ИСПОЛНИТЕЛЬ (или посредник между деньгами и властью) – ПОЛИТИК ИЛИ ЧИНОВНИК (не лобби). В США в 1964 г. Был принят специальный закон о лоббизме как официальной форме государственной деятельности, закон о реформации конгресса 1964 г. включает статью о контроле за деятельностью лоббистов (регистрация и отчет об израсходованных средствах).

В современном Российском государстве не существует законодательно разрешенного института лобби. Тем не менее лобби 3 «ПОЛИТИК ИЛИ ЧИНОВНИК, отстаивающий интересы экономически сильных структур» – явление русской политической культуры (*После выборов лобби Минсвязи в Думе сильно укрепилось: в профильный подкомитет по связи попали в основном депутаты, представляющие это министерство*). В последнее время частотными становятся конструкции «лобби кого» (политик X – лобби олигарха У). Все чаще возникает значение «группа законодателей, отстаивающих интересы какой-либо социальной группы» (*На мужика по самокрутке. Таковы возможности крестьянского лобби. Ученое лобби намерено активно доказывать необходимость сохранения и развития науки*).

Слово лобби, используемое для характеристики фактов русской действительности, имеет константную отрицательную оценочность, так как означаемое им явление, с одной стороны, незаконно, а с другой – аморально (беспринципность, продажность, нерадение об “общинном деле”) (*Хождение бизнеса во власть. Чиновником, вышедшим из бизнеса, предстоит искушение лоббизмом*).

Анализ большого объема газетных текстов позволил выявить еще одно значение: лобби – человек, прикладывающий значительные усилия для реализации какой-либо социальной программы, идеи, и с данной программой ассоциирующийся (*Владимир Филиппов накует чемоданы. Означает ли уход главного лоббиста единого государственного экзамена и государственных*

именных финансовых обязательств постепенное свертывание экспериментов и последующий отказ от них?).

Ключевые слова данной статьи *лобби, словарь, значение* формируют основные вертикальные ЛДР текста (*слово лобби – лоббировать – лобби – lobby 1– lobby 2 – лоббисты – не лобби – лоббизм – институт лобби – лобби 3 – «лобби кого»; словари – толковые словари – словари иностранных слов – страноведческие словари – указанные словари; значение – новые значения – означает – значение – означаемое*). Кроме того, в тексте возникает ЛДР *газетный текст – газетный текст*, который в силу пространственного расположения его компонентов (в первом и последнем абзацах текста) нужно рассматривать как сквозной смыслоформирующий ряд.

В первичном тексте между названными рядами устанавливаются логические связи и семантико-синтаксические отношения: отношения включения между рядами с детерминантами *значение* и *лобби* (*значения этого слова; lobby 1 означает* и т.д.); отношения конкретизации между этим объединенным рядом и рядами с детерминантами *словарь* (*словари дают три значения этого слова*) и *текст* (*новые значения... возникающие в газетном тексте*); альтернативные отношения между рядами с детерминантами *словарь* и *текст*.

В аннотации статьи используются ключевые слова текста *значение* и *слово лобби*, отношения включения в исходном тексте сохраняются, так как в заголовке функционирует объектное словосочетание. Используется и компонент *газетный текст*, между ним и словосочетанием *значение слова* сохраняются заявленные отношения конкретизации. Ключевое слово *словарь* в заголовке не вошло, но присутствует пресуппозитивно благодаря жестким ассоциативным связям со словом *значение*. А вот второе предложение вводит дополнительный компонент *русская политическая культура*, который, хоть и есть в тексте статьи, не входит в состав ключевых слов. Между этим компонентом и компонентом *лобби3* возникает отношение обусловленности. Получается, что лексико-деривационная структура аннотации не соответствует структуре анализируемого текста, семантическое расстояние между ними превышает допустимое, т.е. аннотация как вторичный текст рассматриваться не может.

Кроме того, исследуемый материал содержит примеры несимметричности структур первичного и вторичных текстов, причиной которой является нецелостность исходного текста, создаваемая отсутствием жестких связей в его структуре. Большинство выявленных случаев

смыслового несовпадения текста и аннотации к нему связаны с неумелым построением прежде всего исходного текста, отсутствием у него смысловой цельности.

При анализе аннотаций обнаружилось и несоответствие некоторых из них жанру. Во-первых, это большой объем вторичных текстов как результат неумения сжать текст исходный. Во-вторых, введение оценочных компонентов (в отличие от студенческих работ, это чаще оценка не предмета исследования, а материала (*«Объект анализа в данной статье – рассказы В. М. Шукшина, которые являются прекрасным материалом на уроках развития речи, так как писатель использовал богатейший семантический потенциал русского языка»*); *«Предмет научных интересов данного доклада составляют публицистические тексты, которые являются злободневными, благодаря постоянным изменениям, происходящим в коммуникативной культуре общества»*). В-третьих, введение в аннотацию имен собственных и скрытых цитат, заведомо непонятных при невозможности ссылок (*«Н. Л. Шубина считает, что паузация представлена в речи в качестве одной из главных характеристик современной коммуникации»*).

Таким образом, наше исследование показывает, что сейчас уровень владения жанром аннотации является низким не только в среде обучаемых, но и у тех, для кого умение создавать научные тексты разных жанров должно быть профессиональным. В связи с этим проблеме аннотирования текста необходимо уделять серьезное внимание на занятиях со студентами различных специальностей, например, в рамках курса «Русский язык и культура речи».

Литература

Парубченко Л.Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв). Барнаул, 2003.

Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная структура текста // Филология и человек. 2011. № 1.

LA MORALE C'EST LA VÉRITÉ (ŠUKŠIN ET DOSTOJEVSKIJ)¹

K. Alaverdian

Ключевые слова: В.М.Шукшин, Ф.М.Достоевский, гуманизм, объективность, психологический анализ

Keywords: V.M. Shuksin, F.M. Dostoevsky, humanism, objectivity, psychological analysis

Mikhail Bakhtin, affirme que chaque époque possède son propre pôle d'attraction des valeurs qui focalise les voix et aspirations de la créativité idéologique. Le même axe des valeurs constitue l'ensemble des thèmes traités dans la création littéraire de l'époque concernée. Ces dominantes thématiques dictent leur propre choix des genres. Ainsi les premières années d'après-guerre marquèrent une tendance dans la littérature à présenter les destinées mouvantes des peuples, à placer les personnages dans la tourmente des moments critiques de l'histoire. L'histoire d'un homme était obligatoirement celle des larges masses de la société. Mais selon la critique Galina Belaja, cette vaste perspective ouverte sur la complexité des relations de l'homme et du monde environnant n'a pu trouver d'incarnation artistique adéquate en URSS. Alors même que les romans prenaient des dimensions «panoramiques», leur véritable teneur épique se trouvait écrasée par leur portée extérieure, laissant moins de place à la dimension intérieure des individus concrets et typiques. Les choses changent radicalement dès les années soixante qui apportent leur propre terrain idéologique et incitent les écrivains, aussi bien en URSS que dans le reste du monde, à se pencher sur un tout autre problème: celui de la valeur intrinsèque de la personne. Le monde intérieur de la personne, le caractère du héros deviennent le centre de préoccupation des auteurs. La sélection des situations vise à faire apparaître l'essence des personnages. L'écrivain Valentin Rasputin dira même que les écrivains estiment dorénavant que ce ne sont pas les problèmes qui définissent le choix des héros, mais que ce sont les héros eux-mêmes qui, placés dans une situation donnée, font avancer les problèmes qui leur sont propres, afin de mieux exprimer leur personnalité. Et si les héros ne disent pas eux-mêmes ce qui leur importe, les lecteurs n'entendront pas le message, les questions ne seront pas posées et tout cela n'aura comme résultat que de démontrer l'arbitraire des relations de l'auteur avec ses personnages. Cette affirmation, un peu trop catégorique, a le mérite de mettre en exergue le profond changement de

¹ Развернутое резюме на русском языке см. в примечаниях после статьи (с. 150). Составитель резюме к.ф.н. Т.Н. Василенко.

la position de l'auteur face à ses personnages, mais aussi de son attitude envers ses lecteurs. Car, le rôle de l'émetteur, abondamment paraphrasé, est bien mieux connu par les spécialistes de la littérature que celui du récepteur, à propos duquel la critique littéraire est beaucoup plus silencieuse. Cependant, de même que dans la communication linguistique «je» et «tu» sont entièrement présumés l'un par l'autre, il ne peut y avoir de récit sans une communication entre narrateur et lecteur. Or c'est dans les relations de ces derniers que les changements intervenus étaient les plus significatifs: le narrateur attribue un rôle plus actif à ses lecteurs, tient compte davantage de la capacité du lecteur de juger par soi-même, se fait moins «declarative». Nous insistons sur cette nouvelle confiance aux lecteurs, car elle nous apparaît comme l'une des raisons de la difficulté de la perception des personnages de Šukšin.

Depuis la parution du premier recueil des récits de Vasilij Šukšin en 1963, salué immédiatement par les lecteurs avertis et les critiques littéraires comme un événement marquant la naissance d'un écrivain original et talentueux, son œuvre fit l'objet de multiples études, articles et polémiques. Si nous y revenons aujourd'hui, c'est que malgré les années qui passent, Šukšin reste toujours un écrivain réputé «difficile». La difficulté de la perception de son système artistique réside tout d'abord dans la recherche en toutes circonstances de la Vérité (avec majuscule), à propos de laquelle l'auteur dira lui-même qu'il a beaucoup de mal à la saisir. On est frappé par la fréquence excessive des mots comme : «quelque chose», «comme si», «en quelque sorte», «là n'est pas la question» et par la multiplicité des signes d'interrogation parsemant l'œuvre littéraire et les interventions publiques de l'auteur. Ces questions et hésitations sont celles de ses personnages sur le sens de leur vie, elles sont aussi celles que les grands auteurs comme Tolstoj, Dostoevskij et Čekhov ont léguées aux générations d'écrivains soviétiques sous la forme des grandes questions philosophiques, éthiques et esthétiques (celles du Bien et du Mal, du sens de la beauté, de la culture, de l'instruction du peuple, de la mission de l'intelligentsia, etc.). Il est difficile de parler d'influence directe des auteurs classiques sur Šukšin – le style qui lui est propre est tout à fait original. Cela n'exclut pas une continuation certaine des meilleures traditions de la littérature russe classique, revues et repensées par l'auteur, faisant partie intégrante de son système artistique et placées dans le contexte de la réalité soviétique contemporaine.

Les signes du narrateur paraissent à première vue plus visibles et plus nombreux que les signes du lecteur (un récit dit plus souvent «je» que «tu») ; en réalité, les seconds sont tout simplement plus retors que les premiers, selon Roland Barthes. À cette définition du linguiste français, qui attribue une importance égale à ces deux composantes de la «grande fonction d'échange», nous

voulons ajouter leur interdépendance. Ainsi, la confiance que manifeste Šukšīn à ses lecteurs et spectateurs se répercute-t-elle sur son propre rôle de créateur par une exigence accrue de la qualité. La première condition pour y accéder, Šukšīn la voit dans la plus grande conformité de ce que l'auteur raconte à ce que lui-même et ses lecteurs connaissent de leur réalité quotidienne. Il s'élève contre la mythologie de la condition de l'écrivain et se place à égalité avec ses lecteurs. Admettant qu'une narration peut être moins accessible qu'un film, il désigne clairement sa position démocratique d'auteur : «Il y aura toujours quelqu'un qui aura un instant d'hésitation : 'et si je n'ai pas bien compris?' Il arrive parfois qu'il se trompe, en effet. Mais très souvent encore on a du mal à comprendre, selon moi, que l'écrivain (le narrateur) n'est autre que l'homme de la rue, celui-là-même qui ayant rencontré en chemin une connaissance s'empresse de lui raconter tel ou autre cas de sa vie. (Autre chose de savoir quel cas l'aura le plus marqué)» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 13]. Les réflexions de Šukšīn sur la qualité de son œuvre, exprimées notamment dans son article *Le récit, tel que je l'entends*, paru dans l'hédomadaire *Literaturnaja Rossija* du 20 novembre 1964, préfigurent les discussions des critiques littéraires à la recherche de la synthèse, et vont tout à fait dans le même sens.

Dans ses interventions publiques Šukšīn met en garde ses confrères : «apparemment il ne faut pas que l'écrivain-narrateur fasse abstraction de son expérience, de son vécu pour prendre une orientation 'purement' professionnelle. ... La technique de l'écriture ce n'est qu'une technique. Elle s'acquiert. Et si l'écrivain-narrateur n'en faisait pas d'emblée (ou n'essayait pas d'en faire) un but en soi, que l'essentiel pour lui demeurerait son vécu, ce qu'il a vu et retenu, de bon ou de mauvais, et que tout ceci s'accompagnait après d'une maîtrise des techniques, alors ce serait un écrivain unique, différent de tous les autres» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 14].

S'il fallait seulement deux mots pour résumer la vie créatrice de Šukšīn ce serait «recherche de la vérité». Ce choix est extrêmement difficile. C'est cette quête personnelle de la vérité avant toute chose qui fait dire à Šukšīn que son art ne lui apporte ni sérénité ni joie, que la joie dans la création relève de la paresse de l'esprit. Ce choix n'est pas facile, non plus, pour une autre raison : il exclut toute concession aussi bien au système esthétique et éthique de l'auteur, qu'aux goûts du public. Et s'il lui est arrivé d'y céder, il s'en est amèrement repenti. Tel fut le cas pour son film *Il est comme ça*, où Šukšīn avait l'intention de montrer la vie d'un jeune camionneur foncièrement bon, qui déborde de cette bonté et éprouve le besoin de la faire partager autour de lui. «L'idée du film, si elle n'est pas nouvelle, méritait d'être portée à l'écran – raconte Šukšīn, – qu'est ce qui m'a empêché de le faire, sans forcer le ton? Et bien, ce gars, il a fallu que

je lui colle 'un acte héroïque', que je lui fasse dévier et jeter dans le ravin un camion qui avait pris feu, de façon à éviter de justesse l'explosion du dépôt d'essence tout proche et sauver le bien public. L'habitude tenace a joué: à force de voir de tels 'actes' chez les autres auteurs, j'ai 'agi' de même» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 40]. Ce que regrette le plus Šukšin c'est d'avoir créé un personnage exceptionnel, l'éloignant de ceux qui dans la salle auraient pu reconnaître l'un des leurs, un simple camionneur. De cette confession nous tirons deux conclusions essentielles. À l'instar de Valentin Rasputin, Šukšin préfère que ses personnages disent leur propre vérité, se gardant de leur faire suivre le schéma, tracé par la volonté de l'auteur-démiurge. La seconde conclusion consiste à penser que l'image de quelqu'un qui n'a pour qualité que son amour du prochain est aussi valorisante pour Šukšin, que celle de n'importe quel héros exceptionnel. Si Šukšin définit son style comme «l'interversion des accents», l'interversion de la hiérarchie des personnages traditionnellement «positifs» et «negatives» en est la manifestation éclatante. Certes, quelquefois cela ne plaît pas au public, qui en fait grief à l'auteur. Šukšin reçoit lettre sur lettre des spectateurs en colère qui exigent que «le beau héros» soit rétabli dans ses droits légitimes. La verve et l'assurance de cette correspondance interloque son destinataire. Il est stupéfait de la naïveté méchante avec laquelle on exige que ses personnages ressemblent le moins possible à ceux qu'on pourrait rencontrer dans la vie de tous les jours, qu'il soient inventés de toutes pièces, afin de s'émouvoir devant les écrans de leurs téléviseurs et d'aller se coucher tout attendris.

Un cas similaire s'est produit avec le scénario de Šukšin *L'Obier rouge*, réadapté et publié dans la revue *Naš sovremennik* (1973, n°4) sous forme de roman. La parution de *L'Obier rouge* passe inaperçue et ce n'est qu'un an plus tard, à la sortie du film, que les louanges retentiront en chœur. Le film de Šukšin proclamé digne des grands classiques du cinéma russe obtiendra le Grand Prix du Festival de cinéma de Bakou. Pourtant, de même que le film précédent, *L'Obier rouge*, fera lever une armée de boucliers. Certains critiques y trouveront des erreurs, des épisodes mélodramatiques, des effets de théâtre, d'autres reprocheront au personnage principal sa trivialité ou ses «épancements de midinette». Quant aux spectateurs du film, beaucoup d'entre eux ne voudront pas pardonner à l'auteur d'avoir fait mourir le héros principal et réclameront à cor et à cri le remaniement de la fin tragique du film. Un avis diamétralement opposé sera donné par le critique littéraire Alexandr Očarenko dans sa monographie *De Gorkij à Šukšin*, qui écrit que dans *L'Obier rouge*, emporté par la description du retour de l'âme égarée sur le droit chemin, l'auteur a trop vite pardonné à son personnage principal son passé et en particulier le fait d'avoir, des années durant, délaissé sa mère, restée sans soutien

de famille depuis la guerre. Vasilij Šukšin ne l'a pas excusé certes, Egor souffre des remords de sa conscience. Tout de même il fait preuve de plus de bienveillance que ne lui permet le pathétique de son œuvre littéraire. Il est aisé de constater que les polémiques et les doutes sont toujours provoqués par la personnalité du héros principal. Aussi bien dans le scénario que dans le film de Šukšin, qui apparaît avant tout comme un bel exemple de cinéma d'auteur, nous avons affaire à un type de narration à «monohéros»: tous les fils narratifs tendent vers ce héros principal, il polarise toute l'attention de son créateur. Et si, du point de vue de la morale, Egor Prokudin est tout à fait à blâmer et que la position de l'auteur-narrateur tend à une objectivité lucide sans concessions aux goûts du public ni à une certaine tradition d'embellir les personnages principaux en fournissant de nobles motivations à leurs actes répréhensibles, nous nous trouvons dans ces conditions devant un paradoxe évident: c'est que le héros du roman et du film, malgré ses habitudes quotidiennes, ou simplement parlant, malgré son comportement criminel, a su gagner les bonnes dispositions de l'héroïne féminine et toucher le cœur des lecteurs. Les critiques littéraires les plus incorruptibles sont troublés: pour la première fois, avec l'avènement de la prose prétendument «ruraliste», ils seront amenés à faire usage d'une catégorie irrationnelle, celle de la pitié. (Le cas d'Ivan Afrikanyč de V. Belov est notable à cet égard.) Les critiques qui sont les plus proches de la vérité des personnages «insubordonnés» et incommodes de Šukšin sont justement ceux qui tiennent compte des émotions que leur inspirent ces personnages. Parmi eux Lev Anninskij qui, quelques années après la mort de l'écrivain, fera une tentative de suivre l'évolution de l'ensemble de son œuvre.

L'attitude de Šukšin –écrivain face à la réalité objective, les manifestations de cette réalité qui s'imposent à lui pour faire l'objet d'un traitement artistique et sa position d'auteur présentent quelques similitudes avec celles de Fëdor Dostoevskij. Le critique soviétique V. Bystrov, dans son article *V. Šukšin et F. Dostoevskij*, trace plusieurs parallèles entre ces deux écrivains et, tout en insistant sur les différences notables entre Šukšin et Dostoevskij, souligne des tendances et positions communes permettant de jeter un pont «au dessus de l'abîme» qui les sépare. La plus importante parmi elles est incontestablement leur esprit humaniste commun, celui qui se manifeste dans le choix des types de personnages, celui des situations dans lesquelles ces personnages sont présentés, des conflits auxquels ils sont confrontés, de la solution de ces conflits mais aussi, plus généralement, des positions respectives des deux auteurs comparés. V. Bystrov souligne, parmi les particularités les plus marquantes de Šukšin, son aptitude à comprendre chacun de ses personnages, tout en précisant: "Cette idée sur la nature de l'humanisme de Šukšin est foncièrement juste (compte tenu toutefois de l'aversion manifeste de l'écrivain pour les hommes extrêmement

égoïstes, cyniques et arrogants, en un mot envers ceux qui sont totalement dépourvus d'humanité).

Šukšin ne s'empresse pas de juger celui qui est fautif face à soi-même et devant la société. Il cherche à le comprendre. Cette aptitude chez Šukšin remonte aux traditions humanistes de la littérature russe et en premier lieu à Fëdor Dostoïevskij, l'écrivain qui fut capable de rehausser par l'image lumineuse du moujik Marej les âmes écorchées des bagnards [Быстров, 1984, с. 22]. Ce récit de Dostoïevskij, qui remue une telle souffrance profonde, qui contient tant de malheur russe silencieux et insupportable, émeut Šukšin et le conforte dans sa foi inébranlable en la grandeur du peuple russe. Dans une situation historique tout à fait différente, Šukšin se pose la même question que son illustre prédécesseur : «Quelle est la valeur de l'homme, quel est le sens de son existence»? Et si dans les *Souvenirs de la Maison des Morts* l'interrogation se situe parmi ce que l'humanité présente de plus abject, les criminels d'une prison sibérienne dans laquelle l'homme apparaît dans toute sa monstrueuse perversité, dans *L'Obier rouge* de Šukšin le personnage principal Egor Prokudin, fraîchement sorti d'une prison moderne, toutes proportions gardées, se retrouve dans un milieu criminel suffisamment dégradant pour lui interdire tout retour digne à une vie "normale". Le pénitencier de Dostoïevskij, qui joue un rôle catalysateur découvrant les facettes les plus noires de l'homme, comme le passé criminel du personnage de Šukšin, les dégâts irrémédiables dont il est victime et qui le font souffrir et que l'auteur fait ressortir sans complaisance dans leurs manifestations les moins flatteuses pour son héros, s'avèrent être pour les deux écrivains un terrain idéal leur permettant de poursuivre dans des conditions critiques leur quête commune suprême d'une étincelle divine dans chaque créature. À ce stade de notre réflexion se pose une autre question. À savoir, le désir puissant de comprendre à tout prix chaque être humain ne poussait-il pas Dostoïevskij et Šukšin à tout pardonner à leurs personnages égarés?

Pour répondre à cette question, revenons à l'analyse de Lev Anninskij pleine de déductions justes et pertinentes. Ca critique a le mérite d'avoir bien saisi le conflit fondamental de ce qu'il appelle «l'atmosphère de la vie à la Šukšin»: ils souhaitent vivre comme des oiseaux célestes, mais ils vivent en réalité happés par le marécage tenace et impitoyable des intérêts matériels; avec cela ils se doutent vaguement du prix de cette compromission capitale et ne veulent admettre que leur dignité soit amoindrie. L'amertume de la désillusion sur leur propre valeur les brûle et les pousse aux mensonges et affabulations, se sachant «mythomanes» ils sont incrédules et destructeurs, ils cherchent à dénoncer et à l'occasion à dénigrer ceux qui leur semblent supérieurs. Anninskij ne se trompe pas en expliquant cette agressivité et vulnérabilité des personnages de

Šukšin par un sentiment de manque spirituel, par l'intolérable vide dans leur âme. La tragédie existentielle d'Egor Prokudin remonte précisément à son impossibilité de continuer à vivre avec une âme remplie de «ce qu'il ne faut pas». Mais lorsque le critique développe son raisonnement et essaie de généraliser le cas de Prokudin, héros qui n'est pas dénué de côtés positifs, fort, passionné et forcément plus sympathique que d'autres (comme par exemple les idiots, dotés eux aussi d'une âme qui souffre et méritant de ce fait la pitié et la sympathie du lecteur) il ne trouve plus de réponses satisfaisantes à ses interrogations, il se trouve pris ainsi au piège de sa propre méthode d'investigation. «D'accord : nous avons pitié des 'personnages extravagants', nous avons aussi pitié d'Andrej Erin, martyrisé par sa femme pour avoir acheté un microscope inutile à la vie du ménage, de même que nous plaignons Monja Kvasov l'inventeur du mouvement perpétuel. Mais le réceptionniste, qui empêche la mère de Van'ka Tepljašin de rendre visite à son fils à l'hôpital, faut-il le plaindre lui aussi?» [Путь Василия Шукшина, 1977, с. 264].

Quelle est donc la réponse du critique à sa propre question? Eh bien elle n'est pas très claire, il bute sur les limites de sa propre méthode et semble y répondre positivement en alléguant la position de Šukšin de comprendre à tout prix tous ses personnages, «toute appartenance sociale confondue», même les plus éloignés socialement. À partir de cette hypothèse Anninskij commence à commettre des erreurs de jugement et met sur le même plan le personnage dramatique de Prokudin avec celui du petit réceptionniste revanchard. Nous sommes en présence du cas typique de la difficulté de perception et d'interprétation des «signes de lecteur» dont parle Roland Barthes. Nous accordons à L. Anninskij que Šukšin veut comprendre tout le monde, même les criminels, et que cela implique une grande force spirituelle chez l'auteur, mais devons-nous croire pour autant que Šukšin les pardonne et les excuse tous sans discernement aucun? Serait-il en train de prôner un amour universel chrétien dans le sens le plus large et le plus abstrait du mot, aimer son ennemi avec ses pires défauts, au nom d'une «morale universelle» et apolitique? Telle semble être la conclusion de Lev Anninskij qui s'achève sur le pressentiment que Šukšin avait épuisé son thème, avait dit tout ce qu'il pouvait dire et que, si sa vie ne s'était pas interrompue brusquement et prématurément, des doutes auraient été permis sur la viabilité des thèmes et des idées de son œuvre. Critique distingué et expérimenté, Lev Anninskij, malgré les qualités et la perspicacité de multiples réflexions, n'arrive pas à une juste appréciation de l'ensemble de l'œuvre de Šukšin, ni de sa place véritable dans le processus littéraire contemporain, puisqu'il la ramène aux principes de tolérance et de résignation suprême lui ôtant de ce fait son caractère critique sociologique et historique. La question où s'arrête la tolérance et commencent la passivité et le

laxisme civiques, ennemis mortels de toute démocratie future, mériteraient alors pleinement d'être posée.

Les idées de Šukšin sur la fidélité de l'auteur à la réalité objective, mais aussi sur l'entière liberté de son regard et de sa propre interprétation des faits observés font écho aux réflexions de Dostoievskij sur la capacité de l'art à saisir la vérité. Constatant la richesse et la complexité du matériel offert par la vie réelle, Dostoievskij parle de la difficulté, voire de l'impossibilité apparente de le cerner par les moyens de la littérature. Quel que soit le matériel traité, il n'égala jamais la force des faits réels: «Vous imaginez par exemple avoir atteint le plus haut degré du comique d'une situation réelle, en avoir saisi l'aspect le plus abject? Que nenni! La vie réelle vous en fournira aussitôt une telle facette, que vous n'auriez même pas imaginée et qui dépassera tout ce qui pouvait émaner de vos observations et de votre imagination personnelle» [Достоевский, 1922, с. 439]. Mais c'est précisément dans la capacité de l'écrivain de déceler dans un fait, de prime abord anodin, une profondeur shakespearienne, que l'on reconnaît sa valeur. Avant même de créer des œuvres de fiction, l'artiste se manifeste dans sa capacité d'observer. De même que Šukšin insiste sur le cas qui attire l'attention du narrateur, Dostoievskij souligne l'importance du don du regard. Cette importance du regard perspicace et profond sur la vie, implique la recherche de complexité dans les faits apparemment simples. Une espèce de simplicité répugne à Dostoievskij tout particulièrement, c'est la simplicité des jugements et des généralisations rapides, la simplicité des idées toutes faites. Cette simplicité est encore plus insupportable à Dostoievskij et à Šukšin quand elle apparaît dans les jugements sur le peuple russe. «Prêtez donc attention aux jugements contemporains, écoutez les 'besoins rationnels' et les sentences qui se prononcent de nos jours non seulement à propos de Tekkerey, mais aussi de notre peuple russe en général: que de simplicité contiennent-ils parfois! Que de droiture, quel contentement expéditif de mots insignifiants et futiles, quelle aspiration unanime à la prompte tranquillité, quel empressement de prononcer le verdict pour ne plus avoir à s'inquiéter...». Et Dostoievskij de conclure: «La simplicité est immuable, elle est 'rectiligne' et de surcroît arrogante. La simplicité est ennemie de l'analyse. (...) Notre clivage même a été engendré par la simplicité du regard que porte une partie de la Russie sur l'autre» [Достоевский, 1922, с. 438].

La position de Šukšin face au simplisme des idées toutes faites, à la légèreté insouciant et à la quiétude des âmes satisfaites, indifférentes et arrogantes recèle la clé de son œuvre. Elle est identique à celle de Dostoievskij. Le héros de la courte nouvelle de Šukšin, intitulée *Suraz* (ce qui signifie en dialecte sibérien «enfant illégitime», «accident» ou «avatars»),

dont le beau visage ressemble étonnement à celui de Byron, est cité par certains critiques comme l'exemple type du héros foncièrement négatif. En effet, tombé amoureux d'une institutrice et sévèrement rossé par le mari de cette dernière, il provoque une scène particulièrement odieuse en voulant tuer son vexateur en pleine nuit, armé d'un fusil de chasse. Cependant au moment crucial, frappé par l'attitude dévouée de ce petit bout de femme qui protège de toutes les forces son mari en danger, Spiridon-Suraz s'enfuit horrifié par l'atrocité de l'acte irréparable qu'il faillit commettre. Sa première réaction est de tourner l'arme contre lui-même, elle est démesurée par rapport à la gravité apparente de l'incident, il la rejette horrifié, il a encore du chemin à faire. Il faut qu'il continue à vivre – mais comment? Il faut qu'il parte – mais où? Il faut qu'il parle – mais à qui? Il n'arrive même pas à ressentir de la haine. Trois jours plus tard les villageois retrouveront le corps de Spiridon étendu dans une clairière ensoleillée, face contre terre, les mains agrippées aux touffes d'herbe, à proximité du fusil. Longtemps ils se demanderont comment a-t-il pu dans cette position se tirer une balle en plein cœur. L'impression du lecteur est mitigée, il est troublé. Comment doit-il interpréter cette nouvelle, simple et paradoxale? Où sont «les signes du lecteur», quelle est l'intention de l'auteur? Suraz est-il un monstre? Comment expliquer son suicide injustifiable par les normes connues? Les commentaires de l'auteur sont rares et contradictoires: enfant, Spir'ka, était effronté et voyou, désobéissant et bagarreur. Quelques années plus tard, poursuivi par la police pour le vol d'une caisse de vodka, il se réfugie dans un enclos et tire de nombreux coups de fusil. Le vol, aggravé de résistance armée, lui coûte cinq ans de prison. À trente-six ans, il n'a ni femme, ni foyer et passe son temps à jurer et à courir les jupons sans discernement. Ce portrait ne laisse aucun doute, Spir'ka est décidément un vaurien – se dit le lecteur confiant. Tout à coup, quelques lignes plus bas, il lit avec stupéfaction ce commentaire découtant: «II (Spiridon) revint (de prison) –toujours aussi tapageusement beau, insolent et curieusement toujours aussi bon. Sa bonté était aussi étonnante que sa beauté» [Шукшин, 2009, т. 5, с. 116]. Alors le lecteur dérouté espère une franche condamnation du héros après son odieuse tentative d'assassinat d'un rival peu complaisant, mais il ne trouve pour tout «signe de lecteur» que ce petit commentaire: «Spir'ka réalisa qu'il n'éprouvait pas de haine pour l'instituteur. Si l'idée lui venait de repenser à sa vie écoulée, il s'en serait souvenu, il aurait tout aussi bien compris qu'il n'avait jamais voulu de mal à personne. Seulement cette idée ne lui vint pas, il ne cessa de résister éperdument, de s'efforcer à haïr».

Dans son *Journal de l'écrivain*, Dostoievskij revient à plusieurs reprises sur le phénomène du suicide qu'il cherche à aborder dans toute sa complexité: «Certaines choses, aussi simples qu'elles paraissent, obsèdent longtemps nos

pensées, on en vient même à se sentir coupable» [Достоевский, 1922, с. 442]. Développant sa pensée, l'écrivain dénonce l'indifférence des bien-pensants, de ceux qui vivent sans idées, sans buts élevés, d'une vie animale consistant à satisfaire leurs besoins matériels, à s'entourer de beaux objets et à faire carrière. Il oppose cette catégorie de gens à ceux, nombreux et paradoxalement parfois grossiers et dépravés qui, sans le savoir, sont dotés d'une nature insatisfaite, avide d'idéals. Ces derniers ne veulent pas se contenter d'une vie médiocre, ils sont parfaitement capables de mettre fin à leur vie, apparemment sans raison particulière, mais en réalité, vu l'impossibilité de donner un sens supérieur à leur existence. Paradoxalement, avant de mourir ils commettent tout à coup des actes bizarres, scandaleux et odieux. L'opinion générale a du mal à déceler derrière un tel comportement un besoin de nobles idéaux chez des personnes apparemment rustres. Mais que savons-nous de l'inoculation des idées à l'intérieur de la société, se demande l'auteur, et qui peut établir précisément les lois selon lesquelles telle idée ou tel besoin émis par quelqu'un de très instruit et cultivé atteint et contamine l'âme d'un être beaucoup moins instruit et moins évolué? Posé de cette manière, le problème du suicide concerne l'ensemble de la société et en premier lieu les intellectuels. La conclusion de Dostoevskij est latente dans toute l'œuvre de Šukšin – se gardant de juger, de professer ou de proposer des exemples à suivre, il tend à présenter ses héros aussi objectivement que possible, mais toujours de manière à interpeller le lecteur et à lui faire quitter le sentier confortable des idées toutes faites, afin qu'il se sente personnellement concerné. Bien entendu, la nouvelle *Suraz* provoqua à sa parution une violente polémique entre ceux qui accusaient l'auteur d'avoir un faible pour son héros naturellement impulsif et les autres qui approuvaient l'absence de prise de position «rectiligne» dans le sens de simplification contre laquelle s'élevait Dostoevskij.

C'est dans cette tendance humaniste de Dostoevskij que Šukšin fait sienne, sans l'imiter automatiquement mais parce qu'elle appartient organiquement à la poétique et à l'architecture de son œuvre, hautement originale, que nous observons ce que l'on peut qualifier d'esprit de tolérance: il consiste chez les deux écrivains mentionnés en deux principes de base, le premier étant leur refus systématique de toute simplification hâtive et leur souci permanent d'aller aussi loin que possible dans l'analyse de l'âme, sans se contenter des apparences, aussi négatives soient-elles. Dans l'écriture il se manifeste par le désir de l'auteur de se rapprocher le plus possible de la vérité de ses personnages, même des plus antipathiques. Il s'agit du second principe de la tolérance dans son sens large en tant que respect de la liberté d'autrui. Cette acception généralisante peut poser le problème, que

nous avons mentionné à propos de l'analyse du critique Anninskij de *L'Obier rouge* de Šukšin, et qui se rapporte au deuxième sens du mot «tolérant», celui qui dénomme l'indulgence dans les relations sociales et, par conséquent, l'indulgence de l'auteur pour lui-même, pour ses personnages et pour son public. Dans ce cas nous nous trouverions en présence du mauvais écrivain – ni Šukšin, ni encore moins Dostoevskij ne sont nullement concernés par ce cas de figure. L'histoire de la création du roman *Crime et châtiment* de Dostoevskij est très édifiante à cet égard : dans *Le Premier carnet*, Marméladov demandant de la compassion pour les "petits soulards" est rejoint par Raskol'nikov qui implore à son tour de la pitié pour l'âme damnée de l'assassin qu'il est. À mesure que les pensées de l'auteur se précisent, Raskol'nikov apparaît dans toute la contradiction de son caractère démoniaque où le bien et le mal emmêlent un écheveau tragique. Plus progresse le travail de l'écrivain et moins Raskol'nikov appelle à la clémence, quant à Marméladov, dans la dernière version du roman, il désire ardemment non plus un pardon mais une juste punition pour ses erreurs. Le sentiment de responsabilité des personnages coupables devant la société s'accroît progressivement.

Dostoevskij l'écrira dans sa lettre à M. Katkov en septembre 1865 : «Mon roman insinue entre autres l'idée que le châtiment pénal fait beaucoup moins peur aux criminels que ne le pense le législateur et ce en partie par leur propre besoin moral» [Достоевский, 1928, с. 418–419]. Dans l'«Obier rouge», la mort d'Egor Prokudin a tout d'un suicide : incapable de se soumettre aux «petites norms» conventionnelles, Egor, le maximaliste, se condamne à disparaître et la pitié des gens qui l'entourent n'infléchit point son «besoin moral» de justice. A l'instar de Raskol'nikov il est persuadé que l'homme est toujours conscient lorsqu'il commet un crime, il est donc pleinement responsable de ses actes. L'état de dualité contradictoire, la lutte interne que se livrent en lui son désir de pureté et ses réflexes de malfaiteur apparaît dans tout son dramatisme en plein milieu d'une «scène de débauche» ratée, minable et avilissante. Dans son souci de ne pas intervenir dans cette mise à nu de l'âme secrète, pudique, fière et susceptible de son héros, Šukšin recourt à la confession à la première personne : «–Écoutez, les gens! ... Aimons-nous les uns les autres! Egor en vint à crier et se frappa la poitrine d'un puissant coup de poing. – Qu'avons-nous à nous bousculer comme des araignées dans un bocal? Ne savez-vous pas comme il est facile de mourir?! Je ne vous comprends pas... – Egor fit quelques pas derrière la table. – Je ne vous comprends pas! Je refuse de vous comprendre! Je ne comprends pas pourquoi moi-même je rêve toutes les nuits de coffres et de malettes. C'est assez! Allez les cambrioler sans moi... Moi, j'irai m'asseoir sur une souche et

je n'en bougerai pas trente trois ans d'affilée. Non, c'est une blague. J'ai pitié de vous. J'ai pitié de moi aussi. Mais si quelqu'un se mettait à me plaindre ou avait la bêtise de m'aimer, je... je ne sais pas, ça me rendrait triste, j'en aurais le cœur gros. Je me sens si bien que le cœur me fait mal – mais j'ai peur. J'ai peur! Voyez-vous ça... conclut Egor soudainement d'une voix douce et confidante» [Шукшин, 2009, т. 6, с. 232].

Le système pénal, la justice humaine, les crimes et les suicides occupent une grande partie du premier volume du *Journal de l'écrivain*. Dostoevskij aborde ces sujets difficiles avec la plus grande prudence et analyse chaque cas du point de vue le plus humaniste possible, mais jamais il ne cède aux compromissions sentimentales. L'équité est difficile à trouver, celui qui plaint trop l'agresseur oublie la victime, mais on sait aussi que le baigneur n'a jamais rendu quelqu'un meilleur, dans certains cas l'agresseur a aussi besoin d'humanisme. «Je me permets toutefois de remarquer humblement que le mal doit être appelé le mal, quel que soit l'humanisme invoqué» – ainsi, Dostoevskij écarte-t-il les doutes sur la nature de sa tolérance. «Nous avons compris, qu'on pouvait plaindre un criminel, mais s'agissant d'une affaire aussi grave et solennelle que le tribunal, il n'est pas permis de ramener le mal au bien» [Достоевский, 1928, с. 428]. Lors d'un procès, le plus important, le principe essentiel consiste à dénoncer publiquement le mal comme tel. Quant à la clémence pour le condamné et le souci de sa rééducation ce sont des questions extrêmement importantes, précise Dostoevskij, mais qui doivent être traitées en dehors du procès. Il en va de même pour Šukšin, son personnage Egor Prokudin a été jugé pour son casse, condamné et a expié sa peine. Il n'est pas dans l'intention de Šukšin de le blâmer ni de le défendre:

«Qu'est ce qui est plus courageux? Il est plus courageux de sonder la profondeur de la vie, de ne pas avoir peur, par exemple, de ses bas-fonds peu ragoutants. <...> L'artiste honnête et courageux ne poursuit pas le but de montrer du doigt ce qui est moral et ce qui ne l'est pas, il a affaire à l'homme 'en général' et veut le rendre meilleur en le montrant tel qu'il est réellement. On peut donner des leçons, mais si pour cela on part du principe : ceci est «casa», et cela est «mimi», il vaut mieux s'en abstenir. Faute de quoi les élèves deviendront paresseux, fripons et enclins au parasitisme. Car il est infiniment plus facile de recopier la solution toute faite, plutôt que de chercher à résoudre un problème délicat par soi-même» [Шукшин, 2009, с. 40].

C'est précisément cette position de l'auteur qui consiste à ne pas «prémâcher» le travail du lecteur et qui rend si «inclassables» les héros de Dostoevskij et de Šukšin.

Литература

- Быстров В. В. Шукшин и Ф. Достоевский (к проблеме гуманизма).// Русская литература. 1984. №4.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Берлин, 1922.
Достоевский Ф.М. Письма. М.–Л., 1928. Т. 1.
Путь Василия Шукшина.// Аннинский Л. Тридцатые–семидесятые. М., 1977.
Шукшин В.М. Нравственность есть правда // Собрание сочинений в 8-ми тт. Барнаул. 2009. Т. 8.
Шукшин В.М. Как я понимаю рассказ // Собрание сочинений в 8-ми тт. Барнаул. 2009. Т. 8.
Шукшин В.М. Калина Красная // Собрание сочинений в 8-ми тт. Барнаул. 2009. Т. 6.
Шукшин В.М. Сураз // Собрание сочинений в 8-ми тт. Барнаул. 2009. Т. 5.

Примечания

Т.Н. Василенко. Резюме статьи К. Алавердян «Мораль – это правда (Шукшин и Достоевский)».

Михаил Бахтин утверждает, что каждой эпохе присущи свои ценности, что определяет и идеологию творчества. Это касается также совокупности тем, обсуждаемых в литературе рассматриваемой эпохи. В свою очередь доминирующая тематика диктует выбор жанров. Так, первые послевоенные годы были отмечены в литературе тенденцией изображать меняющиеся судьбы народов, помещать персонажи в водовороты критических моментов истории. История человека приравнивалась к истории широких слоев общества. ... Ситуация кардинально меняется начиная с 60-х гг., которые побуждают писателей, как в СССР, так и во всем мире, обратиться к совершенно иной проблеме: проблеме значимости самого персонажа. Рассказчик предполагает более активную роль своих читателей, придает больше значения их способности выносить самостоятельные суждения, проявляет себя менее «декларативным». Мы настаиваем на этом новом доверии к читателям, так как оно представляется нам одной из причин трудности восприятия персонажей В. М. Шукшина.

...

Признаки рассказчика кажутся с первого взгляда более очевидными и более многочисленными, чем признаки читателя (в рассказе чаще употребляется «я», чем «ты»); на самом деле, вторые просто бо-

лее скрыты, по мнению Ролана Барта. К этому определению французского лингвиста, который придает одинаковую важность этим двум составляющим «значимой функции обмена», мы хотим добавить их взаимозависимость. ... Шукшин восстает против совокупности мифов о предназначении писателя и ставит себя наравне со своими читателями.

...

Если бы в двух словах нужно было передать смысл творчества Шукшина, это был бы «поиск правды». ... Это (выбор) исключает всякие уступки как эстетической и этической системе автора, так и вкусам публики. ... Так же, как Валентин Распутин, Шукшин предпочитает, чтобы его персонажи говорили свою собственную правду, не заставляя их следовать схеме, намеченной волей автора-демиурга.

...

Отношение Шукшина-писателя к объективной реальности и ее проявлениям, ставшим предметом его художественного восприятия и собственной авторской оценки, имеет некое сходство с позицией Ф. М. Достоевского. ... Самое важное здесь, несомненно, – присущий им обоим гуманизм, который проявляется в выборе персонажей; ситуаций, в которых эти персонажи представлены; конфликтов, с которыми они сталкиваются, решения этих конфликтов. В общем, позиции обоих авторов отличает ... сильное желание понять во что бы то ни стало каждого человека, что, возможно, подталкивает Достоевского и Шукшина к всепрощению их заблудших персонажей.

...

Мысли Шукшина о верности автора объективной реальности, а также о полной свободе своего взгляда и собственной интерпретации рассматриваемых событий, перекликаются с размышлениями Достоевского о способности искусства постигать истину.

...

... Позиция Достоевского незримо присутствует во всем творчестве Шукшина: воздерживаясь от суждения, проповеди или предложения примеров для подражания, он склоняется к тому, чтобы представлять своих героев максимально объективно, по-прежнему взывая к читателю и принуждая его покинуть тропу стандартных идей, чтобы почувствовать личную сопричастность событиям.

...

Шукшин следует этому гуманистическому стремлению Достоевского, оно органически вписывается в поэтику и структуру шукшинского творчества, в высшей степени оригинального, в котором мы наблюдаем то, что можно определить как терпимость. У обоих писателей

она основывается на двух основных принципах. Первый базируется на постоянном отказе от всякого поспешного упрощения и постоянном стремлении зайти как можно дальше в анализе души, не ограничиваясь внешними проявлениями, какими бы негативными они ни были. В манере письма это проявляется в желании автора приблизиться, насколько это возможно, к правде своих персонажей, даже самых неприятных. Второй принцип терпимости основан на понимании ее как уважения к свободе другого человека.

...

Судебная система, гуманное правосудие, преступления и самоубийства занимают важное место в творчестве Ф. М. Достоевского, например, в первом томе *Дневника писателя*. Достоевский очень осторожно касается этих сложных тем и исследует каждый случай с наиболее гуманной точки зрения, не допуская, однако, сделок с совестью и чувствами. Что касается милосердия по отношению к осужденному и заботы о его перевоспитании – это крайне важные вопросы, отмечает Достоевский, но они должны рассматриваться за пределами судебного дела. То же самое можно сказать и в отношении Шукшина. Его персонажа Егора Прокудина осудили за нанесенный им ущерб, вынесли приговор, и он искупил свою вину. В намерения Шукшина не входило ни осуждать, ни защищать его. ...

Именно подобная позиция автора, состоящая в отказе от предварительного «разжевывания» обязанностей читателя, делает героев Достоевского и Шукшина такими оригинальными.

ТЕКСТ В МИРЕ ТЕКСТОВ : АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ «РОДСТВЕННЫЙ ТЕКСТ» В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ СОВОКУПНОСТИ

Т.Н. Василенко

Ключевые слова: родственный текст, текстовая совокупность, деривационный подход.

Keywords: akin text, text family, derivational approach.

В статье предполагается обратиться к вопросам трактовки понятия «родственный текст» в деривационном аспекте исследования текстовых совокупностей, состоящих из оригинального текста или текстов, текстов переводов и текстов «по мотивам».

В современной лингвистике в настоящее время повысилась значимость деривационного подхода к исследованию текста, что обусловлено унификацией объяснительной лингвистической терминологии. Унификация понятийного аппарата современной лингвистики, заключающаяся в использовании объяснительной силы понятия, выработанного и традиционно используемого при изучении какого-либо одного уровня, по отношению к явлениям другого уровня, позволяет осуществить проекцию деривационного принципа систематизации материала, традиционно используемого на различных уровнях языковой системы, на текстовый уровень [Мурзин, 1994; Чувакин, 1998; Гавенко, 2002; Волкова, 2007; Мельник, 2011; Трубникова, 2012 и др.].

Деривационные отношения предполагают существование определенной родства описываемых объектов, в нашем случае – текстов. В связи с этим возникает необходимость описания понятия «родственные тексты».

Общим толкованием понятия «родственный» можно считать «основанный на отношениях родства» («созданный родством, основанный на отношениях родства. *Родственные связи. Родственные обязанности*» [Толковый словарь/под ред. Д.Н. Ушакова, 1996, ст. 1373], «относящийся к родственникам, к родству, основанный на отношениях родства» [Словарь современного русского литературного языка, 1961, ст.1395]). Отношения родства, в свою очередь, предполагают, во-первых, близость происхождения («близкий по общности происхождения. *Два родственных народа*» [Толковый словарь/под ред. Д.Н. Ушакова, 1996, ст. 1373]), во-вторых, близость по признакам и свойствам («близкий по содержанию, по свойствам, признакам. *Родственные науки. Родственные между собой идеи*» [Толковый словарь/под ред. Д.Н. Ушакова, 1996, ст. 1373], «близкий другому (другим) по происхождению, содержанию, каким-нибудь признакам, напр.: *Родственные народы. Родственные языки. Родственные науки*» [Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова. URL], «близкий по общности происхождения, ... близкий, сходный с кем-л., чем-л. по своим свойствам и признакам» [Словарь современного литературного языка, 1961, ст. 1395-1396]).

Лингвистическое понимание родства заключается в том, что элементы/компоненты каких-либо лингвистических объектов, имеющих общий источник/основу, «находятся в строго определенных соответствиях», которые, в свою очередь, отражают «наличие общих черт и регулярных соответствий», а также регулярный характер преобразований данного лингвистического материала [Розенталь, Теленкова, 2001, с.426; ЛЭС, 1990, с. 418].

Указанные признаки родственности (близость происхождения, наличие сходных свойств, признаков, содержания, существование отношений производности) находят свое выражение при определении понятия родственных текстов. Родственные тексты трактуются как «эволюционно близкие» тексты, между которыми существуют «естественные связи» [Козлова, 2009, URL].

Текстовая совокупность, состоящая из родственных текстов, определяется нами в рамках осуществленного исследования [Василенко, 2008] как совокупность текстов, имеющих общую основу

(исходный текст), обладающих общим содержанием (передаваемой основной информацией о некоей ситуации, вымышленной или реальной), связанных с исходным текстом отношениями производности, а между собой – отношениями вариативности.

Исследование первичных и вторичных лингвистических объектов связано с выделением критериев производности, предполагающих определенную формальную и семантическую общность исходного и производного объектов. Применительно к исследуемому текстовому материалу критериями производности могут считаться общность содержания описываемой в данном текстовом фрагменте ситуации / действия, реализующееся посредством пропозиции (семантический компонент) и его (содержания) лексического и синтаксического оформления (формальный компонент). Нами был опробован подход, основанный на исследовании формально-семантической структуры родственных художественных текстов с позиции деривационной теории. Методика основана на деривационной интерпретации процесса текстообразования. Было установлено, что деривационные преобразования на содержательном и формальном уровнях обуславливают приращения или опущения на разных уровнях во вторичных текстах [Василенко, 2008].

Методика деривационного анализа применима для установления взаимосвязи содержательных (смысловых) и формальных (лексико-синтаксических) преобразований в производных текстах при их сопоставлении с оригиналом в рамках гнезда или цепочки родственных текстов. При определении понятия родственных текстов важны следующие признаки: близость происхождения; наличие сходных свойств, признаков, содержания; существование отношений производности и др. Мы понимаем родственные тексты как тексты, имеющие общую основу (исходный текст), обладающие общим содержанием (передаваемой основной информацией о некоей ситуации, вымышленной или реальной), связанные с исходным текстом отношениями производности, а между собой – отношениями вариативности. Исследуемые тексты Г. де Мопассана (*Le port*). Л. Толстого «Франсуаза», В. Иванова-Смоленского «*Tertium non datur*» могут быть признанными родственными, поскольку в основе каждого из упомянутых текстов положен известный сюжет об инцесте брата и сестры. Сюжет инцеста широко представлен в мировой литературе начиная с античных времен (Еврипид «Федра» и др.). Сюжет о кровосмесительной связи брата и сестры в литературе встречается в произведениях Шил-

лера «Мессиянская невеста», Макса Фриша «Номо Фабер» и др., а также в исследуемых нами текстах Г. де Мопассана (Le port). Л. Толстого «Франсуаза», В. Иванова-Смоленского «Tertium non datur».

Таким образом, термин «родственный текст» может быть использован при описании и систематизации текстов в рамках текстовой совокупности в целях более детального описания критериев производности с позиции деривационной теории.

Литература

Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.

Волкова Н.А. Текстовая модальность в аспекте учения о первичности / вторичности текста (на материале цикла рассказов В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова») : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2007.

Гавенко А.С. Вторичный текст как компонент художественного текста На материале романа В. Пелевина «Generation "П"» : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник. Указатель сюжетов и тексты (2009). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova1.htm>

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мельник Н.В. Деривационное функционирование русского текста : лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011.

Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М, 2001.

Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1961.

Толковый словарь русского языка в 4-х т. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996.

Толковый словарь русского языка. Под ред. С.И. Ожегова (2003). [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt

Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ КОММЕНТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ УМБЕРТО ЭКО

К.Е. Гайер

Ключевые слова: комментарий, взаимопроникновение текстов, У. Эко.

Keywords: commentary, interpenetration of texts, U. Eco.

В статье анализируется одно из интерпретационных решений, принятых Е. Костюкович во время работы над переводом сборника публицистических статей и выступлений У. Эко «Полный назад! “Горячие войны” и популизм в СМИ» (оригинальное название «A passo di gambero: guette calde e populismo mediatico»). В частности, рассматриваются статья под названием «Заговор», представляющая собой перевод вступления У. Эко к книге комиксов У. Айснера, и комментарии, подобранные Е. Костюкович и представленные в виде постраничных примечаний к данной статье. В комментариях приводятся, главным образом, фрагменты из романа У. Эко «Маятник Фуко» (из 93 и 95 глав романа), непосредственно связанные с темой данной статьи. Несмотря на большой объем примечаний, достигающих иногда половины страницы, их необходимость, в рамках целого издания, не подлежит сомнению, о чем и пишет литературный критик М. Визель: «[Книга] снабжена огромными постраничными примечаниями, что в данном случае совершенно уместно. Во-первых, мало кто способен, как сама переводчица Елена Костюкович, проследить отсылки из колумнистики Эко к его романам и обратно. А во-вторых, имена большинства упоминающихся в книге итальянских политиков и прочие реалии действительно ничего не говорят русскому читателю» [Визель, URL]. Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу представленного материала, необходимо сказать несколько слов о том, что в современной герменевтике понимается под «комментарием» и какое наполнение получает данное понятие в коммуникативной теории (точнее, в том ее разделе, который посвящен взаимодействию текстов).

Комментирование как способ интерпретации текста представляет собой одну из самых древних и самых распространенных герменевтических операций, которая раскрывает значение не столько целого текста, сколько его отдельных единиц. На сегодняшний день не существует обобщенной классификации комментариев, что связано с большим разнообразием как комментируемого материала, так и способов создания и представления комментария. Несмотря на отсутствие классификации

комментариев и обобщенных подходов к их исследованию можно выделить несколько общих черт данного явления, которые учитываются почти всеми его исследователями.

Как пишет М.Л. Гаспаров, комментарий – это «перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств» [Гаспаров, URL], то есть такой текст, который становится доступным и понятным за счет изменения языкового кода, «простым языком» объясняет сложные и малопонятные явления. Однако в отличие от еще одного широко распространенного метода интерпретации – «пристального чтения», комментарий занимается лишь отдельными частями текста, требующими истолкования. Вот как пишет о «пристальном чтении» С. Зенкин в статье, посвященной разграничению данных методов истолкования: «Пристальное чтение может казаться более “скучным”, рутинным занятием, чем комментирование с его детективной интригой загадок и расследований. Задача такого анализа – показать в тексте сложное переплетение категорий, оппозиций, кодов, то есть осветить текст как область сплошь интеллигибельную, обобщенно-смысловую по природе и поэтому всецело поддающуюся *чтению*, интерпретации (*reading*)» (курсив автора. – К.Г.). [Зенкин, URL]. При комментировании текст воспринимается по-иному: какие-то части представляются понятными и не нуждаются в толковании (а значит, опускаются), а какие-то, напротив, требуют повышенного внимания со стороны комментатора, представляют собой те узлы смысла, которые выходят за рамки конкретного текста, связывают его с внетекстовой реальностью. Таким образом, «текст мыслится как *неоднородное пространство* прозрачных отношений (они не поясняются) и непрозрачных материальных элементов (их надлежит просветить смыслом, но этот процесс никогда не доходит до конца, до полного растворения материи: торжество комментатора – *достигнуть дна*, предъявив в качестве разгадки текста окончательное-единичное имя, факт, прототип, дату, ссылку)» (курсив автора. – К.Г.). [Зенкин, URL]. Несмотря на то, что «разгадкой текста» является некое имя, факт, дата и т.п., сам по себе комментарий представляет собой интерпретацию текста, мнение комментатора о том, как следует понимать данный текст, о том, как он связан с реальной (внетекстовой, внедискурсивной) действительностью. Так, Н.В. Брагинская передает слова Р.Дж. Вагнера, изучавшего буддистскую герменевтическую традицию: «Комментарий является местом спора за обладание текстом. Написать комментарий – значит объявить текст “своим”. Кто его пишет, тот владеет данным текстом или объявляет свою к нему причастность» [Брагинская, 2009, с. 43].

«Присвоение» текста, о котором говорят исследователи, проявляется не только в религиозной или философской традициях, но и в большинстве

современных постмодернистских комментариев-интерпретаций. Этот процесс наблюдается и в нашем случае. Абсолютно все романы У. Эко и часть изданных в России сборников публицистических статей переведены Е. Костюкович и снабжены ее комментариями, что, конечно же, не могло не сказаться на восприятии этого автора в России. Более того, будучи руководителем литературного агентства, Е. Костюкович формирует имидж У. Эко и представляет его интересы на всем постсоветском пространстве. Благодаря всем вышеперечисленным факторам сегодня мы имеем вариант почти «идеального» интерпретативного «присвоения» текста, анализ которого представляет большой научный интерес.

Обратимся теперь к анализируемой статье У. Эко. Основной темой статьи является история восприятия и функционирования в обществе поддельного документа – «Протоколов Сионских мудрецов», представляющего собой план по захвату евреями мирового господства и ставшего одной из причин возникновения антисемитских настроений во многих странах мира. Несмотря на то, что в разное время и разными исследователями была доказана поддельность этого «документа», многие продолжают воспринимать его как подлинный план по захвату власти в мире, украденный у представителя одной из еврейских общин в середине XIX века. Данной проблемой У. Эко заинтересовался еще в 80-х годах прошлого века на этапе создания романа «Маятник Фуко» и впоследствии посвятил одну из своих гарвардских лекций 1994 года разбору этой фальсификации [Эко, 2002]. В рассматриваемой статье «Заговор», (изданной в книге У. Айснера в 2005 году), коротко приводятся основные положения из гарвардской лекции, а в комментариях, добавленных Е. Костюкович, даются фрагменты из романа «Маятник Фуко», в которых описывается вся история создания «Протоколов Сионских мудрецов». Таким образом, в тексте статьи дается история функционирования поддельного документа, а в комментариях – история его создания (точнее, гипотеза У. Эко о создании «Протоколов», воплощенная в художественной форме).

Чем привлекла У. Эко история о вымышленных протоколах? В интервью по случаю выхода своего последнего романа, посвященного истории созданию этого фальшивого документа он говорит: «As a scholar I am interested in the philosophy of language, semiotics, <...>, and one of the main features of the human language is the possibility of lying. <...> From lies to forgeries the step is not so long, and I have written technical essays on the logic of forgeries and on the influence of forgeries on history. The most famous and terrible of those forgeries is the Protocols» [Eco, URL] – «Как исследователю мне интересны философия языка, семиотика, а одной из основных черт человеческого языка является возможность говорить ложь. Ложь недалеко

отстоит от фальсификации, и я написал достаточно специализированных статей о логике подделок и их влиянии на ход истории. Самой известной и ужасной из этих подделок являются «Протоколы»» (перевод наш – К. Г.). Кроме того, причинами интереса к «Протоколам Сионских мудрецов» стали две тенденции, господствующие в обществе и ведущие к искаженному восприятию читателями вымышленного документа. Одна из них – это «стремление строить жизнь по законам литературы» [Эко, 2002, с. 243], а другая – «насушная необходимость установить личность врага» [Эко, 2007, с. 505], связанная с тем, что, по мнению У. Эко, «каждое общество нуждается во враге и в обосновании своей ненависти» [Эко, 2011, с. 56].

Как уже было сказано выше, У. Эко впервые обращается к данной тематике в своем втором романе «Маятник Фуко», фрагменты из которого стали комментариями к рассматриваемой статье. Это интерпретационное решение переводчика позволило, на наш взгляд, эксплицировать те отношения, которые устанавливаются между текстами статьи и романа – отношения взаимопроникновения. Коротко раскроем суть данного межтекстового взаимодействия (подробнее см.: [Гайер, 2012]). Взаимопроникновение текстов базируется на интертекстуальных отсылках, которые организуют смысловую структуру взаимодействующих текстов за счет реализаций общего исходного текстотипа. Смысловый компонент текстотипа может представлять собой фреймовую структуру или интерпретант. При наличии в текстах, связанных интертекстуальными отношениями, тождественных смысловых структур, имеющих определенную функцию – актуализировать совокупность взаимодействующих текстов для последующего понимания их смысла, можно говорить о явлении взаимопроникновения текстов. Как видим, взаимопроникновение текстов представляет собой особый вид межтекстовых отношений, обращение к которым должно помочь интерпретатору лучше понять текст.

Рассмотрим пример того, как благодаря комментариям переводчицы эксплицируются отношения взаимопроникновения текстов:

текст статьи	комментарий
<p><i>Историки «Протоколов», такие как Норман Кон <...>, восстановили связь с прототипическим произведением Германна Гедше, который в своем романа «Биарриц», написанном в 1868 году и напечатанном под псевдонимом «Сэр Джон Ретклифф» (Retcliff), рассказывает, как на кладбище в Праге представители</i></p>	<p>¹<i>«Нам очень понравилась история с пражским кладбищем. Ее сочинил безвестный Германн Гедше, мелкий чиновник на прусской почте. Этот тип ранее опубликовал, с целью дискредитации либерального депутата Вальдека, фальшивые документы, из которых явствовало, будто тот собирался покуситься на короля</i></p>

<p>двенадцати колен Израилевых собираются и замышляют владычество над миром¹. Через несколько лет после того этот анекдот рассказан в качестве действительного исторического факта в русской книжонке «Евреи – властители мира». «Контемпорэн» в 1881 году перепечатывает этот текст в переводе, заверяя, будто он взят из серьезного источника и является свидетельством британского дипломата сэра Джона Ридклиффа (Readcliff). <...> Но вот чего никто не заметил – это что Гедие списал свой сюжет из романа Дюма «Жозеф Бальзамо» (1849), где описывается встреча Калиостро с заговорщиками-масонами для устройства аферы с ожерельем королевы <...>. [Эко, 2007, с. 500–502]</p>	<p>Пруссии. Фальсификацию разоблачили. Гедие стал редактором консервативной газеты крупных землевладельцев “Прейшише Крейццайтунг”. После этого под именем сэра Джона Ретклиффа он взялся сочинять сенсационные романы, среди которых – “Биарриц” (1868). В этом “Биаррице” описывается оккультистское действо, разворачивавшееся на пражском кладбище. Текст очень напоминает описание сходки иллюминатов у Дюма в зачине “Жозефа Бальзамо”, на которой Калиостро, глава Неопознанных Старишин, среди которых числится и Сведенборг, сплетает первые нити заговора вокруг ожерелья королевы. В “Биаррице” на пражское кладбище съезжаются представители двенадцати колен Израилевых и представляют каждый свой собственный план завоевания мира. В 1876 году в одном русском памфлете это собрание из “Биаррица” приводится, как будто оно имело место в реальной жизни. Этот же ход повторяется в 1881 году во Франции (газета “Контемпорэн”). Там пояснено, что сведения почерпнуты из достоверных источников, от английского дипломата сэра Джона Редклиффа» (Маятник Фуко, гл. 95). [Эко, 2007, с. 501], [Эко, 2005, с. 581]</p>
---	---

В данном примере представлена одна из гипотез о литературных прототипах «Протоколов Сионских мудрецов», выдвинутых У. Эко. Система интертекстуальных отсылок строится на основании дат и имен собственных, присутствующих в обоих текстах, а интерпретантом текста выступает мысль о сходстве места действия «Протоколов» с местом действия нескольких романов XIX века. Однако в выделении интерпретанта в данном случае нет необходимости, так как тексты являются практически идентичными, и единственное различие между ними заключается в более детальном описании в «Маятнике Фуко» истории

создания фальшивого документа. Подобным же образом в статье размещено еще пять комментариев из романа, которые в разной степени детализируют выдвинутые Эко положения. Такое, на первый взгляд, техническое решение, принятое переводчицей во время публикации статьи, стало не просто удобным способом подачи материала, но и способом интерпретации текста статьи.

По традиции комментарий истолковывает «темное» место в тексте и, в большинстве случаев, представляет собой научный текст, однако в нашем случае в качестве комментария выбирается художественный текст, что ведет к изменению его функции. Художественный текст, заключающий в себе вымышленное повествование, мыслится как прототипичный реальный текст, описывающий действительность, с которой, однако, он имеет мало общего, будучи априори художественным текстом. Такие «игры» с вымышленными мирами (в духе самого У. Эко) приводят к тому, что смысл текста становится не так важен, и внимание переносится, главным образом, на межтекстовые отношения и взаимодействие текстов. Представленная ситуация уводит нас в область дискурсивных взаимодействий, не имеющих под собой реальности – серьезные научные изыскания У. Эко, связанные с доказательством поддельности «Протоколов Сионских мудрецов», подтверждаются мыслями, являющимися принадлежностью художественного повествования, в котором возможно все.

В данном случае мы можем наблюдать очередное стирание границ между художественной прозой и научным текстом, и в этом смысле переводчица действует в духе переводимого и интерпретируемого ей автора. Для текстов У. Эко характерно смешение научного и художественного стиля, использование приемов беллетристики в научных эссе, включение «мини»-исследований в публицистические статьи, изложение философских идей в романах и т.д. Однако столкновение подобных текстов, которые, несмотря на свои стилистические особенности, все же являются научными, художественными или публицистическими по своей природе, в одном акте коммуникации, каким является статья, по нашему мнению, приводит к нивелированию их основных функций и может негативно повлиять на их понимание читателями.

Литература

Брагинская Н.В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени. М., 2009.

Визель М. О пользе различий. Рец. на кн.: Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М., 2007 // Иностранная литература. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/4/vi6.html>

Гайер К.Е. К вопросу о межтекстовом взаимодействии : явление взаимопроникновения текстов (на материале произведений У. Эко) // Филология и человек. 2012. № 2.

Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/gasp6.html>

Зенкин С. Комментарий и его двойник // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/zen7.html>

Эко У. Во всем виноваты русские // Русский репортер. 24 ноября–1 декабря 2011. № 46 (224).

Эко У. Вымышленные протоколы // У. Эко. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2002.

Эко У. Заговор // Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. М., 2007.

Эко У. Маятник Фуко. СПб., 2005.

Eco U. People are tired of simple things. They want to be challenged ; Interview by S. Moss // The Guardian. 27 November 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2011/nov/27/umberto-eco-people-tired-simple-things>

ДЕНОТАТИВНАЯ СТРУКТУРА ОРИГИНАЛЬНОГО И АДАПТИРОВАННОГО ТЕКСТОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ДРАГУНСКОГО «ЧТО ЛЮБИТ МИШКА»)

А. В. Игнатовская

Ключевые слова: денотативная структура, оригинальный текст, адаптированный текст, адаптация, пропозиция, ситуация.

Keywords: denotative structure, original text, adapted text, adaptation, proposition, situation.

Обучение иностранцев русскому языку не обходится без обращения к тексту. Тексты вводятся уже на начальном этапе, несмотря на то, что студенты владеют минимальным набором лексических единиц и грамматических моделей. Обращение к тексту обусловлено тем, что обучение языку не может организовываться с опорой только на речевые образцы в тренировочных упражнениях. В процессе овладения учащимися изучаемым языком все более привлекаются оригинальные тексты: газетно-публицистические, деловые, научные, художественные [Кулибина, 2001].

Художественный текст – это всегда оригинальный материал, пусть и подобранный, но не созданный специально для учебного процесса. Художественный текст «обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств его языкового выражения, языковая рефлексия над ними не только даёт читателю определённые знания, но и учит тому, каким образом получить новые, помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве» [Кулибина, 2001, с. 6–7]. Кроме того, художественный текст является источником лингвострановедческой и культурологической информации.

На начальном этапе учащимся предлагаются тексты, специально созданные методистами с учетом уровня владения языком, или художественные тексты, подвергшиеся адаптации. Адаптация – это процесс обработки оригинального текста с целью приведения его в соответствие с коммуникативной компетенцией читателя. Под коммуникативной компетенцией понимается «способность средствами изучаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности» [Щукин, 2003, с. 143].

Отношение методистов к адаптированным текстам, как отмечает О. О. Понтус, неоднозначно. Одни исследователи сомневаются в правомерности адаптации как таковой в связи с тем, что адаптация нивелирует авторское своеобразие оригинала и лишает читателя возможности воспринять авторское видение мира. Другие допускают использование смоделированных текстов на любых этапах обучения, считая это методически оправданным. Помимо этого существуют сторонники адаптированных текстов, которые утверждают, что адаптация должна производиться только носителями языка [Понтус, URL].

Подобные споры далеко не всегда имеют под собой теоретические основания, так как процесс адаптации текстов зачастую осуществляется методистами лишь с опорой на лингвистическую интуицию и требует исследования принципов и способов адаптирования художественного текста.

С лингвистической точки зрения адаптированные тексты относятся к числу вторичных текстов, так как создаются на базе оригинально текста со сменой авторства (см.: [Майданова, 1994, с. 81]). Исследование принципов адаптации возможно путем сопоставления оригинального (первичного) и адаптированного (вторичного) текстов. Подходы к анализу текста многочисленны и разнообразны. Один из них раскрывает представление о тексте как о структурном образовании,

имеющем уровневую организацию. Причем выделенные текстовые уровни чаще всего соотносятся с уровнями языковыми. Так, например, Ю. М. Лотман пишет: «Текст раскладывается на подтексты (фонологический уровень, грамматический уровень и т.п.), из которых каждый может рассматриваться как самостоятельно организованный» [Лотман, 1970, с. 70]. В несколько ином виде эта идея представлена у Н. С. Болотновой: в рамках информативно-смыслового уровня текста исследователь выделяет фонетический, морфологический, лексический и синтаксический подуровни [Болотнова, 2007, с. 395]. В связи с тем, что в процессе адаптации оригинальный художественный текст претерпевает изменения на семантическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, логично было бы сопоставить оригинальный и адаптированный тексты с целью обнаружения различий на каждом из уровней. Но, как отмечается, «при этом сама специфика текста как особого феномена редуцируется и текст сводится к простой реализации языковой системы, тем самым отождествляясь с речью» [Теория текста, 2010, с. 52].

Для выделения принципов адаптации важно понимать, каким образом представлена в оригинальном и адаптированном текстах их содержательная структура. Ряд возможностей для анализа содержательной структуры текста открывает денотативный подход, который позволяет вычленить «необходимое содержание, адекватное тому, что было задумано автором» [Новиков, 1983, с. 119], так как денотативная структура текста – это динамическая модель ситуации, описываемая в тексте и отражающая «структуру его содержания, являющегося результатом осмысления и понимания текста» [Новиков, 1983, с. 111].

Задача нашего исследования – сопоставить денотативные структуры оригинального и адаптированного текстов с целью обнаружения происходящих трансформаций денотативной структуры. «Единицей денотативной структуры текста служит ситуация <...> языковым выражением ситуации является пропозиция. Пропозиции организуются в макропропозиции, репрезентирующие макроситуации. Макропропозиция является пропозицией, выделенной из ряда пропозиций на основании индукции, восхождения от конкретного к абстрактному» [Теория текста, 2010, с. 66].

Таким образом, анализ денотативной структуры текста будет включать в себя несколько этапов: для каждого ССЦ текста формулируется его пропозиция, которая будет отражать микроситуацию текста. Выделение пропозиции осуществляется на основании макроправил, установленных Ван Дейком:

«1. Опускание: при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условиями интерпретации (напр., пресуппозицией для другой пропозиции в данной последовательности).

2. Обобщение: при наличии последовательности пропозиций необходимо заменить эту последовательность на пропозицию, выводимую из каждой пропозиции данной последовательности.

3. Построение: при наличии последовательности пропозиций необходимо заменить ее пропозицией, выведенной из всего репертуара пропозиций, входящих в эту последовательность» [Ван Дейк, 1989, с. 42–43].

На следующем этапе результирующие пропозиции (микроситуации) в рамках более крупного фрагмента текста объединяются в макропропозиции (макроситуации), которые в свою очередь складываются в глобальную ситуацию всего текста. «Глобальная ситуация обозначена, как правило, в названии, либо задаётся жанровой принадлежностью текста» [Теория текста, 2010, с. 66].

Перейдём к сопоставительному анализу денотативной структуры оригинального художественного текста, в качестве которого был избран рассказ В. Драгунского «Что любит Мишка» (Т1), и его адаптированного варианта «Что я люблю» (Т2), представленного в учебном пособии по РКИ «Дорога в Россию. Базовый уровень». По объёму рассказ В. Драгунского небольшой, а адаптированный текст в 2 раза меньше оригинального, что позволяет в рамках данной статьи привести максимально полный анализ.

По замечанию Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, начинать анализ денотативного пространства текста следует с определения его глобальной ситуации, которая соответствует основной теме произведения, а также «представляет собой в свернутом и обобщенном виде все денотативное пространство текста» [Бабенко, Казарин, 2005, с. 89–90]. В анализируемом рассказе В. Драгунского сигналом глобальной ситуации является ключевая пропозиция «что любит Мишка», вынесенная в позицию заглавия, которая является сильной позицией текста. Заглавие, по утверждению И.Р. Гальперина, – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста <...> [его] можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развёртывания» [Гальперин, 2007, с. 133]. В связи с этим следует отметить, что заглавие оригинального текста предстает в трансформированном виде в тексте адаптированном: «*Что любит Мишка*» (Т1) → «*Что я люблю*» (Т2). Изменяется грамматическая форма лица

повествователя: *он* → *я*, в оригинальном тексте в качестве субъекта ситуации выступает 3-е лицо (Мишка), а в адаптированном варианте субъект ситуации – говорящий (Денис). В соответствии с заглавиями выделим две глобальные ситуации: *что любит Мишка* (Т1) и *что я люблю* (Т2).

За счет незначительной трансформации глобальной ситуации в адаптированном тексте создается необходимый смысловой акцент: что Я люблю. Читателя привлекают тексты, с помощью которых он может больше узнать о себе, представив себя на месте персонажей или сопоставив взгляды героев со своими. Интересный для учащегося текст увеличивает его мотивированность, что положительно влияет на эффективность усвоения предложенного материала. Не случайно выбрана и детская литература, ведь главная задача детской литературы – заинтересовать читателя, чему способствует динамический сюжет, отсутствие отвлеченных описаний.

В процессе анализа денотативной структуры текста значимыми оказываются только высказывания, выражающие событие, и не учитываются нетематические высказывания, состоящие из элементов описания и рефлексии, таким образом, динамический сюжет и динамический характер глобальной ситуации облегчают работу исследователя по разделению высказываний на тематические и нетематические. В структуре оригинального и адаптированного текста неоднократно встречаются предикаты, репрезентирующие глобальную ситуацию: любить, люблю, любишь, понравилось (31 раз в Т1 и 25 раз в Т2). В связи с этим можно предположить, что и макроситуации текста будут связаны с ситуацией «любви к чему-либо».

Сюжет рассказа «Что любит Мишка» имеет традиционную композиционную структуру: экспозиция – Мишка и Денис входят в зал, где Борис Сергеевич играет на рояле; завязка – Денис спрашивает Бориса Сергеевича об услышанном музыкальном произведении; развитие действия – начало разговора о том, кто что любит; кульминация – Мишка перечисляет любимые продукты, а Борис Сергеевич спрашивает его, любит ли он кого-то из близких людей; развязка – Мишка сообщает, что он любит котят и бабушку.

В адаптированном тексте экспозиция представлена иначе, чем в оригинальном тексте:

Т1: Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения

Т2: У меня есть друг Мишка. Мы с ним учимся в одной школе и вместе занимаемся музыкой. Однажды мы с Мишкой вошли в класс, где у нас бывают уроки музыки

Подобное расхождение связано с тем, что оригинальный текст входит в цикл «Денискины рассказы». Мишка и Дениска знакомы читателю из предыдущих рассказов и не требуют повторного представления. Извлекая рассказ из цикла и помещая его в учебное пособие, авторы предваряют его небольшим вступлением, чтобы читателю было понятно, о ком идёт речь.

В анализируемом рассказе можно выделить 5 макроситуаций. Первая макроситуация представлена пятью микроситуациями: *ребята вошли в зал; Борис Сергеевич играет; сели, не мешали; Борис Сергеевич играет, ребята слушают; понравилось Денису*. Подвергая данные микроситуации редукции и выделяя смысловое ядро, мы получаем следующую макроситуацию: *«Борис Сергеевич играет, ребята слушают»*. Данная макроситуация присутствует и в T1, и в T2. Но в T2 она претерпевает небольшие изменения на уровне микроситуаций. Как мы уже отмечали, в адаптированном тексте вступление дополнено информацией о взаимоотношениях Мишки и рассказчика, а также об их социальном статусе (*Мы с ним учимся в одной школе*), таким образом, мы должны выделить еще две микроситуации в T2: *у меня есть друг Мишка; мы вместе учимся и занимаемся музыкой*. Но в то же время мы наблюдаем, что одна из микроситуаций T1: *понарилось Денису*, представлена в T2 лишь имплицитно: *Борис Сергеевич играл, а мы слушали прекрасную музыку*.

Все последующие макроситуации подтверждают предположение о том, что не только глобальная ситуация, но и макроситуации связаны с темой «любви к чему-либо». Вторая макроситуация *«Борис Сергеевич любит музыку»* включает в себя шесть микроситуаций, две из которых по причине слабой смысловой нагруженности отсутствуют в адаптированном варианте: *прекращение игры на рояле; инициация диалога; обсуждение услышанного; Борис Сергеевич очень любит Шопена; разница между «песенкой» и «музыкой» (отсутствуют в T2); я люблю музыку больше всего на свете*.

Центральное место в денотативной структуре и по положению, и по значимости занимает третья макроситуация: *«Что я люблю»*. Благодаря тому, что данная макроситуация совпадает по средствам выражения с глобальной ситуацией адаптированного текста, усиливается её значимость во всей денотативной структуре текста. На первый план выдвигается фигура рассказчика (Дениски), его ответ представляется эталонным, он не ленится, у него много интересов, именно с ним учащимся следует сравнить себя. В оригинальном тексте данная макроситуация представлена двумя микроситуациями: *что я люблю; любит*

так много. Структура третьей макроситуации сохраняется в адаптированном тексте, она отличается от оригинальной только лексическим наполнением, что не влияет на общее оформление микроситуации:

T1 «Я много чего люблю. И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строганье, и про слоненка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звезды, и про лошадиные лица, все, все ...»

T2 «И я рассказал, что я очень люблю играть в шахматы, читать сказки, смотреть телевизор; люблю петь песни, играть с собакой, звонить по телефону; люблю плавать, гулять, ходить в зоопарк, очень люблю дарить подарки, люблю смеяться. Я многое люблю»

Четвертая макроситуация: «*что любит Мишка*» – самая объемная и в оригинальном, и в адаптированном текстах. Именно ей предназначена главная роль в денотативной структуре оригинального текста. Она представлена пятнадцатью микроситуациями: *я больше Дениски люблю разных разностей; что ты любишь?; Мишка любит хлебобулочные изделия; Мишка любит пельмени; Мишка любит консервы рыбные и овощные <...> Мишка любит разные блюда, Мишка замолчал.* В данной макроситуации находит выражение ироническое отношение автора к Мишке и его пристрастиям. Эта макроситуация совпадает с глобальной ситуацией оригинального текста и занимает значимую позицию в его структуре.

Пятая макроситуация «*кого ты любишь?*» включает в себя три микроситуации: *ты любишь съедобное (T1) / продукты (T2); кого ты любишь?; я люблю котят и бабушку (T1) / я люблю бабушку, она вкусно готовит (T2)* – и демонстрирует наибольшую вариативность. В данной ситуации лексическая замена оказалась значимой и проявила себя в первой микроситуации: *съедобное / продукты*. Помимо этого отмечается расхождение в третьей микроситуации, с одной стороны, в T2 опущен элемент «*котят*», с другой стороны, появляется уточнение «*она вкусно готовит*». Это уточнение так же находится в сильной позиции – позиции конца текста, подчеркивает привязанность Мишки к продуктам питания и отсылает нас тем самым к четвертой макроситуации, напоминая об авторской иронии по отношению к Мишке.

Таким образом, анализируемые денотативные структуры оригинального и адаптированного текстов представлены сходным набором макроситуаций, но различаются на уровне глобальной ситуации текста вследствие трансформации заглавия адаптированного текста. Различие это не столь существенно, оно влияет только на смещение акцента с отрицательного героя на положительного, делает текст более привлекательным для учащихся и в то же время в определенной степени со-

храняет позицию автора. Но в процессе адаптации текста следует учитывать, что даже незначительные расхождения на уровне макроситуаций и глобальной ситуации приводят к смещению смысловых центров художественного текста.

Литература

- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М., 2005.
- Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М., 2007.
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 2000.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.
- Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб., 2001.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек–текст–культура. Екатеринбург, 1994.
- Новиков А. И. Семантика текста и его формализация. М., 1983.
- Понтус О. О. Адаптация художественного текста как методическая проблема. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbu.v.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Vchdpu/ped/2011_92/Pont.pdf
- Теория текста / под ред. А. А. Чувакина. М., 2010.
- Щукин А. Н. Методика преподавания русского как иностранного. М., 2003.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ С. МОЭМА)

Е. С. Катунина

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, синтаксические трансформации.

Keywords: translation, translation transfers, syntactic transfers.

Сущность языка познается в его функционировании. В качестве основной функции языка признается коммуникативная, которая обеспечивает социальное взаимодействие, социальную общность людей при сохранении индивидуальности общающихся, то есть является важнейшим средством человеческого общения. В последнее время в теории перевода активно развивается коммуникативно-функциональное направление исследования. При этом подходе процесс перевода пони-

мается как двуязычный акт коммуникации и важная роль отводится анализу коммуникативной ситуации и ее составляющих.

Современные переводоведы переносят акцент с семантики переводного текста на его коммуникативную цель, фокусируя свое внимание на проблеме воздействия перевода на реципиента. За последние годы коммуникативная теория перевода (О. Каде, А. Нойберт, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер) приобрела особое значение.

Изучая перевод как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, как контакт языков, можно обнаружить межъязыковую и межкультурную асимметрию (языки различно описывают одни и те же явления и предметы и т.д.). В связи с этим при переводе возникает необходимость в переводческих (межъязыковых) трансформациях – преобразованиях, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. Термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода формы выражения. Таким образом, описываемые ниже операции (переводческие трансформации – далее ПТ) являются межъязыковыми операциями «превращения» смысла.

В процессе перевода часто оказывается невозможным использовать соответствие слов и выражений, которые нам дает словарь. В подобных случаях мы прибегаем к трансформационному переводу, который заключается в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания или же ее полной замене для адекватной передачи содержания высказывания. Достижение адекватности в переводе связано с умением грамотно идентифицировать переводческую проблему и осуществлять необходимые ПТ.

В настоящее время существует большое количество классификаций ПТ, предложенных различными авторами. Однако все эти классификации можно представить в общем виде – ПТ подразделяют на лексические, грамматические и стилистические.

Для нас наибольший интерес представляют грамматические, а если опираться на классификацию Л.К. Латышева, – синтаксические переводческие трансформации.

Синтаксические трансформации заключаются в изменении синтаксических функций слов и словосочетаний, что сопровождается перестройкой синтаксической конструкции – преобразованием одного типа придаточного предложения в другой.

Сравнивая исходный и переводной тексты, мы отметили, что некоторые отрезки исходного текста переведены “слово в слово”, а некоторые – со значительными отклонениями от буквальных соответствий. Особенно обращают на себя внимание те места, где переводной текст по своим языковым средствам совершенно не похож на исходный.

На наш взгляд, причиной различий текста оригинала и переводного является отсутствие русских эквивалентов герундия, модальным глаголам, сложному подлежащему и сложному дополнению. Эти явления очень часто используются в английском языке и значительно сокращают объем предложения, не теряя при этом информативности. На русский язык, как правило, подобные предложения переводятся с условнением, что значительно увеличивает объем, а иногда даже затрудняя восприятие.

При исследовании особенностей стиля С. Моэма было отмечено, что его проза в оригинальных текстах «фактурна» и эмоционально выразительна при всей естественности, простоте, отсутствии стиливых украшений и орнаментальности. Читатель находит у него особую соразмерность между смысловым наполнением, звучанием и даже внешним рисунком предложения, фразы. Нередко можно встретить текстовые фрагменты, в пределах одного абзаца, избыточные идиомами, содержащие предложения с простой синтаксической структурой, что делает текст легким и интересным.

«К этому добавляется строгий отбор жизненного материала, емкость художественной детали, естественный, как дыхание, диалог, виртуозное подчинение целям автора смысловых и звуковых богатств родного языка, интонацию повествования – доверительную, раскованную и одновременно отстраненную, как бы ограждающую личность рассказчика от неподобающего любопытства. И, разумеется, знаменитый стиль С. Моэма – соединение этой интонации с прозрачностью мысли и слова. Выразительный в своей прицельной точности и экономной простоте, его стиль – дань уважения читателю» [Лорие, 1996, с. 21]: «*To waste no time, Elliott had arranged to take his ladies to look at clothes immediately after lunch, so as they got up from table he intimated to Larry with the tact of which he was a master..., but at the same time he asked him with pressing affability to come to the two grand parties he had arranged. He need hardly have taken so much trouble, since Larry accepted both invitations with alacrity*» [Моэм, 2005, с. 77].

Надо отметить, что переводчики использовали разные тактики перевода. Одни предпочитали сохранять структуру оригинального текста, другие же отдавали предпочтение сохранению смысла.

Однако произведения, переведенные на русский язык, не обладают той простотой и лаконичностью оригинальных текстов; на русском языке мы получаем совершенно другую манеру автора. Язык усложняется: появляются громоздкие синтаксические конструкции, сложная для восприятия лексика:

«Изабелла была озадачена, пожалуй, даже немного испугана. Должно быть, она начинала догадываться, что тот Лари, которого она знала в прошлом – такой доверчивый, веселый, своенравный, но пленительный, и тот, что вошел в комнату несколько часов назад, – два разных человека, хотя внешне он почти не изменился и казался таким же простым и приветливым» [Моэм, 2007, с. 102].

В оригинальном тексте повествование ведется от лица рассказчика. Так же переводчиком был изменен порядок слов. В итоге описание было запутано и в переводе допущены неточности.

Несмотря на все это, до нашего времени сюжеты С. Моэма остаются увлекательными, актуальными, простыми для восприятия читателя любой возрастной категории.

Литература

- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М, 1990.
Лорие М. Ф. Подводя итоги. М., 1996.
Моэм У.С. Острие бритвы : Книга для чтения на англ. языке. М., 2005.
Моэм У.С. Острие бритвы (пер. с англ. М. Лорие). М., 2007.
Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья первая // Филология и человек. 2011. № 4.
Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 2002.

ТЕКСТ КАК СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЫТИЙНОЙ СЕМАНТИКИ

И.А. Широких

Ключевые слова: бытийная семантика, контекст, текст, функциональный блок экзистенциальный предложений.

Keywords: existential semantics, context, text, implementation pattern of existential sentence.

Только поверхность текстовой организации может являть собой картину обычной связи предложений – их последовательность. На самом деле «в тексте рождается свой внутренний механизм глубоких семанти-

ческих отношений, которые в результате образуют логико-коммуникативный смысл. В тексте осуществляется интеграция значений отдельных предложений, в результате которой рождается новая информация» [Колшанский, 1984, с. 107]. Для изучения реализации бытийных смыслов в художественном тексте, мы предлагаем использовать понятие «функциональный блок экзистенциальных предложений» (далее ФБЭП), рассмотрение которого и стало целью данной статьи. Материалом исследования послужили трилогия Дж. Голсуорси «Современная комедия» и ее перевод.

В лингвистике существует несколько интерпретаций блока: одни исследователи определяют его как «объемную текстовую категорию» [Матвеева, 1990], другие – как первичную, непосредственно заданную в языковом сознании говорящих единицу языковой деятельности, которая является «членимой» но «не расчлняемой» субстанцией [Гаспаров, 1996]. Согласно Г. В. Колшанскому, во всех разновидностях микро- и макротекста можно найти определенную минимальную единицу текста – блок, текстему, которая включает в себя некоторую весьма ограниченную группу высказываний и частично грамматически оформленную вроде абзаца или периода. Эти единицы по иерархии структуры текста выше, чем сложное предложение, но они еще не составляют монолитной единицы как самостоятельной структурной части, поскольку не обладают признаком тематической или смысловой законченности. «Такого типа текст или текстема являются переходной единицей к микро- и макротексту и служат ориентиром для анализа текста в его инфраструктуре в случаях необходимости четкого отмежевания блока текста от простой совокупности предложений» [Колшанский, 1984, с. 106].

Существует понятие «композиционные блоки» – «наиболее значимые и наиболее крупные по объему структурно-содержательные части текста, которые создаются соединением содержательной обособленности текстового фрагмента и его относительной структурной завершенности» [Матвеева, 1990, с. 33–34]. Традиционно выделяют три типа композиционных блоков: заголовок, вступление и заключение. Анализируя вводные конструкции на материале немецкого языка, А.А. Мецлер употребляет понятие «текстовый блок» (Textblock), «отношение между компонентами которого оформляется вводными конструкциями, являющимися одновременно формальными маркерами этих отношений и интерпретаторами его содержания. «Текстовый блок» представляет собой такой фрагмент коммуникации, в пределах которого одни компоненты создают необходимые условия существования других, выступая для них мотивирующими факторами» [Мецлер, 1984, с. 52]. М.Б. Гаспаров ут-

верждает, что «вся наша языковая деятельность – и создаваемая, и воспринимаемая нами речь – пронизана **блоками-цитатами** (выделено мной. – И.А.) из предшествующего языкового опыта. Именно такие, и только такие единицы языковой ткани, которые соединяют в себе заданность и пластичность, непосредственность воспроизведения и узнавания и зыблущуюся текучесть, предметную конкретность и эфирную протестичность, могут быть признаны языковыми «единицами», из которых складывается и в параметрах которых протекает языковое существование» [Гаспаров, 1996, с. 117]. Для обозначения единицы такого рода автор вводит понятие коммуникативного фрагмента, которое появилось на основе аналогий и контаминаций «коммуникативная единица», «речевой блок», «фрагмент текста». Коммуникативному фрагменту присущи следующие качества: непосредственная заданность в памяти говорящих, коммуникативная заряженность, пластичность, динамическая заданность, уникальность.

Для описания процесса порождения речи «необходимы «крупные» единицы, идет ли речь о моделях порождения и схемах их разворачивания (см., например, [Трубникова, 2008]), о номинативных блоках, превышающих по своей протяженности простое слово, или, наконец, о таких сложных структурах сознания, как фреймы, сцены или сценарии, которые во многом предопределяют рождающиеся речевые высказывания и выбор средств для их реализации» [Человеческий фактор в языке, 1991, с. 7]. Используя термин «межтекст», И. Ю. Качесова помещает его в один ряд с такими понятиями, как внутренняя форма текста [Голев, 1997], ситуативно-речевой блок [Чувакин, 1996]: «Для обозначения подобных явлений (своего рода «черных ящиков» – известного, что находится на входе и выходе, но не известно, что внутри) в лингвистической литературе употребляются различные термины, в зависимости от аспекта изучения» [Качесова, 1998, с. 67].

При исследовании смешанной коммуникации в художественном тексте А.А. Чувакин вводит единицу языко-ситуативной коммуникации (ЯСК) – ситуативно-речевой блок (СРБ) – и представляет СРБ в плане его состава, структуры и функционирования. «Единицей ЯСК является ситуативно-речевой блок – специфическое коммуникативное образование, возникшее и существующее на основе креативной связи языкового и ситуативного компонентов ЯСК и выступающее в качестве продукта коммуникативной деятельности Сг (субъекта говорящего) и объекта коммуникативной деятельности Сс (субъекта слушающего)» [Чувакин, 1996, с. 28].

Функциональный блок экзистенциальных предложений (ФБЭП) мы определяем как структурно-семантическое образование, возникшее на основе номинативной схемы бытийной конструкции и функционирующее в оригинале произведения и его переводе. Номинативная схема русского бытийного предложения – **локализатор – бытийный глагол – имя бытующего предмета** и экзистенциальной конструкции в английском языке – **вводный компонент there – глагольный компонент – имя – область бытия** – выступают в качестве инвариантов выражения бытийных смыслов в первичном и переводном текстах. Однако возможно предположить, что в тексте оригинала значение экзистенции совсем необязательно будет представлено вводяще-бытийной конструкцией, что объясняется различным представлением макро- и микромиров в английском и русском языках, а также особенностями синтаксических структур данных языков.

При постулировании ФБЭП мы будем обращаться не только к семантическим компонентам предложений со значением экзистенции, но и к понятию лингвистического контекста, который представляет собой вербальное окружение лингвистической единицы в пределах ее непосредственных и опосредованных семантических отношений. Контекст (от лат. *contextus* – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста [Торсуева, 1998, с. 238]. Контекст проявляет сущностные свойства языковых знаков и поэтому постоянно присутствует в языковом сознании. Концептуальное представление о контексте покоится на двух основаниях [Ревзина, 1998]:

- 1) в речемыслительном процессе системно заданные свойства языковых единиц реализуют себя в сцеплении с другими языковыми единицами, детерминируя их и детерминируясь ими;
- 2) языковые единицы, сохраняя тождественность самим себе в своих инвариантных свойствах, видоизменяют другие свои свойства под воздействием окружения.

В основе теории контекста лежит положение о том, что текст не может быть простой линейной соположенностью слов. В пределах общего понятия контекста различают узкий контекст (или «микрконтекст») и широкий контекст (или «макрконтекст»). Существует точка зрения, согласно которой микрконтекст и макрконтекст отличаются только своей протяженностью. Под первым понимается предложения (высказывание), под широким контекстом имеется в виду «текстовый контекст, то есть со-

вокупность языковых единиц, окружающих данную единицу в пределах, лежащих вне данного предложения, иными словами, в смежных с ним предложениях» [Бархударов, 1975, с. 169]. Н. Э. Энквист отмечает, что границы контекста и детали его характерных особенностей определяются задачей, которую ставит перед собой исследователь, и материалом, с которым он работает [Энквист, 1980]. Таким образом, границы микро- и макроконтраста не могут быть детерминированы заранее; они зависят как от исследуемой единицы, так и от целей исследования.

При сопоставлении одних языковых единиц с другими реальное значение высказывания раскрывается через его функционирование, сущность же функционирования строевых единиц языка мы познаем, анализируя их. В настоящей статье анализу подвергается функционирование бытийных предложений в переводном тексте романа и его оригинале. Таким образом, микроконтекстом становится минимальное окружение бытийного высказывания, в котором оно, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение и дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и др. Макроконтраст представляет собой окружение исследуемой единицы, бытийной конструкции, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом, то есть, в нашем случае, во всей трилогии. Само моделирование контекста связано с теорией научной парадигмы и с конкретной моделью функционального блока экзистенциальных предложений.

В трилогии мы отметили представляющий интерес использование личностных бытийных предложений, в которых в качестве имени бытующего объекта выступает сочетание «французская кровь». Необходимо заметить, что соответствующие английские высказывания строятся не по бытийному типу.

– *Мне кажется, в вас есть французская кровь, не правда ли?*

– *Да, моя бабка была француженкой.*

– *А во мне французской крови больше. Знаете ли, французы – не из тех, кто легко прощает. И они не убеждают себя верить в то, во что хотят верить* (Дж. Голсуорси, «Серебряная ложка», с. 265.)

«You look as if you might have some French blood in you. Have you?»

«Yes. My grandmother was of a French stock».

«Well, I have more. The French, you know, don't forgive easily. And they don't persuade themselves into believing what they want to». (J. Galsworthy, «The Silver Spoon», p. 61).

Говорят, француженки помогают своим мужьям делать карьеру. В ней есть французская кровь. Может быть, это стремление к идеалу, желание иметь все самое лучшее и быть лучше тех, кто окружает ее? (Дж. Голсуорси, «Серебряная ложка», с. 247).

French women, they said, co-operate with their husbands in the family career. It was the French blood in her. Or perhaps just idealism, the desire to have and be the best of whatever bunch there was about? (J. Galsworthy, «The Silver Spoon», p. 39).

В наших примерах бытийные высказывания приобретают некоторую оценочную коннотацию: наличие «французской крови» предполагает, что человеку присущи определенные качества, свойственные французам. В первом случае – неумение прощать и реальное восприятие действительности, во втором – стремление к совершенству. Эти черты характера вычитываются из последующих предложений, то есть правого контекста.

Выделяют эксплицитный контекст, то есть явно выраженный как вербальными, так и невербальными средствами, и имплицитный – явно не выраженный [Колшанский, 1984]. Имплицитный контекст является одним из видов пресуппозиции: либо это фоновые знания коммуникантов о предшествующей ситуации, либо знание предшествующих текстов. Так как материалом нашего исследования выступает трилогия «Современная комедия», включающая в себя отдельные романы, то изучение бытования и поведения экзистенциальных высказываний тексте предполагает знание всех частей произведения: «Белая обезьяна», «Серебряная ложка», «Лебединая песня». Таким образом, в нашем случае имплицитный контекст играет немаловажную роль при проведении лингвистического анализа.

У китайского живописца, работавшего столько лет назад, была и логика и чувство традиции. Он увидел беспокойство зверя под более острым углом, и запечатлел его навеки (Дж. Голсуорси, «Лебединая песня», с. 141).

The Chinese artist of all those centuries ago had continuity and tradition in his blood; he had seen the creature's restlessness at a sharper angle than people could see it now, and stamped it there for ever (J. Galsworthy. Swan Song, p. 173).

Упоминание белой обезьяны на картине и китайского художника в заключительной части произведения «Лебединая песня» заставляет вспомнить не только историю приобретения полотна, но и то, что собой стало олицетворять животное. Белая обезьяна выступает символом «золотой» молодежи, которая жаждет удовольствий, выжимает досуха «плод» жизни и пренебрегает, как ненужной шелухой, старой моралью, условностями, традициями. Речь об этом шла в первой части трилогии «Белая обезьяна», то есть имплицитный контекст в действии.

Таким образом, функциональный блок экзистенциальных предложений выступает структурой не субстациональной, а функционально целостной, и является выразителем бытийной семантики в тексте. Одной из форм проявления взаимозависимого характера элементов

языка, выступающего в виде тех или иных коммуникативных единиц, является контекст. При невыраженности тех или иных компонентов высказывания со значением экзистенции компенсаторные функции выполняет контекст. Анализ окружающего текста позволяет выявить в нем элементы необходимые для поддержания бытийной семантики. Как известно, художественный текст создает вокруг себя поле возможных интерпретаций порой очень широкое. И поэтому, что касается приращения смысла языковых единиц (интенсифицирующая функция контекстуального компонента ФБЭП), оно имеет место в любом художественном тексте, так как герои произведений и их речь – это плод творческой фантазии автора, хотя и основанной на реальной действительности.

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: ин-варианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
- Чачесова И. Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов и киносценариев В. М. Шукшина: Трансформационный аспект. Барнаул, 1998.
- Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхрон-но-сопоставительный очерк. Свердловск, 1999.
- Мецлер А. А. Понятие текстового блока // Филологические науки. М., 1984. № 6.
- Ревзина О. Г. Контекст // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998.
- Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998.
- Трубникова Ю. В. Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул, 2008.
- Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.
- Чувакин А. А. Основы эвокационной теории художественной речи. Барнаул, 1996.
- Энквинист Н. Э. Параметры контекста // Новое в зарубежной лингвистики. М., 1980. Вып. IX.

АВТОРСКОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В.В. Филиппов

Ключевые слова: художественный текст, авторское слово, образ автора.

Keywords: fiction, the author's speech, the author's image.

Рассматривая проблему художественного текста в коммуникации и роли в нем авторского слова, прежде всего необходимо уточнить понятие «текста». По мнению Ю. М. Лотмана, в его основе лежат, во-первых, выраженность, то есть зафиксированность в определенных знаках, во-вторых, ограниченность, проявляющаяся, например, в слове и предложении, которые способны выполнять культурную функцию и передавать целостное значение и, в-третьих, структурность. В частности, для художественной литературы выраженность связана со знаками естественного языка, ограниченность – с передачей нового текстового значения, структурность – с художественной организацией. Ученый отмечал, что «свойства художественных текстов превращаться в коды – моделирующие системы – приводит к тому, что некоторые признаки, специфические именно для текста как такового, в процессе художественной коммуникации переносятся в сферу кодирующей системы. Так, например, ограниченность становится... существенным свойством художественного языка». [Лотман, 1970, с. 72]. Поэтому можно говорить о многозначности и уникальности художественного слова того или иного автора.

Авторское слово связано с мастерством художника, когда в творческом процессе естественный язык преобразовывается в язык искусства. Написанный этим языком текст обладает большой информационной емкостью и идейно-эмоциональной силой. В образах художественного текста может жить целая эпоха. «Жизнь в искусстве становится и соавтором, и оппонентом писателя. Сказать это – значит утверждать, что в искусстве художник творит, как сама природа (Гете), и вместе с тем художник приходит в мир, чтобы с ним не соглашаться (Горький)». [Гей, 1975, с. 4].

Само творчество, связано, как известно, с художественностью, высшую степень которой В. В. Виноградов обозначал термином «поэтический». Можно поддержать точку зрения Н. К. Гей, что «секрет художественности» заключен в нерасторжимом слиянии слоёв, образований, структур в единую законченную значащую систему,

цельй неповторимый художественный мир, каким является произведение»... [Гей, 1975, с. 16]. «Художественный текст надстраивается над своим графическим закреплением, заявляя о себе как о носителе художественного смысла – ритмом, паузами, темпом, интонацией, звуковой огласовкой произносимого, особым поэтическим временем. Из графического ряда мы должны перейти в сферу поэтической, не соизмеримой ни с каким другим жанром речи, чтобы в произведении открылся его внутренний смысл...» [Гей, 1975, с. 33]. В этом случае надо учитывать и эстетическую значимость текста.

В свое время Б. Кроче и К. Фосслер осуществили анализ эстетических функций различных художественных текстов. В частности, К. Фосслер отметил неповторимость эстетической окраски слова и предложения. Будагов Р. А. подчеркивал, что «эстетика языка, как и эстетика речи, распространяется на весь литературный язык, служащий определенной цели. Одна из задач текста: читатель должен поверить автору или автор должен заставить читателя поверить автору». [Будагов, 2001, с. 293]. Само же «эстетическое» шире понятия «прекрасное» и осмысливается «как сознательное отношение говорящего или пишущего не только к тому, что он говорит и о чем пишет, но и к тому, как говорит и как пишет» [Будагов, 2001, с. 293].

Бесспорно, что текст является важнейшей единицей коммуникации, которая обладает смысловой завершенностью и ориентированностью в пределах определенной сферы общения. Художественный же текст – речевое произведение с ярко выраженной личностной интерпретацией действительности. Это такое коммуникативно направленное вербальное произведение, которое в процессе его восприятия обнаруживает эстетические ценности. Помимо связности и цельности он обладает специфическим пространством семантической структуры. Как известно, для пространственно-временной характеристики текста М.М. Бахтиным был введен термин *хронотоп*. «Внешней пространственной формы словесное искусство не создает, – замечал он, – ибо оно не оперирует с пространственным материалом, его материал <...> – материал, по своему существу не пространственный.., однако изображаемый словом эстетический объект сам, конечно, из слов только не состоит, хотя в нем много и чисто словесного, и этот объект эстетического видения имеет внутреннюю пространственную художественно значимую форму, словами же произведения изображаемую...» [Бахтин, 1979, с. 83].

Согласно концепции Б. А. Успенского, пространство текста осмысливается как результат взаимодействия различных точек зрения – автора, персонажа и получателя. Эти точки зрения могут совпадать друг с другом и не совпадать. Например, в случае совпадения позиций повествователя и героя происходит то, что «если данный персонаж входит в комнату – описывается комната, если он выходит из дома на улицу – описывается улица и т.д. При этом в одних случаях автор целиком перевоплощается в это лицо, то есть «принимает» на данный момент его идеологию, фразеологию и т.д.» [Успенский, 1995, с. 81]. В частности, идеологическая точка зрения проявляется в оценке героем окружающей действительности, фразеологическая – в описаниях автором героев различным языком со своей позиции или с позиции других героев. Здесь план речевой характеристики может быть «единственным планом произведения, позволяющим проследить смену авторской позиции». [Успенский, 1995, с. 30]. Авторская же точка зрения с опорой на индивидуальное сознание героев может быть определена как психологическая. Средствами выражения авторской позиции могут явиться прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, сказ и др. В качестве примера обратимся к рассказу В. М. Шукшина «Алеша Бесконвойный».

Начинается рассказ в характерной для писателя сказовой форме: *«Его и звали-то – не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным».* [Шукшин, 2009, с. 90].

Далее в сказовом повествовании появляются диалоги в виде прямой речи: *«Ну, понял, Алеша? – спросят. «Чего?» – «Да нельзя же позволять себе такие вещи, какие ты себе позволяешь!..»* [Шукшин, 2009, с. 90].

Когда описательно-повествовательная манера сменяется изображением действий героя, автор переходит к монологической речи, к психологической его характеристике:

«Он выбирал из поленицы чурки потолще...выберет, возьмет ее, как поросенка, на руки и несет к дровосеке. – Ишь ты... какой, – говорил он ласково чурбаку. – Атаман какой... – Ставил этого «атамана» на широкий пень и тюкал по голове... Алеша стаскивал их в баню, аккуратно складывал возле каменки. Еще потом будет момент – разжигать, тоже милое дело. Алеша даже волновался, когда разжигал в каменке. Он вообще очень любил огонь» [Шукшин, 2009а, с. 91].

Прямая речь постепенно переходит в несобственно-прямую, когда Алеша начинает размышлять, глядя на огонь:

«Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!» Или

еще он сделал открытие: человек, помирая – в конце самом, – так вдруг захочет жить, так обнадеется, так возрадуется какому-нибудь лекарству!.. Это знают. Но точно так и палка любая: догорая, так вдруг вспыхнет, что диву даешься: откуда такая последняя сила?» [Шукшин, 2009а, с. 92].

Топоров В. Н. в пространстве художественного текста видел предельное обобщение, в котором объединяются реальность и человек, весь текст и отдельное слово. «Слово (и текст) обладают некими общими с пространством чертами, – писал он. – Прежде всего, Слово (текст) пространственно и постольку открыто, свободно. Оно принципиально может быть образом самого пространства, его производением... В этом смысле можно говорить о пространстве, сжимающем само себя, о части, которая говорит про целое, к которому она принадлежит...» [Топоров, 1983, с. 241].

Авторское слово не только присутствует в тексте, но и выступает организатором всего художественного целого в творческом процессе. Более того, когда «божественный глагол» автора воспринимается чутким читателем, то проясняется «главное, это сказуемое, этот прорекающийся отрывок мирового смысла, ради которого и творится художественное произведение... оно скрыто за поэтическим словом, сверкая через него и из него воспевая себя в избранных и незаменимых словах...» [Ильин, 1993, с. 245]. В этих словах и образах художественного текста проговаривается глубинный смысл произведения, воплощающий авторскую концепцию мира и человека. Поскольку авторский текст может быть сложен в проблемно-тематическом аспекте, постольку может существовать и множество его интерпретаций. Однако не бесспорно мнение Р.Ингардена, что литературное произведение, «взятое само по себе, представляет собой как бы костяк, который в ряде отношений дополняется или восполняется читателем, а в некоторых случаях подвергается изменениям или искажениям. И только в этом новом, более полном и конкретном облике произведения вместе с внесенными в него дополнениями становится непосредственным объектом эстетического восприятия и наслаждения». [Ингарден, 1962, с. 72–73].

Некоторые современные исследователи предлагают различать текст и произведение, признавая, что между этими понятиями нет четкой границы. Лукин В. А. пишет, что «текст, взятый в формальном аспекте, наиболее стабилен и объективно независим, в то же время содержание, воспринимаемое читателем и интерпретатором будет в максимальной мере субъективным»... [Лукин, 2011, с. 250]. У текста есть устойчивый набор признаков, а основанное на нем некое сложное содержание характеризует произведение. Текст – понятие более общее,

родовое. Барт Р., напротив, связывает текст с процессом работы, а произведение – с результатом ее. Он готов признать, что «...произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы – это и есть текст» [Барт, 1989, с. 417].

Между тем уже давно в научный обиход вошел термин «текст произведения». Произведение – это такой текст, который объединен единством замысла, структурой, изобразительными средствами. Но в нем по воле автора могут существовать разные тексты, и художественные, и нехудожественные. Например, в романах В. Богомолова «Момент истины. (В августе сорок четвертого...)» и «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». В прозаическом тексте последнего примерно 60–70 художественных глав и 12–15 – документальных. Писатель видел в документах доказательства достоверности изображаемого в романе и в то же время органическую его часть. Глушко Р. отмечала, что «...реконструированные автором и текстуально идентичные официальным советским документам 1941–1945 годов, такие как «политдонесения», «письма», выступления военнослужащих на собраниях, политинформация – это авторские тексты, стилизованные под документы, но с элементами конкретной привязки действующих героев романа». [Глушко, 2012, с. 9]. Авторское слово объединило все идейно-стилистические компоненты в структуре художественно-документального текста этого военного романа.

В виде социально-актуализированного публицистического рассуждения слово самого писателя вошло в художественную ткань повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Патриотическое содержание слова В. Распутина о народном слове обладает бесконечно большим объемом. В нем проявляется историческая связь прошлого, настоящего и будущего: «...когда звучит в тебе русское слово, издаека-далеко доносящее родство всех, кто творил его и им говорил..., когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанное родовой кровью, – вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времен оно само по себе непорушимая клятва и присяга» [Распутин, 2011, с. 168].

Авторское слово вступает в контакт с получателем информации в культурной коммуникации. И не только литераторы, но и деятели искусства (В. И. Пудовкин, С. М. Эйзенштейн) писали о процессе становления художественных образов в чувствах и умах читателей или зрителей, об их совместном с автором участии в познании действительности. Благодаря этой коммуникации само произведение обретает реальную общественную значимость.

Текст любого произведения литературы и искусства представляет собой реализацию авторского замысла в самых многообразных жанрово-стилевых, сюжетно-композиционных, образно-языковых аспектах и, конечно, в системе образов. Об этом можно судить, напр., на основе статей В.М. Шукшина «Нравственность есть правда» и «Возражения по существу» (речь идет о замысле сценария фильма «Брат мой...» и о создании образа Егора Прокудина в «Калине красной»): *«Как только принимаюсь работать, – отмечал писатель, – писать рассказ, снимать фильм, – тотчас предо мной являются трудности: жизнь человека внешняя (поступки, слова, жесты) и в жизни души человека (потаенная дума, его боль, надежда; то и другое в полнее конкретно, реально, но трудно все собрать вместе, трудно тут обнаружить логику да еще прийти к выводу»* [Шукшин, 2009б, с. 56].

Образ автора обнаруживает себя уже в начале рассказа «Постскрипtum». В номере гостиницы писатель находит письмо, которое с некоторыми изменениями публикует в своем рассказе. Литературная речь повествователя отличается от речи автора письма и по лексическому составу, и по стилю. Обиходно-разговорная речь последнего характеризует личность приехавшего, его впечатление от города, образ мыслей. Монологически оформленная, она, конечно, передает особенности шукшинской манеры речевой характеристики героя с «чудинкой» и скрытым юмором.

В речи героев как этого, так и других рассказов проявляется словесно-художественное мастерство самого писателя, и даже не названный в произведении образ автора объединяет «всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиками». [Виноградов, 1971, с. 118]. По справедливому мнению В.В. Виноградова, этот образ воплощает идейно-стилистическую суть произведения. В определенном смысле сказанное можно отнести и к слову автора.

Вслед за М. Горьким отметим, что это слово является основным материалом литературы. Поскольку художественная литература – это словесное искусство изображения жизни, постольку писатель-художник с целью создания живописного образа из богатейшего народного словаря должен выбирать слова наиболее точные и выразительные. Более того, в контексте произведения они могут приобретать и другой смысл, и другое звучание.

Следовательно, авторское слово – особенное, творческое, создающее новый художественный мир и оригинальные тексты. Обращаясь к современной общественно-литературной ситуации, В. Ирзабеков с горечью замечает: «Чего стоят многочисленные

«литературные произведения», которыми уставлены сегодня полки книжных магазинов. Их страницы наполнены героями, которые, словно не замечая нас, читателей, грязно совокупаются, говорят пошлости, матерятся и «ботают по фене»... Если вспомним, первой русской печатной книгой был «Апостол». В течение почти тысячелетия эта священная книга наряду с «Псалтирью» была первой, заветной, по которой русские дети учились читать» [Ирзабеков, 2011, с. 54–55].

Конечно, в настоящее время читатель имеет возможность познакомиться с самыми различными текстами, обогатиться народно-разговорными и книжными словами. Например, журнал «Русский Дом» (2012, № 10) сообщал о 140-летию со дня смерти В. И. Даля и 80-летию со дня рождения В. И. Белова. В авторском слове В. Н. Крупина в кратком литературно-критическом тексте о писателе утверждалось, что «навсегда «ушли в народ» его повести и рассказы для взрослых и для детей. Испуганные авторитетом В. И. Белова критики выдумали оскорбительное вроде бы название такого писателя –«деревенщик». И ходили в «деревенщиках» и Распутин, и Астафьев, и Абрамов, и Лихоносов, и Потанин, и Личутин, и вскоре оказалось, что принадлежность к их отряду высокая честь, что это и есть магистральное направление русской прозы...» [Крупин, 2012, с. 17]. Очевидно, что в высокой оценке творчества Белова писатель сменил свое авторское образное слово на публицистическое слово журналиста.

Действительно, о литературном мастерстве В. И. Белова убедительно говорят сами тексты его произведений. Как и у В. М. Шукшина, в них яркая индивидуализированная крестьянская речь героев наряду с общеупотребительной лексикой содержит просторечия, элементы фольклора («Привычное дело», «Бухтины вологодские» и др.). Например, Иван Африканович Дрынов доброжелательно и шутливо обращается к коню с такими словами: *«Парме-ен? Это где у меня Парменко-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз. Дурачок ты, Парменко... Вот теперь поехали, поехали с орехами, поскакали с колпаками»* [Белов, 1991, с. 124–125].

Выдающиеся русские писатели обращались и обращаются к сокровищнице народного слова. И не только у В. Белова, В. Богомолова, В. Крупина, В. Распутина, В. Шукшина, но и у других авторское слово определяет содержание и форму художественного текста. В ходе дальнейших исследований более полно, по мнению В. А. Лукина, может быть выявлен эвристический потенциал

«лингвосемиотической модели художественного текста». Но уже сейчас очевидно расширение понятия «художественного текста» в зависимости от читательского восприятия, общества или целой исторической эпохи. Наряду с «текстом» употребляются такие понятия, как «контекст», «интертекстуальность», «интерпретация текста» и др. Между тем, несмотря на все изменения, в жизни «текст произведения» остается неизменным. Само классическое художественное произведение продолжает жить в умах и сердцах поколений, раскрывая свою «духовную тайну» и красоту. И в этом, видимо, кроется преимущество живого «произведения» перед застывшим формально-логическим понятием «текст». «Под каноническим текстом литературного произведения, – справедливо писал Д.С. Лихачев, – понимается текст раз и навсегда, закрепленный, установленный для всех изданий, твердый, стабильный...» [Лихачев, 1983, с. 498].

Выраженное и объективно закрепленное в соответствии с нормами языка в художественном тексте авторское слово живет в произведении, в старых и новых его изданиях, вступает в межкультурную коммуникацию. И именно законченный текст со всеми авторскими поправками способен увековечить имя автора и его художественное произведение.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Белов В. И. Собр.соч. в 5-ти тт. М., 1991. Т. 1.
- Будагов Р. А. Эстетические возможности языка // Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. М., 2001.
- Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Гей Н. К. Художественность литературы. М., 1975.
- Глушко Р. От составителя// Богомолов В. Жизнь моя, иль ты приснилась мне... М., 2012.
- Ильин И. А. Что такое искусство// Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993.
- Ингарден Р. Литературное произведение и его конкретизация// Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.
- Ирзабеков В. (Фазиль). Святая сила слова. Не предать родной язык. М., 2011.
- Крупин В. Белов – совесть России. // Русский Дом. 2012, № 10.
- Лихачев Д. С. Текстология. (На материале русской литературы X–XVII веков). М., 1983.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2011.

Распутин В. Г. Деньги для Марии. М., 2011.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. (Структура художественного текста и типология композиционной формы) // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.

Шукшин В. М. Собр.соч. в 8-ми тт. Барнаул, 2009а. Т. 6.

Шукшин В. М. Собр.соч. в 8-ми тт. Барнаул, 2009б. Т. 8.

АВТОРСКАЯ МАСКА В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

О.В. Марьина

Ключевые слова: маска автора, повествователь, рассказчик, герой.

Keywords: author's mask, story-teller, character.

Маска автора – это принцип игровой реализации образа автора, предполагающей его введение в текст в качестве трагестируемого (передетого, завуалированного) автора-персонажа, колеблющегося между позициями гения / клоуна, от лица которого ведется повествование. Самоиронизирование и самопародирование лишают высказывание этого гения значения авторитарности. Либо в повествовании есть образ героя-рассказчика, подвергающийся иронизированию, пародированию, нередко абсурдизации и шизоизации [Скоропанова, 2000, с. 73]. Маска автора «настраивает» читателя на определенное восприятие, организует реакцию, обеспечивая тем самым необходимую литературную коммуникативную ситуацию.

По утверждению Л. А. Софроновой, «текст находится в динамических отношениях с автором и читателем. В них вмешивается и литературный герой» [Софронова, 2006, с. 19]. Именно в этих разнонаправленных связях решается вопрос об идентичности автора и героя, героя и читателя, автора и читателя.

В художественных текстах 1980–2000-х г.г. автор-повествователь либо скрывается под маской, либо вовсе не нуждается в ней, а реальные персонажи легко сочетаются с вымышленными точно так же, как вымышленные события накладываются на реальный антураж.

Так, первые рассказы Л. Улицкой посвящены воспоминаниям о детстве, и связаны они с беззаботной порой, когда ребенок еще не знает, что в жизни, помимо ссор между соседями, мелкого воровства (цикл рассказов «Детство 49»), существует смерть близких людей, разлука, предательство: *Она не то чтобы Славу любила, нет, конечно, но она любила воспоминания своей молодости и помнила, как была влюблена в светлого одухотворенного мальчика, как слушали они музыку и как страдал он от несовершенства тогдашней звукозаписи: у Караяна шесть пиано и восемь форте, а здесь все слипается...* (Л. Улицкая «Голубчик»).

В одном из интервью Л. Улицкая сказала: «Я – человек, у которого страхов в жизни делается все меньше и меньше. Я и по натуре не очень боязлива, и есть у меня сознательное отношение к страхам как к вещам, которые должны преодолеваться, изживаться... Поэтому второе, умозрительное “проживание” детства имело, наверное, для меня еще и терапевтическое значение. Меня туда и до сих пор очень часто “приглашают” – заглянуть, что-то найти...» [Георгадзе, URL].

Тема Т. Толстой – это бегство в замкнутый мир, мир детства, отгороженный от пошлой будничности прекрасными метафорическими деталями. «Литературный герой, осознавший свою условность, помнящий о своем происхождении, становится героем другого романа. Вместе с человеческим обликом персонаж теряет и право говорить, а точнее, вещать правду. Ведь отныне он живет не в настоящей, а в игрушечной вселенной, у которой свои законы, свои заповеди, своя, художественная правда» [Генис, 2002, с. 92].

Рассказы Т. Толстой могут содержать воспоминания о детстве как о самом счастливом времени жизни героев, а могут и начинаться с повествования «из детства». Даже несчастные, «больные» люди, не реализовавшие себя в жизни (герои рассказов «Петерс» и «Вышел месяц из тумана»), с трепетом и упоением думают о своем безоблачном детстве, о той поре, когда они не чувствовали себя лишними, «другими» в жестоким мире взрослых: *Сонными дуновениями, скользкая тень приходят к Наташе одинокими ночами воспоминания об исполинских деревьях, безбрежной ширины дорогах, уходящих ввысь куполах потолков. Кануло, потерялось, ушло. Тогда, давно, в том рассыпанном мире, на зеленых лужайках они играли в счастливейшие игры...* («Вышел месяц из тумана»).

Героиня рассказа может радоваться только во сне, когда «видит» свое детство, игры со сверстниками и представляет мир окружающий как сказочный, таящий в себе много чудесного и таинственного. В такие моменты она не думает о своей внешности, которая во взрослом состоянии не дает ей покоя: *Имя обещало большие серые глаза, мягкие губы, нежный силуэт, веселые волосы с искорками. А вышло – толстое, по-*

ристое лицо, нос баклажанчиком, унылая грудь и короткие, крутые велосипедные икры.

Детство героя рассказа «Петерс» казалось беззаботным потому, что он никогда не общался со своими сверстниками, не играл с ними, проводил все время с бабушкой, для которой, как и для ее приятельниц, самым главным было, чтобы ребенок не шалил, не грубил, слушал взрослых: *У Петерса с детства были плоские ступни и по-женски просторный живот. Покойная бабушка, любя его и таким, обучала его хорошим манерам – все-все-все прожевывать, заправлять салфетку за воротник, помалкивать, когда говорят старшие. Так что он всегда нравился бабушкиным подружкам.*

Но стоило мальчику «выйти в свет», столкнуться с другими людьми, как его безоблачный мир был разрушен: *Когда Петерсу исполнилось шесть лет, бабушка взяла его в гости на елку... Начинаясь прекрасная жизнь... Петерс встал посреди комнаты и ждал, когда начнут дружить. «Догоняй, пузан!» – крикнули ему. Петерс побежал куда-то наугад и остановился. На него налетели, он упал и поднялся, как ванька-встанька. Жесткие взрослые руки отодвинули его к стене. Там он простоял до чая.*

Герои, сталкиваясь с внешним миром, полным забот, жестокости, предательства, обмана, не хотят покидать загадочный мир детства. Так, Симеонов, герой рассказа «Река Оккервиль», «чувствуя себя особенно носатым, лысеющим, особенно ощущая свои нестарые года вокруг лица и дешевые носки далеко внизу, на границе существования», строит в своем воображении образцовый городок в табакерке: *«Нет, не надо разочаровываться, ездить на речку Оккервиль, лучше мысленно обсадить ее берега длинноволосыми ивами, расставить крутоверхие домики, пустить неторопливых жителей, может быть, в немецких колпаках, в полосатых чулках, с длинными фарфоровыми трубками в зубах».*

В рассказе «На золотом крыльце сидели...» выросшая героиня обнаружила, что волшебный мир ее детства грубо порушен годами: *Как давно я здесь не была. Какая же я старая! Что же, вот это и было тем, пленявшим? Вся эта ветошь и рухлядь, обшарпанные крашенные комодики, топорные клеенчатые жардиньерки. Вытертый плюш, штопанный тюль, рыночные корявые поделки, дешевые стекляшки? Как глупо ты шутишь, жизнь! Пыль, прах, тлен. Вынырнув с волшебного дна детства, из теплых сияющих глубин, на холодном ветру разожжем озябший кулак – что, кроме горсти сырого песка, унесли мы с собой?*

Происходит не столько внешнее изменение обстановки, предметов, которые казались героине четверть века назад сказочными, живыми, вызывали любопытство, сколько меняется отношение рассказчицы к жизни: она взрослеет и уже не находит никакой прелести в старых, обшарпанных вещах соседа.

Дети живут в своем мире, даже трагедию, смерть, опасность они рассматривают иначе, чем взрослые: *Птица Сирин задушила дедушку* («Свидание с птицей»). Для Пети – главного героя рассказа рисовая каша в тарелке – это тающий остров масла, плавающий в Саргассовом море; соседка – Тамила, заколдованная красавица с волшебным именем, которая живет на стеклянной голубой горе с неприступными стенами, на такой высоте, откуда виден весь мир.

Но жизнь рассказчика-ребенка может не быть беззаботной и безоблачной: *Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу* (П. Санаев «Похороните меня за плинтусом»).

Иногда рассказчик-ребенок (подросток, молодой человек) высказывает надежду просто выжить: *В случае, если мы не одни, к нам придут. Это ясно всем. Но, во-первых, у отца есть ружье, у нас есть лыжи и есть чуткая собака. Во-вторых, когда еще придут! Мы живем, ждем, и там, мы знаем, кто-то живет и ждет, пока мы взрастим наши зерна и вырастет хлеб, и картофель, и новые козлята, – вот тогда они и придут. И заберут все, в том числе и меня* (Л. Петрушевская «Новые Робинзоны»).

Выросшие герои соотносят свои настоящие желания, стремления, сомнения с теми, какие были у них в детстве, юности. Например:

– *Как вас зовут?* – *спросила Инна.*

– *Вадим.*

Когда-то, почти в детстве, ей это имя нравилось, потом разонравилось, и сейчас было скучно возвращаться к разочарованию (В. Токарева «Старая собака»).

Итак, выбор темы детства как одной из основных тем в литературе данного периода, ее раскрытие в полной мере возможно в том случае, когда в повествование включается непосредственный участник событий «из того времени», герой-рассказчик, поэтому во фрагментах текста прямая речь повествователя сосуществует с прямой речью рассказчика или несобственно-прямой, косвенной и свободной прямой речью.

Вспоминая о событиях давно минувших дней, повествователь / рассказчик дает возможность читателю увидеть их глазами ребенка и взрослого или оценить произошедшее по истечении определенного срока. Это яркий стилистический прием в текстах русской художественной прозы конца XX – начала XXI веков.

Литература

Генис А.А. Расследования : два. М., 2002.

Георгадзе М. Персона Недели : Людмила Улицкая. [Электронный ресурс]. URL:

<<http://www.litwomen.ru/autogr23.html>>.

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М., 2007.

Софронова Л.А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006.

Улицкая Л. Возможно ли христианство без милосердия? [Электронный ресурс].

URL: <<http://magazines.russ.ru/studio/2004/8/ul1 — 7.html>>.

Федянина Е.Н. Мне интересна жизнь «серых людей». [Электронный ресурс]. URL: <<http://library.vdonsk.ru/obzor/ulitskaya.phtml>>.

КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОГО КОМПОНЕНТА МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ПРИ ЕГО ВОСПРИЯТИИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Ю. ВИЗБОРА)

Н.Ю. Чернышева.

Keywords: communicative orientation, emotional semantic component, perception.

Keywords: communicative aspect, emotional semantic component, perception.

Изучение особенностей восприятия музыкально-поэтического произведения является в настоящее время, на наш взгляд, одним из интересных аспектов при исследовании текста в процессе коммуникации. Связано это с необходимостью анализа коммуникативной природы вербального и невербального пространства в едином художественном целом, с выявлением компонентов, обладающих коммуникативной направленностью при восприятии и понимании художественного произведения, а также с «развивающейся в методологии гуманитарного знания тенденцией к мультипарадигмальности и междисциплинарности, активно проявляющейся в отношениях филологии и коммуникативных наук» [Чувакин, 2013, с. 187].

Как известно, поэтические и музыкальные тексты создаются при организации разных структурных уровней в соответствии с физиологически и психологически комфортными режимами восприятия. Особая роль в этом принадлежит звуковой организации текста, так как оптимизация воздействия возможна только благодаря введению в текст слов, где все буквенные, слоговые и фонетические значимости заме-

щаются значимостями исключительно тоническими [Чернышева, 2002, с. 111]. Слово в этом случае репрезентирует смысловое поле как некую многомерную самоорганизующуюся структуру. Музыкальное звучание также обладает многомерностью, что признается исследователями. Так, Б.Л. Яворский, в статье «Заметки о творческом мышлении русских композиторов от Глинки до Скрябина» пишет о том, что музыкальное произведение является «...многосоставным даже в своем однополосном оформлении, допускает многоголосность своего одновременного осуществления, доведенного до полифонности – до сложности одновременного сосуществования и скрещения нескольких музыкально оформленных образов [Яворский, 1987, с. 46].

Такая явная параллель с некоторыми особенностями вербального текста определяется рассмотрением «единицы» музыкального текста и с позиций внеконтекстуальных и, с другой стороны, как компонента контекста. По всей видимости, существуют коммуникативные характеристики, общие для вербального и музыкального текстов, что потребовало проведения экспериментального исследования.

Цель эксперимента – выявление в музыкально-поэтическом тексте при его восприятии компонента, обладающего коммуникативной направленностью.

Задачи эксперимента – определение особенностей выявленного компонента и его роли во взаимодействии вербального и музыкального текстов.

Материалом исследования послужило творчество Ю. Визбора, в частности музыкально-поэтический текст «Мне твердят, что скоро ты любовь найдешь...»:

*Мне твердят, что скоро ты любовь найдешь
И узнаешь с первого же взгляда...
Мне бы только знать, что где-то ты живешь,
И, клянусь, мне большего не надо.
Снова в синем небе журавли трубят,
Я хожу по краскам листопада...
Мне бы только мельком повидать тебя,
И, клянусь, мне большего не надо.
Дай мне руку, слово для меня скажи,
Ты моя тревога и награда...
Мне бы только раз прожить с тобой всю жизнь,
И, клянусь, мне большего не надо [Визбор, 2009].*

Для верификации поставленных цели и задач мы обратились к аудитории различного социального и возрастного статуса: студентам

Алтайского государственного университета, к будущим предпринимателям, учителям, психологам. Общее число участников эксперимента составило 185 человек.

Эксперимент проводился в два этапа.

На первом этапе реципиентам было предложено прослушивание музыкального текста Ю. Визбора и определение в нем основного содержания. При этом необходимо было выявить прежде всего эмоционально-смысловые особенности произведения при ответе на вопросы: «Какие эмоции вызывает у Вас прослушивание музыкального текста?» и «Что повлияло на Ваше восприятие?»

На втором этапе испытуемые прослушали вербально-музыкальный текст Ю. Визбора в исполнении автора и ответили на вопрос: «Совпадают ли эмоции, возникшие в результате восприятия музыкального текста, с эмоциями, формирующимися в процессе прослушивания музыкально-поэтического текста?» и (так же, как и на первом этапе) «Что повлияло на Ваше восприятие?».

На обдумывание и запись ответов отводилось 7–9 минут, с произведением Ю. Визбора испытуемые не были знакомы.

Результаты проведенного эксперимента показали следующее.

В качестве эмоции, возникшей при восприятии музыкального текста, респонденты выделили эмоцию грусти: «...музыка немного грустная, очень красивая», «основная эмоция – светлая грусть», «произведение грустно-спокойное», «грусть, расставание», «радость и легкая грусть, словно напоминание о забытом». Общее количество процентов совпадения ответов – 85%. В нескольких анкетах (15%) восприятие музыкального текста представлено описательно, что, на наш взгляд, не противоречит предыдущим ответам: «музыка вызывает ностальгические чувства», «произведение немного похоже на сказку, которую слышал очень давно», «восхищение и ностальгия», «легкость, прозрачность, воздушность», «чувство душевного спокойствия».

На восприятие повлияла, по мнению испытуемых, эмоциональная направленность музыкального текста (74% ответов), выраженная в мелодии, которая сочетает в себе, как показано в анкетах, «широкие ходы в начале фразы и звуковую последовательность в ее конце», «минорную и мажорную тональности» и (что было особенно интересно) «музыку и предполагаемый человеческий голос». Некоторые респонденты (24%) выделили только эмоцию грусти, не отметив причины, повлиявшей на ее возникновение. Небольшая часть испытуемых (2%) в эксперименте участвовать отказалась.

При описании восприятия музыкально-поэтического произведения респонденты (85% от общего числа) так же, как и при восприятии музыкального текста, выделяют эмоцию грусти: «произведение вызывает грусть», «музыка и слова полностью совпадают по своей эмоциональной окраске, звучат гармонично и грустно», «эмоции совпадают, песня очень нежная и грустная», «грусть усилилась». В качестве причины, повлиявшей на подобное восприятие, испытуемые называют, во-первых, общую эмоцию рефрена музыкально-поэтического текста («особенно грусть подчеркивается в словах, заканчивающих каждую из трех строк»), «когда идет повторение в конце строфы, очень грустно»), во-вторых, значимым при определении эмоционального содержания произведения стали для респондентов строчки *я иду по краскам листопада, снова в синем небе журавли трубят, ты моя тревога и награда*, которые подчеркивают, по их мнению, эмоцию грусти.

Предварительные результаты проведенного эксперимента позволяют заключить, что музыкально-поэтический текст содержит коммуникативно направленный смысловой компонент, который реализуется прежде всего на эмоциональном уровне. Носителем эмоционального содержания в музыкальном тексте является мелодия, ее структура, тональность и близость к вербальной речи. В музыкально-поэтическом тексте наряду с указанными единицами значимость приобретают особым образом организованные лексемы, что требует их дополнительно рассмотрения.

Литература

Чернышева Н.Ю. Ритм художественного текста как смыслообразующий фактор его понимания : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) // Филология и человек. 2013. № 1.

Яворский Б.Л. Заметки о творческом мышлении русских композиторов от Глинки до Скрябина. М., 1987.

ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ : ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

«ФИЛОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЕ НАУКИ»: ПРОЕКТ УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ ДЛЯ МАГИСТРАТУРЫ

А. А. Чувакин

Ключевые слова: взаимодействие филологии и коммуникативных наук; учебное пособие для магистратуры.

Keywords: interaction of philology and communication sciences, text book for graduate students.

Введение магистерской подготовки на основе действующего Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» (квалификация (степень) «магистр») (далее – ФГОС) предполагает выполнение ряда требований к условиям реализации основных образовательных программ магистратуры. В число этих требований входит обеспечение образовательных программ необходимой учебной литературой. Выполнение этой задачи сталкивается с рядом существенных трудностей. Дело в том, что магистерская подготовка на основе ФГОС стала более вариативной, чем ранее: при сохранении программ научно-исследовательского типа вводятся программы прикладные; получили развитие программы междисциплинарные и международные¹. Фактически только от потребностей рынка и возможностей вуза зависит основное содержание программ. Однако при всем содержательном многообразии программ, по мнению коллег, работающих в Совете по филологии УМО по классическому университетскому образованию, в ближайшие годы наиболее востребованными

¹ Более подробно см.: [Ковтун, Родионова, 2010, с. 14-38]; [Бюллетень..., 2012. № 14].

будут программы «педагогические» (подготовка преподавателей вузов и профильной школы), редакционно-издательские, «коммуникативные» (например, «Теория и практика языковой коммуникации»), критико-креативные (литературно-творческие), рекламные и журналистские (например, «Язык СМИ и рекламы» и т.п.)» [Ковутн, Родионова, 2010, с. 32]. Опыт магистерской подготовки на филологическом факультете Алтайского государственного университета, начатой в 1994 году, позволяет утверждать, что перечисленные программы фактически находятся в русле коммуникативной (включая риторическую) составляющей высшего профессионального образования или предполагают ее в значительном объеме. Из сказанного ясно, что в данной ситуации задача обеспечения магистратуры учебной литературой актуальна в высшей степени.

Задача эта отличается и большой сложностью. Магистратура по филологии в России только-только перестает быть экспериментом. Специальных учебных изданий для филологов-магистрантов единицы. В статье, опубликованной до утверждения ФГОС, мною было отмечено: «Чаще всего роль учебного издания выполняют издания научные, что вполне естественно, но не отменяет необходимости собственно учебных изданий. Поэтому даже сам облик учебного издания для студентов магистратуры во многом и многим не вполне ясен. Наш опыт подготовки учебных изданий для филологов-магистрантов показывает, что независимо от профиля подготовки и вида деятельности магистра смысловым стержнем учебного издания является направленность на выработку у обучающихся исследовательских компетенций (будь то теоретическое или прикладное исследование). Поэтому важно в книге не только представить определенные сведения из теории, «остановленной» в учебных целях, но и эксплицировать движение мысли по пути построения предмета исследования, по пути его постижения, выделить базовые категории и понятия, сложившиеся в науке, в их сложности и противоречивости, выявить нерешенные проблемы. Хорошо, если студент увидит в книге вопросы, оставшиеся в науке без ответа; овладеет методологией превращения знания теоретического в операциональное. Это означает, что текст учебного издания для магистрантов должен быть открытым (ср. идею открытого произведения у У. Эко)» [Чувакин, 2009, с. 20–21].

Опыт магистерской подготовки на основе всех трех государственных стандартов показывает, что для магистратуры наиболее целесообразнее иметь не учебники, а учебные пособия. Общий облик учебного пособия очерчен в приведенном извлечении. Детализируя воз-

возможный облик учебного пособия, выделю два вида учебных пособий: в одних преобладает авторский текст, другие построены как собрание текстов (хрестоматия), в котором автору-составителю принадлежит отбор текстов, их компоновка, сопроводительная информация. Учебные пособия для магистратуры имеют примеры учебных изданий того и другого типа. Таковы, например, соответственно «Теория текста» / под ред. А. А. Чувакина. М., 2010 и «Актуальные проблемы современной лингвистики» / сост. Л.Н. Чурилина. М., 2008. Разумеется, учебное пособие каждого из типов способствует приобретению обучающимися частично различающихся наборов компетенций.

Обратимся к магистерской подготовке филолого-коммуникативной направленности. Содержание таких программ лежит на пересечении двух областей знания – филологического и коммуникативного, то есть является, по сути дела, междисциплинарным; то же касается и практической деятельности магистра, прошедшего обучение по программам такого рода: разделить в ней филологическую и коммуникативную составляющие – задача не простая. Это означает, что представление и описание объекта в рамках одной научной области вряд ли вскроет всю сложность этого объекта в процессах его существования. Взаимодействие филологических и коммуникативных наук на современном этапе, как показано в [Чувакин, 2011, с. 7–18], [Чувакин, 2012, с. 146–157], имеет место в нескольких областях – методологической, теоретической, эмпирической и др. Самое простое свидетельство этого – включение одних и тех же терминопонятий в энциклопедические издания по филологии и по коммуникативным наукам. Приведем некоторые из терминов, зафиксированных в трех или даже четырех энциклопедических изданиях – двух филологических и двух из области коммуникации ([Лингвистический энциклопедический словарь, 2008], [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003], [Эффективная коммуникация, 2005], [Эффективное речевое общение, 2012]): *коммуникация, общение, речь, диалог, монолог, устная речь, письменная речь, высказывание, сообщение, текст, жанр, жест, смысл, понимание, интерпретация, дискурс, знак, символ, миф, герменевтика, семиотика, риторика, адресат, говорящий, автор / образ автора, читатель, языковая личность, культура речи, языковая норма, лингвистическая прагматика, перевод*. К этому прибавим, что материалы интересующих нас разделов – SPEECH, THEORIES OF COMMUNICATION, LANGUAGE AND LINGUISTICS, LITERATURE – представлены в тематическом справочнике издания «International

Encyclopedia of Communications» [International Encyclopedia..., 1989, v. 1, p. 363–368].

Итак, учебная литература для магистерских программ филолого-коммуникативной направленности своим содержанием должна находиться в междисциплинарном пространстве.

Все приведенные факторы демонстрируют актуальность и сложность филолого-коммуникативной подготовки в магистратуре и необходимость создания учебной литературы для успешного функционирования филолого-коммуникативных магистерских программ.

2. Отсюда *главные задачи* предлагаемого проекта состоят в том, чтобы, во-первых, разработать модель учебного пособия для осуществления учебной дисциплины, которая служит фундаментом подготовки студентов в магистратуре филолого-коммуникативной направленности, во-вторых, на основе исследования филолого-коммуникативных связей в современной гуманитарной науке – с позиции филологии – подготовить учебное пособие по дисциплине «Филология и коммуникативные и науки» для магистрантов. Таким образом, проектируемые результаты проекта находятся в сферах междисциплинарных отношений филологии и коммуникативных наук (теоретический и методологический аспект результата) и образовательной деятельности в высшей школе (практический аспект результата).

3. На проведенном в Алтайском университете (далее: АлтГУ) научном семинаре, посвященном проблеме взаимодействия филологии и коммуникативных наук (см.: [Чувакин, 2013, с. 187–190]), обсуждалась идея создания учебного пособия для студентов магистратуры, обучающихся по программам прямой (непосредственной) коммуникативной направленности, напр.: «Теория и практика речевой коммуникации», «Теория и практика перевода», «Риторика и речеведение» и под. Участники семинара согласились в том, что учебное пособие будет выполнено в жанре хрестоматии. В условиях действия ФГОС (ориентация на компетентностную модель подготовки, снижение в магистратуре числа лекций до 20% от общего объема аудиторных занятий, увеличение числа практических занятий, в том числе в активных и интерактивных формах, повышение роли самостоятельной работы студентов, внедрение модульно-рейтинговой системы и др.) хрестоматия представляет собой наиболее «мобильный» вариант учебного пособия – в сравнении, например, с «традиционным» учебным пособием. Именно хрестоматия позволяет обеспечить студентов разноаспектными материалами – теоретической и прикладной направленности, отечественными и зарубежными, на русском языке и на языке оригинала,

общероссийскими и региональными. Наконец именно хрестоматия обладает сильным потенциалом в деле стимулирования самостоятельной работы студента магистратуры: чужие и разнообразные воззрения, рассмотрение проблематики с позиций филологических и коммуникативных наук, в русле теории, методологии и практики, во имя постановки и решения теоретических и прикладных задач и под. – все это и может стать тем фактором, который вызовет активное внимание и активную деятельность обучающихся.

Представленные в книге материалы будут предваряться пояснениями и завершаться вопросами и заданиями, а также перечнем дополнительной литературы.

В основу книги будут положены программа учебной дисциплины и учебно-методические материалы, разработанные на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации АлтГУ и используемые в учебном процессе в течение ряда лет.

4. Структура книги будет состоять из следующих разделов:

Предисловие: к читателю с краткой характеристикой издания, а также советами преподавателю и студенту об использовании книги.

*Основные разделы*¹ таковы:

Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней: основные этапы развития взаимодействия филологического и коммуникативного знания, филологии и коммуникативных наук в XX – начала XXI веков.

Человек в коммуникации: Человек говорящий как объект филологии и коммуникативных наук: общее и различное. Homo loquens – homo verbo agens – homo communicans. Homo communicans в коммуникативной ситуации. Категория коммуникативной деятельности.

Язык в коммуникации: Язык как объект филологии и коммуникативных наук. Семиотическая природа языка. Естественный язык и другие языки в коммуникации, их взаимодействие. Языки в коммуникации и «языки коммуникации».

Текст в коммуникации: Текст как объект филологии и коммуникативных наук. Текст – естественный язык – средства иных знаковых систем. От текста – к сообщению. Речевой жанр как форма текстового сообщения. Текст в коммуникативной ситуации.

Методы филологического исследования коммуникации: Формирование коммуникативно-дискурсивного подхода к анализу текста в со-

¹ Характеристика разделов дана на основе [Магистерская программа, 2012, с. 10-12, 19-20].

временной науке. Разнообразие коммуникативных подходов к изучению социокультурных пространств коммуникативного взаимодействия (когнитивные, личностные подходы). Комплексные методики.

Состав и содержание разделов определяется следующими принципами: (а) содержательным центром материалов выступают три объекта, составляющих фундамент и филологии и коммуникативных наук: человек – язык – текст; (б) построение на основе идеи: история – теория – методы.

5. В заключение приведем перечень важнейших изданий, подготовленных на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации АлтГУ в ходе проводимых филолого-коммуникативных исследований и в связи с подготовкой и реализацией магистерских программ «Русский язык» (модуль «Русский язык в процессах коммуникации»), «Риторика и речеведение», «Теория и практика речевой коммуникации» и др. Эти работы могут быть использованы при составлении хрестоматии.

Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого воздействия в социуме. Барнаул. 2012; Кощей А.А., Чувакин А.А. Ното loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1; Основы общей риторики: учеб. пособие. Барнаул, 2000; Основы филологической теории коммуникации. Методы филологического исследования коммуникации // Магистерская программа по направлению 032700 Филология (специализация «Теория и практика речевой коммуникации»). Барнаул, 2012; Текст в коммуникативном пространстве современной России: моногр. Барнаул. 2011; Теория текста: учеб. пособие. М., 2010; Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: сб. ст. Барнаул, 2009. Ч. 1; Ч. 2; Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций: сб. ст. Барнаул, 2005; Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009; Чувакин А.А. Госстандарт – студент – учебное издание для вузов // Учебная книга. 2009. № 2; Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья первая // Филология и человек. 2011. № 4; Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая // Филология и человек. 2012. № 4; Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1; Чувакин А.А. Основы филологии : учеб. пособие. М., 2011; Чувакин А.А. Теория текста: объект и предмет исследования //

Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7; Чувакин А.А. Университетское филологическое образование на современном этапе // *Alma mater: Вестник высшей школы*. 2012. № 10; Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) // *Филология и человек*. 2013. № 1; Чувакин А.А. Язык как объект современной филологии // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология. Сер. 7. Улан-Удэ*, 2007; Чувакин А.А., Качесова И.Ю., Панченко Н.В. Текст как объект филологической теории коммуникации // *Политика в зеркале языка и культуры*. М., 2010. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10); А.А. Чувакин, Т.В. Чернышова, И.Ю. Качесова, Л.А. Кошей, Н.В. Панченко. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина: программа и ее возможная интерпретация // *Филология и человек*. 2009. № 1.

Литература

Информационный бюллетень Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Орел, 2012. № 14. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~umo/in/FILE473.pdf> (дата обращения 01.03.2013).

Ковути Е.Н., Родионова С.Е. Филологическая магистратура в России : вчера и завтра // Информационный бюллетень Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Великий Новгород, 2010. № 12.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2008.

Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.

Магистерская программа по направлению 032700 – Филология (специализация «Теория и практика речевой коммуникации»). Барнаул, 2012.

Чувакин А.А. Госстандарт – студент – учебное издание для вузов // *Университетская книга*. 2009. № 2.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья первая // *Филология и человек*. 2011. № 4.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации : статья вторая // *Филология и человек*. 2012. № 4.

Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) // *Филология и человек*. 2013. № 1.

Эффективная коммуникация : история, теория, практика. М., 2005.

Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Красноярск, 2012.

International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford, 1989. v. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223> (дата обращения 05.09.2012).

**КОММУНИКАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
(КОНЦЕПЦИИ, МЕТОДЫ, ПРИЕМЫ) В КОНТЕКСТЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО
В КАЗАХСТАНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Г.А. Кажигалиева

Ключевые слова: преподавание русского языка как неродного, концепция, методы и приемы коммуникативного обучения.

Keywords: teaching Russian as a foreign language, theory, methods and techniques of communicative aspect in language teaching.

Ситуация, сложившаяся на сегодня в школе и в вузе, требует решения насущных проблем – воспитания речевой культуры, создания предпосылок к заинтересованности учеников в свободном владении языком, формирования умения общаться (не только говорить, но и слушать другого), вести дискуссию, выражать свою точку зрения наиболее выразительными и действенными средствами. Один из путей решения указанной проблемы, на наш взгляд, – это осознанная ориентация на коммуникативное, мотивированное обучение, на языковое воспитание как основу формирования *коммуникативной личности*. В этом случае на первый план выходит содержательная, коммуникативная доминанта в обучении: учить нужно тому, что прежде всего понадобится в практике речевого общения говорящего и пишущего. Формирование коммуникативной личности, таким образом, – главная цель современного школьного и вузовского лингвистического образования.

Наблюдения, обзор современной научно-методической литературы, а также собственный научно-педагогический опыт автора показывают, что усиление функционального и коммуникативного подходов к обучению убедительно обосновано с лингвистических, психологических и методических позиций: не следует разрывать в процессе изучения языка то, что связано и по смыслу, и по логике коммуникации; прежде чем выразить мысль, человеку необходимо произвести отбор из имеющихся (или по крайней мере известных) средств выражения наиболее, на его взгляд, подходящих для данной ситуации, для данного типа речи; при изучении уровневой структуры языка нужно рассматривать его как статичную систему. Переход к изучению активной, динамической системы языка приближает обучающихся к реальным условиям его функционирования.

В пользу приоритетности коммуникативного языкового обучения в условиях вузовской подготовки говорит и необходимость развития профессиональной коммуникативной компетентности обучающихся, поскольку последнее представляет собой главное условие успешной социализации выпускника любого вуза, в том числе педагогического. Наличие профессиональной коммуникативной компетентности – это ключевое условие для дальнейшего самообразования, самореализации и самоопределения выпускников педагогического (и не только) вуза.

Обучение русскому языку как неродному – это сложный, многоаспектный процесс усвоения обучающимися знаний, умений, навыков, способов познавательной деятельности; формирования у них коммуникативной компетенции. Цель обучения русскому языку как неродному, главным образом, практическая, и формулируется она с ориентацией на коммуникацию – практическое овладение неродным языком как средством устного и письменного общения.

Сообразно указанной цели в преподавании русского языка как неродного используются специальные методические принципы, такие как коммуникативность и функциональность, устная основа обучения, опора на родной язык учащихся, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности и др. [Бальхина, 2010]. При этом, к примеру, принцип коммуникативности и функциональности предполагает организацию обучения в условиях, максимально приближенных к естественным, в связи с чем на занятиях используются учебные, в том числе проблемные, ситуации, групповые формы работы. А соблюдение принципа концентрической организации материала предусматривает его распределение по циклам-концентрам тематического характера; в каждом последующем центре осуществляется расширение материала на основе изученного и овладение новым (например, студентам педагогического вуза при введении научного стиля целесообразно ознакомиться с пластами лексики научного стиля, со структурно-содержательными особенностями терминологической лексики по соответствующей специальности (общие характеристики), с морфологическими и синтаксическими особенностями русской научной речи). Учет принципа комплексности же предполагает параллельное усвоение фонетики, лексики, грамматики и развитие устной речи, чтения, письма с самого начала обучения; при этом, безусловно, учитывается специфика работы над каждым отдельно взятым языковым или речевым аспектом. То есть сфера преподавания русского языка как неродного уже по определению должна предусматривать коммуникативное языковое обучение.

Проведенная нами диагностика (начало учебного года, сентябрь) профессиональной коммуникативной компетентности студентов 1 курса казахских отделений неязыковых и гуманитарных факультетов Казахского национального педагогического университета им. Абая показала, что многие из них испытывают коммуникативные трудности, что проявляется в низкой речевой культуре, в проблематичности выступления на русском языке перед аудиторией на профессионально-специальные темы, в сложности презентации своих учебных и научных достижений, в наличии речевых и грамматических ошибок в русской письменной и устной речи.

Все вышесказанное дает основание сделать вывод о необходимости усиления коммуникативной подготовки будущих педагогов, направленной на обеспечение высокого уровня коммуникативных умений и навыков, используемых, в том числе в условиях профессиональной коммуникации.

В чем же специфика коммуникативного (коммуникативно-деятельностного) подхода к обучению русскому языку как неродному в педагогическом вузе (под *подходом* мы вслед за А. Н. Щукиным понимаем самую общую методологическую основу обучения (языку) [Щукин, 2003])? Доминанты коммуникативно-деятельностного подхода заключаются в максимальном учете индивидуально-психологических, возрастных, национальных особенностей обучающихся, их интересов; в выборе речевой деятельности во всех ее видах и формах (слушание, говорение, чтение, письмо) в качестве объекта обучения; в создании у обучающихся потребности в общении; в усвоении в процессе общения коммуникативно и профессионально значимой информации; в активизации речемыслительных резервов и предшествующего речевого опыта, в использовании соответствующих коммуникативных стратегий, позволяющих передать содержание высказывания, в том числе при недостаточной сформированности языковой базы (стратегии уклонения, компенсаторные стратегии); в использовании разных способов общения, в том числе интерактивного, перцептивного; наконец, в формировании и развитии коммуникативной компетенции. При характеристике коммуникативно-деятельностного подхода к обучению русскому языку важно отметить, что оно направлено на: а) формирование умений и навыков осуществлять речевое общение в типичных речевых ситуациях с учетом функционально-стилистических языковых норм; б) обучение общению с помощью тематически организованного учебного материала, создание речевых ситуаций на занятиях, выполнение ситуативных упражнений; в) использование в учебном

процессе текста как основной дидактической единицы учебного материала; г) работу над речевыми жанрами (поскольку такая деятельность – обязательное условие реализации коммуникативного подхода к изучению языка) [Балыхина, 2010; Митрофанова, Костомаров, 1990].

Актуальность коммуникативно-деятельностного подхода сегодня обусловлена ориентацией методики на практическое овладение русским языком, предусматривающее переход от сознательного усвоения учащимися единиц языка к употреблению их в речевых ситуациях, приближающихся к ситуациям естественного речевого общения дома, в школе, в вузе, с одноклассниками, сокурсниками и преподавателями, в быту и т.д. Под практическим владением языком понимается владение обучающимися всеми видами речевой деятельности: слушанием, говорением, чтением, письмом – в наиболее важных сферах общения [Балыхина, 2010]. Иначе в коммуникативной методике на первый план в качестве важнейшей цели обучения выходит задача формирования умений и навыков речевого общения, или коммуникации. Такая цель обучения предусматривает приобретение обучающимися умений не только грамотно, в соответствии с языковыми нормами, говорить, но и задавать вопросы собеседнику, выражать согласие или несогласие с услышанным, высказывать пожелание, просьбу, оценивать высказывание, поступок и т.д., то есть умений вступать в общение и вести его.

Поскольку коммуникативная методика фокусируется на формировании умений и навыков речевого общения, или коммуникации, то есть на практическом владении обучающимися всеми видами речевой деятельности (слушанием, говорением, чтением, письмом), то последнее оптимально, на наш взгляд, реализуется через методику взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности. Как известно, в реальном общении и в процессе обучения отдельные виды речевой деятельности выступают в тесном взаимодействии; в связи с этим методисты [Турсунов, 1964; Мотина, 1983 и др.] пришли к закономерному выводу о перспективности и плодотворности взаимосвязанного обучения аудированию, говорению, чтению и письменной речи. Важную роль в обосновании и становлении методики взаимосвязанного обучения сыграли такие факторы, как наличие коррелирующих умений, необходимых и для рецепции, и для продуктивной речи, а также общность механизмов, обслуживающих виды речевой деятельности. Вместе с тем, взаимосвязанное обучение не исключает обучения, направленного на развитие каких-либо отдельных видов речевой деятельности.

Как показывает обзор научно-методической литературы, под взаимосвязанным понимают обучение, направленное на параллельное

формирование четырех основных видов речевой деятельности в рамках их определенного последовательно-временного соотношения, на основе общего языкового материала и с помощью серии специальных упражнений [Асеева, 1998]. Параллельность и сбалансированность взаимосвязанного обучения языкам предполагают, что все виды речевой деятельности с самого начала используются в учебном процессе, выступая при этом попеременно то как цель, то как средство обучения. К примеру, если основной целью определенного цикла занятий является обучение чтению, то при работе с печатным текстом обучающиеся в то же время воспринимают устные инструкции-установки преподавателя, отвечают на вопросы, выполняют отдельные письменные задания и т.д. Иначе, и аудирование, и говорение, и письмо участвуют в учебном процессе только в качестве средства обучения.

Поскольку в коммуникативной методике языкового обучения основной целью является формирование умений и навыков вербальной коммуникации, иначе – формирование коммуникативной компетенции, важно обратить внимание на то, что понимается под компетенцией, а также под коммуникативной компетенцией. Под компетенцией понимается совокупность тех знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения (русскому) языку и способствуют овладению им [Быстрова, 2004, с. 66].

Еще раз отметим, что в нашем случае, в условиях преподавания русского языка как неродного студентам педагогического вуза, коммуникативная компетенция обучающегося представляет собой базовое понятие и конечную цель обучения русскому языку. На сегодня существует не одно определение того, что следует понимать под коммуникативной компетенцией [Вятютнев, 1977; Зимняя, 1989; Изаренков, 1990; Бим, 1995; Шукин, 2003; Бастрикова, 2004; Булатбаева, 2005; Запорожец, 2009; Чакликова, 2009 и др.]. Отсутствие четкой стандартизации в определении коммуникативной компетенции можно объяснить, на наш взгляд, ее универсальным характером, тем, что коммуникативную компетенцию можно характеризовать как междисциплинарный феномен. Не одна профессия в мире может быть отнесена к коммуникативной: врач, журналист, актер, политик, педагог и т.д. Неслучайно подобная компетенция определяется в качестве ключевой в рамках и школьной, и вузовской подготовки. Коммуникативная компетенция многофункциональна, надпредметна, многомерна, основывается на свойствах человека и проявляется в определенных способах поведения, которые опираются на конкретные психологические качества, включают широкий практический контекст с высокой степенью универ-

сальности. То есть коммуникативная компетенция является лингвистически, психологически и методически организованной системой. В ней осуществляется единство языка–речи как средства (язык) и способа ее реализации (речь). Коммуникативная компетенция динамична, индивидуальна и относится к интеллектуальным способностям индивида. Эти способности проявляются в деятельностном процессе, обязательным компонентом которого выступает речевая деятельность.

Коммуникативная компетенция являет собой, таким образом, творческую способность человека пользоваться инвентарем языковых средств (в виде высказываний и дискурсов), которая складывается из знаний и готовности к их адекватному использованию. В рамках преподавания русского языка как неродного приобретение коммуникативной компетенции индивидом становится доминирующей целью обучения. Центр внимания педагога переносится со структуры или системы языка на структуру речи, отличающейся ситуативностью и национально-культурной спецификой. В этом случае коммуникативная компетенция становится интегративной целью обучения и предусматривает согласно организационно-нормативным образовательным документам (ГОСО, типовые программы) формирование также языковой, культурологической компетенций.

Изаренков Д. И. выделяет три основных составляющих коммуникативной компетенции: языковую, предметную и прагматическую [Изаренков, 1990, с. 55]. Однако в сфере преподавания русского языка как иностранного, иностранных языков коммуникативная компетенция, будучи тоже интегративной целью обучения, предполагает сформированность несколько другого набора компонентов: языкового, речевого, социокультурного, компенсаторного и учебного [Бим, 1995]. То есть в современной методике обучения языку отсутствует единая точка зрения на предмет состава коммуникативной компетенции, под которой, мы вслед за М.Н. Вятютневым, понимаем «способность человека общаться в трудовой или учебной деятельности, удовлетворяя свои интеллектуальные запросы» [Вятютнев, 1986, с. 80].

Свободное владение речью – одна из важных профессиональных черт учителя. Специальная речевая подготовка будущего педагога в вузе необходима в силу ряда причин: а) значимости языкового и речевого начала в формировании структуры личности (сегодня эта значимость повышается ввиду наблюдаемого снижения речевой культуры общества); б) важности для учащихся речи учителя как образца литературной речи (учитель должен активно воздействовать на речь и речевое поведение учащихся, корректируя их отступления от коммуни-

кативных и языковых норм); в) постоянной динамике социальных и собственно педагогических условий, определяющих характер и функционирование системы речевой подготовки (изменяется мир, изменяется язык – изменяются методы и приемы его изучения). Профессия учителя – коммуникативная, поэтому в рамках дисциплины «Русский язык» формирование коммуникативной компетенции к тому же является и основной целью обучения.

Отсутствие среди ученых-методистов единодушия в определении структурного состава коммуникативной компетенции можно объяснить, на наш взгляд, глобальным характером самой компетенции, ее надпредметностью, многофункциональностью, многомерностью. Мы в определении структуры коммуникативной компетенции строго ориентируемся на положения госстандартов и типовых программ, согласно которым в ее составе, как правило, выделяются языковая, культурологическая, предметная составляющие. Единственное наше дополнение к указанному составу связано с вводом рече-дискурсивной компетенции.

Под *языковой* компетенцией нами понимается владение языковой системой как средством общения, как коммуникативным кодом. Эта способность понимать и продуцировать неограниченное количество предложений через усвоенные языковые знаки и правила их соединения плавно переходит в способность соединять изолированные предложения в связный дискурс при помощи различных синтаксических и лексических средств, что мы и назвали *рече-дискурсивной* компетенцией. Уровень развития языковой и рече-дискурсивной компетенций зависит от *культурологической* компетенции – способности понимать и продуцировать речь, соответствующую лингвокультурологическому /социокультурному контексту акта коммуникации; способности понимать и продуцировать в речи ключевые лингвокультурологические единицы изучаемого языка. Культурологическая компетенция теснейшим образом связана с *предметной*, поскольку в общем плане под предметной компетенцией понимаются знания о предмете речи.

Учитывая многоаспектный характер коммуникативной компетенции, считаем важным обратить внимание и на такие ее структурные элементы, как а) способность обучающегося к конструктивной коммуникации; б) возможность импровизации в процессе общения; в) речевую экспрессию; г) особенности дикции; д) общую речевую культуру; е) логическую грамотность.

Рассмотрев структурный состав *коммуникативной компетенции*, мы можем дать расширенное толкование последней: способность осуществлять речевую деятельность, реализуя коммуникативное речевое

поведение на основе языковых, лингвокультурологических и предметных знаний и с помощью умений, связанных с рече-дискурсивной компетенцией, в соответствии с различными задачами и ситуациями общения в рамках той или иной (главным образом, учебно-профессиональной) сферы общения. При этом основным критерием уровня коммуникативной компетенции следует считать не столько языковую правильность, сколько способность к эффективному общению при помощи изучаемого языка на базе аутентичных текстов, отражающих лингвокультурологические, социокультурные особенности иной языковой общности (коллектива носителей изучаемого языка).

В связи со структурой коммуникативной компетенции важно также отметить, что указанные ее составляющие (языковая, рече-дискурсивная, лингвокультурологическая, предметная) представляют собой критерии развития последней: их становление сигнализирует о формировании коммуникативной компетенции.

Поскольку в рамках преподавания русского языка как неродного в казахстанском вузе уровнево-дифференцированный подход к языковому обучению является одним из ключевых [Ахмедьяров, Мухамадиев, 2012], мы в становлении коммуникативной компетенции выделяем три уровня: *репродуктивный; продуктивный и творческий*.

Критерий *первого*, репродуктивного, уровня – наличие языковых знаний у обучающегося при недостаточном умении их применять. Деятельность учащегося нередко требует подсказок преподавателя; репродуктивная деятельность осуществляется по памяти или по заданному алгоритму; преподаватель ожидает от обучающегося успешного выполнения заданий, требующих простых мыслительных операций.

Критерий *второго*, продуктивного, уровня – достаточное владение обучающимся языковыми умениями анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Для студентов этого уровня характерна самостоятельная продуктивная деятельность по самостоятельно созданному алгоритму или типовому алгоритму, преобразованному в ходе самого действия.

Критерий *третьего*, творческого, уровня – самореализация личности обучающегося, способной к самостоятельной творческой учебной деятельности на базе обретенных знаний, умений, ценностей и смыслов. Обучающийся выполняет задания, требующие обобщения данных и творческого мышления; транслирует социальную ответственность (высший уровень социализации).

Считаем здесь важным отметить также то, что концептуальная модель языкового образования на основе формирования коммуникативной компетенции должна, на наш взгляд, соответствовать опреде-

ленным требованиям, которые, объединяясь в систему, детерминируют суть социального заказа на подготовку современного педагога-предметника, а именно:

1) требование универсальности: определение такого содержания коммуникативной компетенции, которое позволит обучающимся успешно выполнять свои функции в профессиональной сфере;

2) требование системности: определение такого содержания коммуникативной компетенции, которое включает в диалектической взаимосвязи языковую, рече-дискурсивную, лингвокультурологическую и предметную составляющие;

3) требование иерархичности: определение преподавателем и будущими учителями-предметниками такой направленности коммуникативной деятельности, которая бы органично включала в себя как базовые фундаментальные знания и умения (корректировочный курс русского языка), так и те, которые дают возможность вести профессионально-ориентированную подготовку (основной курс русского языка);

4) требование проблемности: отбор такого содержания коммуникативного материала, который бы максимально отражал особенности профессиональной деятельности будущих учителей-предметников;

5) требование динамичности: определять такое содержание коммуникативной компетенции, которое бы в дальнейшем способствовало профессиональному росту и совершенствованию будущих педагогов;

6) требование диагностичности: преподаватели отбирают такой коммуникативный материал, который бы соответствовал критериям и показателям определенного уровня развития коммуникативной компетенции обучающихся;

7) требование прогностичности: учет в отбираемом содержании коммуникативного материала возможностей для формирования профессионально значимых личностных качеств, умений и навыков у будущих учителей-предметников, для усложнения задач, связанных с выполнением будущих профессиональных обязанностей.

Концептуальная модель языкового образования, спроектированная на основе формирования коммуникативной компетенции включает пять компонентов: целевой, организационно-исполнительный, содержательный, технологический, аналитико-результативный.

Целевой компонент вбирает в себя ближайшую и перспективную цель. Под первой нами понимается развитие коммуникативной компетенции будущих учителей-предметников на более высоком уровне, необходимом для осуществления будущей эффективной профессиональной деятельности. Перспективная цель предполагает повышение

качества образования обучающихся, обладающих высокой адаптивной и профессиональной конкурентоспособностью и мобильностью в условиях динамично развивающегося современного социума.

Организационно-исполнительный компонент предполагает следующие виды деятельности: а) подача учебной информации; б) организация самостоятельной работы студентов; в) установление оперативной обратной связи в учебном процессе; г) анализ результатов текущего контроля процесса формирования коммуникативной компетенции обучающихся; д) организационно-педагогические условия реализации разработанной модели.

Содержательный компонент является системообразующим в данной модели и связан с формированием основных составляющих коммуникативной компетенции.

Основу *технологического* компонента концептуальной модели языкового образования на базе формирования коммуникативной компетенции составила интегративная коммуникативная задача.

Аналитико-результативный компонент включает в себя способы оценки результатов, комментирование данных оценок.

Формирование коммуникативной компетенции, на наш взгляд, может осуществляться на основе моделей коммуникации, описанных В. И. Тесленко и С. В. Латынцевой. Во-первых, на основе субъект-объектной коммуникации. Осуществляется одним участником коммуникативного процесса. В данной модели в качестве субъекта коммуникации выступает обучающийся, а объекта – «виртуальный собеседник». Во-вторых, на основе субъект-субъектной коммуникации в учебной деятельности (практические занятия – самостоятельная работа студентов под руководством преподавателя по общеобразовательной дисциплине «Русский язык»). Осуществляется несколькими участниками коммуникативного процесса на занятиях. Каждый из обучающихся выступает субъектом коммуникации. В-третьих, на основе субъект-субъектной коммуникации во внеучебной деятельности. Осуществляется несколькими участниками коммуникативного процесса в ходе выполнения и проверки самостоятельной работы студентов. Каждый из обучающихся, участников коммуникативного процесса, выступает субъектом коммуникации [Тесленко, Латынцева, 2007]. Развитие коммуникативной компетенции обучающихся осуществляется, главным образом, в следующих формах: общение в парах, групповое общение в учебной деятельности, интегративное общение во внеучебной деятельности.

В условиях преподавания общеобязательной дисциплины «Русский язык» на казахских отделениях факультетов педагогического вуза речь идет, как мы уже выше отмечали, о формировании не просто коммуникативной компетенции, а о становлении профессионально-коммуникативной компетенции, ибо в указанной нами сфере осуществляется профессионально ориентированное обучение русскому языку как неродному. То есть профессиональная направленность языкового обучения предполагает, что студенты овладевают не только русским языком как таковым, но и приемами работы над специальной литературой, терминологией и специфическими для избранной студентами специальности понятиями как средством получения дополнительной информации. Профессиональная направленность языкового обучения также предполагает сочетание овладения профессионально ориентированным русским языком с развитием личностных качеств обучающихся, знанием культуры/культурем/лингвокультурем народа-носителя изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. В итоге, под профессионально ориентированным следует, на наш взгляд, понимать обучение, базирующееся на учете потребностей студентов в изучении русского языка, диктуемых особенностями будущей профессии, специальности. Следовательно, профессионально ориентированная компетенция предполагает включение в свои содержание и структуру определенного набора коммуникативных умений и навыков, тематически основанных на профессионально-специальных знаниях. Под *профессионально-коммуникативной* компетенцией нами понимается способность к эффективному общению в типичных условиях профессиональной деятельности, вбирающая в себя четыре группы умений: языковые, рече-дискурсивные, культурологические, предметные.

В соответствии со степенью владения языковыми и лингвокультурологическими знаниями, рече-дискурсивными и коммуникативными умениями по всем видам речевой деятельности нами выделены три уровня владения русским языком: низкий, средний, высокий.

Низкий уровень. Студент употребляет в речи ограниченное количество лексических единиц; узнает грамматические формы и конструкции при помощи преподавателя; четко не различает формальные признаки; общее содержание текста понимает не полностью; нарушена логическая последовательность восприятия; в процессе аудирования детали воспринимает со значительными искажениями; высказывания собеседника понимает неточно; запас лексики ограничен; понижена активность при выполнении творческих заданий; ответственность

только при выполнении особо существенных заданий. В целом низкий уровень определяется достаточно выраженной убежденностью в значимости изучения русского языка, а также вынужденным применением знаний.

Средний уровень. Студент различает изученную лексику на уровне слова и словосочетания; допускает иногда неточности в понимании; распознает грамматические формы и конструкции (иногда с помощью преподавателя) при анализе формальных признаков; при аудировании и чтении понимает содержание, но отдельные детали воспринимает с незначительными искажениями; на высказывания собеседника реагирует в основном адекватно; частично использует возможность применения русского языка при разработке научных проектов и подготовке докладов к научным конференциям. В целом средний уровень определяется ярко выраженной убежденностью в важности изучения русского языка, стремлением пользоваться знаниями и умениями в ситуациях, аналогичных учебным; ориентацией на ситуационную адаптацию.

Высокий уровень. Студент совершенно свободно ориентируется в лексике на уровне слова, словосочетания, предложения и в потоке речи при чтении и аудировании; свободно оперирует лексическими единицами в устной и письменной речи; свободно распознает грамматические формы и конструкции; при аудировании и чтении полно и точно понимает смысл текста; адекватно реагирует на речь собеседника; на уровне подготовленного и неподготовленного высказывания активно использует лексические и грамматические навыки говорения и письма; выражает уверенность в своих возможностях, демонстрирует высокую активность. В целом высокий уровень характеризуется ярко выраженной убежденностью в необходимости изучения русского языка, стремлением применять его на практике; высоким коэффициентом творческого воображения.

Общеобязательная учебная дисциплина «Русский язык» дает, таким образом, преподавателю возможность развить, прежде всего, коммуникативную компетенцию, *определяющую* в профессиональной деятельности педагога – достигать цели речевого общения, получать необходимую информацию, представлять и цивилизованно отстаивать свою точку зрения в диалоге и публичном выступлении.

На занятиях по русскому языку при использовании коммуникативной методики необходимо создавать обстановку реального общения, моделируя естественные ситуации, в процессе реализации которых студенты могли бы максимально развивать свои коммуникативные способности. В этих целях можно использовать уже апробированные

формы работы: ролевые (деловые) игры («Интервью учителя казахского языка и литературы», «Педагогический совет школы», «Родительское собрание» и др.), семинары («Как подготовить выступление на педагогический совет школы», «Как отобрать текст для контрольного диктанта», «Как провести урок повторения по теме «Имя существительное» и т.д.), дискуссии («Экспансия разговорной речи, иностраннизация речи – это хорошо или плохо?», «Речевая практика современной молодежи – косноязычие или особый язык (молодежный сленг)?» и др.), мини-конференции («Вульгаризация речевой практики и языковая агрессия», «Портрет современного учителя-словесника» и др.). Данная работа важна в последующем и для успешного прохождения педагогической практики в школе.

Таким образом, как показывает наша практика, использование коммуникативной методики в рамках преподавания русского языка как неродного студентам педагогического вуза способствует эффективной профессиональной подготовке будущего специалиста и становлению коммуникативной личности выпускника в целом, взаимосвязанному формированию специальных и лингвистических знаний, профессиональных и коммуникативных умений и навыков будущих педагогов-предметников, воспитанию в обучающихся культурной толерантности, так как диалогическая природа коммуникативных методов и приемов находит оптимальное созвучие с коммуникативной сущностью языка как учебного предмета.

Литература:

- Асеева М.А. Комплексное сочетание видов речевой деятельности как часть методики обучения русскому языку нерусских учащихся : дис. ... канд. пед. наук, М., 1998.
- Ахмедьяров К.К., Мухамадиев Х.С. Типовая учебная программа «Русский язык». Алматы, 2012.
- Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового). М., 2010.
- Бастрикова Е.М. Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004.
- Бим И.Л. Немецкий язык. Базовый курс. Концепция, программа. М., 1995.
- Булатбаева К.Н. Функционально-коммуникативный подход к обучению русскому языку в казахской школе (5–9 классы) : автореф. дис. ... докт. пед. наук. Алматы, 2005.
- Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Обучение русскому языку в школе. М., 2004.
- Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1977. № 6.
- Вятютнев М.Н. Традиции и новации в современной методике преподавания русского языка // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М., 1986.

Запорожец Е.А. Коммуникативная компетенция государственных служащих: структура, содержание, условия формирования // Научный вестник Уральского академии государственной службы. 2009.

Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.

Изаренков Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4.

Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 1990.

Мотина Е.И. Язык и специальность : лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1983.

Тесленко В.И., Латынцева С.В. Коммуникативная компетентность : формирование, развитие, оценивание. Красноярск, 2007.

Турсунов Д.Т. Методика преподавания русского языка в казахских группах вузов. Алма-Ата, 1964.

Чакликова А.Т. Научно-теоретические основы формирования межкультурно-коммуникативной компетенции в условиях информатизации иноязычного образования : автореф. дис. ... докт. пед. наук. Алматы, 2009.

Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 2003.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕДИДИСКУРС В ИНТЕРНЕТЕ И ЕГО АНАЛИЗ

А.Б. Бушев

Ключевые слова: медиадискурс, медиаграмотность, европейская интеграция, интерпретация.

Keywords: media discourse, media literacy, European integration, interpretation.

Спецкурс «Глобальный медиадискурс и его анализ» предназначен для знакомства бакалавров как с корпусом текстов глобальных масс-медиа, представленным в Интернете, так и с методами его анализа и интерпретации. Предусматривается знакомство студентов с теоретическими основами понимания роли масс-медиа в процессах глобализации, роли дискурса средств массовой информации в политической коммуникации, влиянием дискурса на социальные, политические процессы в мире, связи масс-медиа и института общественного мнения. Особый акцент делается на рефлексии над ролью медийности в современном мировом устройстве и политических процессах, влиянии на массовое общественное сознание. Рассматриваются современные теории медиалингвистики, медиафилосо-

фии, медиариторики, медиологии, дискурс-анализа, количественных методов исследования, применяемых в социологии массовой коммуникации [Бушев, 2010, 2011, 2012]. Ставится задача показать их значимость в анализе отдельных наиболее актуальных видов дискурса (электорального, экономического, военно-политического, дискурсов постконфликтного урегулирования, массовых беспорядков, мультикультурализма).

Спецкурс преследует цели познакомить студентов с актуальным медийным дискурсом во всех его видах, рассмотреть систему современных масс-медиа, панорамно представить исследования по вопросам значимости и анализу медийного дискурса. Спецкурс имеет междисциплинарную направленность: вопросы «глобализация и медиа» отсылают обучаемых к соответствующим разделам теории глобализации и мировых политических процессов, социологии; вопросы анализа медиа – к социологии медиа, риторике; исследования дискурса заставляют активизировать и актуализировать знания по философии, социологии, политологии, риторике и т.д. Обсуждение дискурса о ценностях, постконфликтного урегулирования отсылают к соответствующим разделам курсов по теории государства и права, праву ЕС, международному праву и праву прав человека. Текстовый материал глобальных СМИ заставляет применять иностранные языки в действии, заставляет вспомнить арсенал риторики. Отдельные виды дискурсов отсылают студентов к курсам международного публичного права, информационного права, права и истории ЕС, межкультурной коммуникации, американистики, страноведения, экологического права.

Студент должен иметь представления о системе мировых СМИ, видах масс-медиа, специфике их влияния на общественное мнение, наиболее частотных видах медийного дискурса, социологии массовой коммуникации, методах анализа массовой коммуникации (**медиаграмотность**), теоретических подходах в медиаисследованиях, уметь анализировать, резюмировать и аннотировать дискурс мировых средств массовой информации, давать интерпретацию такого дискурса с привлечением базовых знаний социо-гуманитарных дисциплин (**интерпретативная компетенция, аналитическая компетенция**). Вырабатываемая **поисковая компетенция** заключается в том, чтобы уметь находить образцы дискурса, классифицировать дискурс, работать как с теоретическими источниками, так и с источниками информосферы, представленными в библиотеке и Интернете. Особое внимание уделяется умению работать с периодическими научными изданиями, сайтами электронных журналов. Непосредственный предмет спецкурса вырабатывает знакомство с сайтами мировой прессы (**информационная компетенция**). Важно уметь давать лингвокультурологические трактовки информации и отдельных деталей культуры (**куль-**

турологическая компетенция), уметь давать последовательный перевод материалов масс-медиа (**переводческая компетенция**), уметь выступать с теоретическими сообщениями и анализом различных текстов (**риторическая компетенция**).

Современное понимание общепредметной функции языка определяет и нацеленность курса на формирование важнейших общеучебных умений, в формировании которых задействованы все виды речемыслительной деятельности – **коммуникативная** (владение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для учащихся сферах и ситуациях общения, **интеллектуальная** (сравнение, сопоставление, соотнесение, обобщение, абстрагирование, оценивание и классификация), **информационная** (умение осуществлять библиографический поиск, извлекать информацию из различных источников, умение работать с текстом); **организационная** (умение организовать материал, ставить цели деятельности, планировать ее, осуществлять самоконтроль, самооценку, самокоррекцию).

Для исследователей информатизации науки особенно важным представляется отметить, что мы видим социальный эффект информационных технологий – возможность познакомиться с европейскими и мировыми документами, определяющими социальную политику в разных странах. Так, обучаемые при помощи источников Интернета знакомятся с целым корпусом документов европейской интеграции: договоры ЕС (особенно Лиссабонский), Хартия основных прав трудящихся 89 года, Хартия фундаментальных прав ЕС, Европейская конвенция по правам человека, Европейская социальная хартия.

Приведем материал с сайта EUROPA, суммирующего европейское законодательство. Особенно важной представляется система перекрестных ссылок, характерная для информационной культуры сети Интернет:

Community Charter of Fundamental Social Rights of Workers

The Community Charter of Fundamental Social Rights for Workers, adopted in 1989, establishes the major principles on which the European labour law model is based. It applies to the following areas:

- *free movement of workers;*
- *employment and remuneration;*
- *improvement of working conditions;*
- *social protection;*
- *freedom of association and collective bargaining;*
- *vocational training;*
- *equal treatment for men and women;*

- *information, consultation and participation of workers;*
- *health protection and safety at the workplace;*
- *protection of children, adolescents, elderly persons, and disabled persons.*

These social rights represent a foundation of minimum provisions common to all the European Union (EU) Member States. The provisions of the Charter were kept by the Lisbon Treaty (Article 151 of the Treaty on the Functioning of the EU) and by the EU Charter of Fundamental Rights.

Context

The Charter was adopted in accordance with the preamble of the Treaty establishing the European Economic Community, which recognised the need to continually work towards improving the living and working conditions of European citizens.

It was only adopted by the United Kingdom in 1998 as part of the integration of the principles of the Charter into the Amsterdam Treaty.

Существенно, что наличествует возможность знакомства с узусом международных документов, их языком: EU Charter of Fundamental Rights, Community Charter of Fundamental Social Rights.

Обучаемые работают с сайтами европейских институтов: посещают сайты ЕС, Европарламента, Еврокомиссии, Европейского социального фонда, Европейского фонда регионального развития. При изучении предвыборного дискурса мировые медиа представляют возможность изучать дебаты – размещенные в сети транскрипты дают возможность анализировать политическое дебатирование, точки зрения по основным вопросам повестки дня (issues of the agenda).

Обсуждая деятельность международных организаций, обучаемые осуществляют поиск актуальных источников: ОБСЕ – Хельсинкский заключительный акт, Парижская хартия для Новой Европы, Хартия европейской безопасности. Предоставляет Интернет и возможность получения современных актуальных материалов по европейскому кризису. Обсуждая экологическую тематику, студенты читают Киотский протокол.

В итоге изучения спецкурса у обучаемых формируются представления о теории глобализации, о дискурсивных исследованиях, представления о медиалингвистике, представления о национализме как политическом течении и идее конструктивизма нации, представления о конфликтологии и военно-политических конфликтах, умение анализировать дискурс беспорядков, общеевропейский, масс-культурный, экологический и другие медийные дискурсы.

Литература

Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчик :. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010.

Бушев А.Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии : риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика. Lambert Academic Press, 2011.

Бушев А.Б. Как учиться интерпретировать глобальные медиа? // Язык в пространстве коммуникации и культуры. М., 2012.

Бушев А.Б., Александрова С.К. Метафоризации дискурса экономического кризиса // Инновационные технологии бизнес-коммуникаций : стратегии и тактики. М., 2011. Вып. 7.

Бушев А.Б. Идеи предвыборных дебатов в США как культурно-риторический феномен // Филологические науки в МГИМО. М., 2012. № 47 (62).

ПУНКТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА В АСПЕКТЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

К.В. Прохорова

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, интенциональность, пунктуация современного медиатекста.

Keywords: medialogistics, mediatext, intentional aspect, mediatext punctuation design.

Медиатекст все чаще оказывается в поле зрения современных лингвистов. Сформировалась самостоятельная отрасль филологического знания – медиалингвистика (термин Т. Г. Добросклонской), изучающая особенности функционирования языка средств массовой информации. В последнее время широкое распространение приобретает интенциональный подход к медиалингвистике. Как справедливо отмечает в своей работе Л. Р. Дускаева: «Одной из важных для исследования семантики медийной речи категорий представляется интенциональность речевой деятельности журналиста, которая формирует смысловую структуру текста, определяющую своеобразие поверхностно-речевой ткани» [Дускаева, 2012, с. 10]. Интенция как коммуникативное намерение говорящего рассматривается в качестве значимого компонента речевой деятельности, который формирует сущностную модель текста. В широком смысле интенция может быть определена как «своеобразный сплав потребности, мотива и цели» [Колшанский, 1979,

с. 53]. Медиалингвисты всесторонне изучают феномен интенциональности, обуславливающий определенные правила текстообразования и утвердившиеся стереотипы организации текста, принятые в профессиональной медийной среде (Л. Р. Дускаева, Я. Н. Засурский, Г. Я. Солганик, Н. С. Цветова).

Рассматривая структуру интенциональности в конкретной коммуникативной ситуации порождения речи, исследователи выделяют типовую коммуникативную интенцию медиаречи – это сообщение о событии. К основному намерению субъекта речи – информировать – присоединяются также значимые вспомогательные компоненты: оценочный и побудительный (Л. Р. Дускаева). Наша задача – проследить, какие интенциональные характеристики проявляются при исследовании пунктуации медиатекста.

Коммуникативный контакт пишущего и читающего обеспечивается правилами русской пунктуации, регламентирующими использование знаков препинания. Структурно-синтаксический принцип русской пунктуации диктует обязательность знаков препинания на стыке различных синтаксических единиц, отражает синтаксическое строение текста. Практически в любом тексте мы можем обнаружить знаки, поставленные согласно структурно-синтаксическому принципу. Медиатексты не являются в этом смысле исключением. Основная интенция расстановки «структурно-грамматических» знаков препинания – соблюдение норм (причем не только языковых, но и социальных, нравственных, этических), без которых невозможно адекватное и достоверное восприятие информации. Интенция воздействия на адресата имеет в этом смысле рациональный характер.

Обязательные «структурно-синтаксические» знаки препинания вписывают медиатекст в пространство единой коммуникативной системы, обеспечивающей обмен информацией между носителями речи и ее потребителями. При этом и носители речи, и потребители могут быть людьми разного социального статуса, разного пола и возраста, могут исповедовать различные политические, социальные и морально-нравственные принципы. Фактически можно сказать, что структурно-грамматические знаки – это тот необходимый минимум, без которого трудно представить беспрепятственное общение между пишущим и читающим. Это хорошо понимают люди, профессионально занимающиеся медиаречью, поэтому неслучайно все тексты в «допубликационный период» просматриваются и вычитываются корректорами или редакторами. Издания, пренебрегающие подобной возможностью, не могут претендовать на значимость на рынке коммуникаций. Нет, на-

верное, необходимости приводить примеры нормативной пунктуации медиатекстов, поскольку они, к счастью, встречаются повсеместно, демонстрируя коммуникативную заинтересованность создателей текста в информативно насыщенном общении с адресатом.

В современных медиатекстах активно проявляет себя тенденция следования смысловому принципу русской пунктуации. По мнению сторонников смыслового принципа русской пунктуации, пунктуация должна членить письменный текст таким образом, чтобы каждая его часть была осмысленной, содержательно и логически завершенной. Большое внимание этому принципу уделено в работах С. И. Абакумова, А. Б. Шапиро. Действительно, грамматическое членение речи отражает в конечном итоге членение смысловое, логическое, поскольку назначение любой грамматической структуры – передача определенной мысли.

Помня о том, что публицистический текст – это текст воздействующий, профессионалы, работающие в сфере массовой коммуникации, успешно пользуются смысловым принципом русской пунктуации. Фактически это является показателем большого творческого потенциала журналиста и помогает читателю выявить все неожиданные смысловые грани сообщения. Для иллюстрации обратимся к примерам:

(1) В 1915 году в Москве состоялась выставка современного (на тот момент) искусства. (2) Если вы человек, не чуждый прекрасного, вы неоднократно бывали на таких выставках. (3) И плевались. (4) Как вариант – пожимали плечами. (5) И я бывал – в России и Австрии, в Швеции и Испании (А. Никонов Обиженный // Story. 2012. № 8 (50)).

Фрагмент вышеприведенного текста прекрасно иллюстрирует то, как смысловая пунктуация помогает автору ярче выразить свое отношение к сообщаемому и к адресату. Действительно, скобки в предложении 1 заостряют внимание на значимой, по мнению автора, детали. Точка, стоящая на границе предложений 3 и 4 и сигнализирующая о наличии парцеллированной конструкции, неслучайна. Наличие парцеллы (и его пунктуационное оформление, соответственно) передает авторскую иронию, связано с высокой эмоциональной нагрузкой. Тире в предложении 4 подчеркивает экспрессивно-психологическую насыщенность, помогает установить конкретные смысловые взаимоотношения частей высказывания. В 4 предложении вновь мы видим факультативное тире, задача которого – усилить воздействие текста на адресата, вызвать большую степень доверия к автору. Все отмеченные знаки не обусловлены действием структурно-грамматического принципа, несут на себе, в первую очередь, смысловую нагрузку. Они прекрасно показывают, как смысловая пунктуация позволяет сделать ме-

диатекст эмоционально ярким и напряженным, передать глубокий смысл. Интенциональный смысл подобной пунктуации – усиление воздействия на адресата, причем воздействие имеет эмоционально выраженный характер, за счет чего актуализируются информативная и оценочная интенции.

Неудивительно, что смысловой принцип пунктуации активно работает и в заголовках – сильной позиции медиатекста. Достаточно развернуть несколько изданий – и мы обязательно встретимся с заголовками и заголовочными комплексами, пунктуация которых обусловлена в первую очередь их содержанием, а не структурой:

Погоня со стрельбой ... за школьником (МК в Питере, 10–17 октября 2012).

Боитесь гриппа – не контактируйте ... со свиньями (МК в Питере, 10–17 октября 2012).

Четверг – не день водителей Купчино (Комсомольская правда, 12.10.2012).

Пуля Аустерлица / В 1812 году стихи Сергея Марина знали все русские офицеры – от поручика до фельдмаршала (Российская газета, 11.10.2012).

Люди и дела / После уроков я – звезда! / А где проявляет свой талант ваш ребенок? (Комсомольская правда, 12.10.2012).

Российские здравницы: в тисках между коммерцией и социальными обязательствами (Аргументы недели, 11.10.12)

Сиделки: помощницы или домработницы? (Аргументы недели, 11.10.12).

Лаконично, точно и эмоционально ярко передать содержание медиатекста призван его заголовок. Смысловая и психологическая глубина, дифференциация оттенков значений слов, усиление признаковых качеств, напряженность и необычность сообщаемого, градус авторских эмоций – все это способна передать «смысловая» пунктуация заголовка. Основная интенция информирования в этих случаях успешно сочетается с добавочными интенциями оценочности и побудительности.

Интересно, что авторы современных медиатекстов активизировали свое внимание по отношению к определенным знакам препинания. Так, в последнее время в медиатекстах достаточно часто можно встретить такой знак, как многоточие.

Многоточие, выступая как разделительный знак, обладает также значениями, отражающими эмоциональную окраску речи. Этот знак может указывать на недосказанность, затрудненность речи, недоговоренность:

Первым рассекретили кефир. (1) Дяденька крупногабаритных размеров, пропустив один стаканчик, схватился за второй... Но, не допив до конца, отбросил:

– Кефир! Стопудово – кефир. А я за рулем! (2) Ща какой-нибудь шальной гаишник остановит, заставит в трубку дыхнуть...

А может быть, ну его – покупной йогурт! Приготовить «живой» напиток в домашних условиях на родной кухне проще простого. (3) И никаких «йогуртниц» для этого не надо, обходились же балканские долгожители подручной посудинкой... Была бы закваска (Т. Марьина. Простоквашино племя // Санкт-Петербургские ведомости, 22.10.12).

Понятна интенция создателя текста в данном случае – это воздействующий эффект. В первом случае (1) использование многоточия имеет эмоциональную окраску и связано со стремлением автора передать картину реальности в ее динамике и протяженности. Второй случай актуализирует достоверность интонации прямой речи. И, наконец, третий вариант многоточия во фрагменте отражает оценочные характеристики автора.

В то же время многоточие может быть связано с наличием подтекста, оно фиксирует неявный смысл, подчеркивает противостественность, алогизм. Чаще всего многоточие в этом значении располагается в середине предложения:

Известную сегодня всем «Девушку с жемчужной сережкой» продали на аукционе 1882 года за ...2 гульдена. Но лишь в 30-е годы 20 века всемирная слава настигла «малого» голландца, внезапно ставшего великим и непревзойденным – и все благодаря Хану ванн Меегерену (Виктория Пешкова. А был ли мальчик? // Story. 2012. № 8 (50)).

Многоточие в начале предложения обладает значительным воздействующим потенциалом, подчеркивая либо последовательный переход от одной синтаксической структуры к другой, либо акцентируя динамику действия:

...Мы покидали гостеприимную Латвию на рассвете (Комсомольская правда, 25.09.12).

...Концовка второго периода. Хозяева в большинстве. На пятачке – жаркая рубка, шайба взмывает вверх (Комсомольская правда, 26.09.12).

Интенциональные параметры подобной пунктуации находятся в сфере эмоционального воздействия. Помимо интенции информирования здесь можно увидеть и интенцию побуждения: автор имплицитно побуждает читателя обратиться к материалу, обещая ему картину яркую, динамичную, живую.

Специфическую роль играет двоеточие в медийных заголовках, оформляя так называемый «рубленный» заголовок («Анатомия протеста-2»: взгляд с «левого фронта» – Московский комсомолец, 10–17.10.2012; Сиделки: помощницы или домработницы? – Аргументы недели, 11.10.12), получивший распространение в последнее время. Двоеточие в этом случае приобретает экспрессивную окраску, стано-

вится актуализатором тема-рема-ической композиции заголовка. Как отмечает исследователь Л. А. Будниченко, «выразительность такого заголовка достигается тем, что «усеченные смысловые звенья», представляющие собой главные смысловые доминанты, отражающие суть содержания публикации выносятся в заголовок и соединяются двоеточием» [Будниченко, 2003, с. 210–211]. Авторская интенция в подобных случаях очевидна: при лаконизме структуры заголовка необходимо привлечь к нему особое внимание, выделив центральное смысловое звено и обозначив основную проблему материала. Побудительный интенциональный компонент оказывается напрямую связанным с информативным.

Показательно, что в современных медиатекстах тире постепенно расширяет свою сферу за счет двоеточия. Подобное можно встретить, например, при бессоюзной связи в сложном предложении при выражении изъяснительных и причинных отношений:

Там негде было ночевать – в нашей супердостопримечательной, супер-исторической, суперинтересной, супердревней стране почему-то всегда негде ночевать, и тогда так было, и сейчас осталось, поэтому мне смешны все разговоры о том, что Россия вот-вот станет великой туристической державой!.. (Story. 2012. № 7).

Рассмотренное явление можно объяснить интенциональными намерениями автора, желающего акцентировать интонационный рисунок сообщаемого. Более значительная пауза, обусловленная знаком тире, предполагает усиление воздействующей роли конструкции, увеличение эмоционально-логической силы сообщаемого.

Постановка тире может быть связана также с необходимостью передать в речи неожиданность, резкое противопоставление, интонационную напряженность, быструю смену планов. В этом случае тире выступает прежде всего как смысловой знак, элемент воздействия, который актуализирует оценочную интенцию:

Ночевали ли вы на голой улице? На площади в ворохе газет, в коробке картонной да просто под забором? Вы – ухоженные и интеллигентные? (Story. 2012. № 7).

Любопытно проследить за тем, как используется в современном медиатексте такой выделительный знак, как скобки. Скобки всегда употребляются как парный знак и выделяют традиционно вставные конструкции, имеющие значение добавочных сообщений и связанные традиционно с авторской модальностью. Скобки могут использоваться не только внутри предложения, но и внутри абзаца. Интересно, что данный пунктуационный знак активно употребляется в современной

медиаireчи, что может быть расценено как усиление авторского полюса публицистической речи:

1. *Итак, картина: поле («опять воровали себе нас суп», заметил Никандров свежую землю), грузовик, трактор, к которому прицеплен картофельный комбайн* (Комсомольская правда, 26.09.2012).

2. *Следом за Мишей мы неспешно въехали на территорию, и тут выяснилось, что Боречка и Любочка, у которых мы должны гостевать, научные сотрудники Заповедника (пишу с большой буквы, понятно вам?!) и не простые сотрудники!* (Story. 2012. № 8 (50)).

3. *Но почему сама русская православная церковь, будто испуганная, постоянно пыталась (да и сейчас пытается) сделать вид, что не испытывает удовлетворения ни от содержания глумливых кривляк под замком, ни от вынесенного приговора?* (Комсомольская правда, 25.09.2012).

Интересно, что обычно считается, будто обилие скобок – это свидетельство стилистической беспомощности автора [Валгина, 1971, с. 91]. Однако приведенные выше фрагменты наглядно демонстрируют, какой большой потенциал заложен в скобках. Это и показатель многоголосия речи (фрагмент 1), и выделение значимых смысловых компонентов (фрагменты 2,3), и отражение авторских эмоций (фрагмент 2), и передача подтекстовых значений (фрагменты 1,2).

Показательно, что скобки расширяют свое употребление практически во всех медиажанрах: мы можем встретить их не только в крупных аналитических и художественно-публицистических жанрах, но и в сугубо информационных. Это свидетельствует о том, что медиатекст является полиинтенциональной системой на разных жанровых уровнях.

Богатые возможности для воздействующей речи имеет такой пунктуационный знак, как абзац (абзацный отступ). Как отмечают исследователи, «конкретные функции абзаца привязаны к целевой установке текста» [Валгина, Розенталь, Фомина, 1987, с. 464]. Абзац используется для разграничения реплик диалога, в монологическом тексте – вычленяет логические и смысловые части. Характер воздействующего средства абзац приобретает при нарушении логико-смысловой последовательности высказываний, когда в самостоятельный абзац выделяется, например, одно предложение. В этом случае на выделенное предложение ложится особая эмоциональная нагрузка. Подобное стилистическое выделение используется в медиаireчи для того, чтобы заострить какую-либо мысль, привлечь внимание читателей и создать экспрессивно яркую картину мира. Интенциональность в этом случае очевидна, однако конкретный ее смысл обусловлен именно целевой установкой автора.

«Абзацная игра» преимущественно употребляется в крупных публицистических жанрах (аналитических и художественно-публицистических), и владеют ею исключительно мастера слова, тонко чувствующие все оттенки речи и возможности их психоэмоционального выделения. В качестве иллюстрации обратимся к очерку, написанному писательницей Татьяной Устиновой:

(1) Он пишет пейзажи – Сороть, Святые Горы, Петровское, Тригорское, ганнибаловские липы.

(2) И еще он пишет ...Пушкина.

(3) Мне кажется, что писать Пушкина почти невозможно.

(4) Страшно очень. (5) Это все равно, что писать...ну, не знаю, ... иконы. (6) Для этого недостаточно уметь рисовать.

(7) Для этого нужно уметь ... верить.

(8) А это не у всех получается, и объяснить, как именно получается, невозможно. (9) Честно, я не хотела смотреть картины – мало ли, какая ерунда там окажется, и все исчезнет! (10) Магия, волшебство, очарование, «гений места», как писал Петр Вайль, все тогда пропало!

(11) Ничего не пропало!

(12) Пушкин на Боречкиных картинах оказался именно таким, каким я его себе представляла всю жизнь (Татьяна Устинова. Поэт и художник // Story. 2012. № 8 (50)).

В этом тексте обращает на себя внимание абзацное членение. Помимо логико-смысловой функции (логическое выделение частей с единой микротемой), абзацный отступ выполняет роль своеобразной экспрессемы и подчеркивает обобщающе значимый характер отдельных высказываний (предложения 2,7,11). Лаконизм и энергичность изложения, эмоциональная напряженность, интонационная четкость, острота выражения мысли – все это выявляется рельефно и значимо именно благодаря абзацному членению текста. Можно сказать, что Татьяна Устинова в данном тексте проявляет себя как профессионал речи. Автор стремится передать не только информацию, но и собственное впечатление от увиденного, дать ему оценку. Естественно, что в этом случае оценочный интенциональный компонент становится ведущим. Пунктуационное оформление текста, в частности его абзацное членение, способствует выражению интенций автора.

Русская пунктуационная система богата возможностями и постоянно развивается. В то же время она стабильна, поскольку знаки препинания и пунктуационные принципы – это своеобразные маячки, позволяющие читателю проникнуть в глубину мысли пишущего. Эти «маячки» установлены не сейчас и сняты будут не завтра (интересно, что мы до сих пор пользуемся «Правилами русской орфографии и пунктуации», принятыми в 1956 году).

Для медиатекста, имеющего воздействующий характер, пунктуация играет особую роль. Это обусловлено массовостью аудитории, острой актуальностью передаваемой информации и – как результат – большой значимостью каждой печатной страницы в газете, журнале, бюллетене, Интернете. Исследователь Н. Л. Шубина справедливо замечает: «Известно, что все тексты как продукт речевой деятельности человека рассчитаны на восприятие, понимание и оценку. Иными словами, пишущий (адресант, отправитель) должен создать все условия для адекватного понимания своего замысла читателем» [Шубина, 2006, с. 5]. Понимание коммуникативных намерений пишущего, четкого осмысление позиции автора и, соответственно, издания – это то, к чему стремиться каждый, кто обращается к медиатекстам. Велика в этом смысле ответственность пишущего, и поэтому владение навыками пунктуационно правильного письма может и должно рассматриваться как необходимый элемент работы журналиста.

В то же время пунктуация, помимо обязанностей, предоставляет пишущему и большие права. Смысловый принцип пунктуации, авторские знаки, с ним связанные, даруют возможность использовать огромный репертуар пунктуационных средств для лучшего осмысления текста (читателям), для более яркого и эмоционально насыщенного проявления авторского «я» (для пишущего).

Пунктуация современного медиатекста предлагает различные варианты предпочтений в рамках существующих норм: активизация таких знаков, как многоточие, скобки; расширение функциональных возможностей знака тире; увеличение значимости абзацного отступа. Все указанные тенденции связаны с усилением воздействующей роли пунктуации, что в конечном итоге обусловлено интенциональностью медиатекста. Таким образом, можно сказать, что основные интенции медиатекста – информативная, оценочная и побудительная – находят свое выражение на всех языковых уровнях, и в частности, на уровне пунктуации.

Литература

- Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет). СПб., 2003.
- Валгина Н.С. О русской пунктуации (в функционально-стилистическом аспекте). М., 1971.
- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М., 1987.
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005.

Дускаева Л.Р. Интенциональность медиаречи : онтология и структура // Медиа-текст как полиинтенциональная структура. СПб., 2012.

Засурский Я.Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Вестник МГУ. Сер. 10. 2005. № 2.

Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. 1979. № 6.

Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. 2005. № 2.

Цветова Н.С. Категория автора в интенциональном поле медиатекста // Медиа-текст как полиинтенциональная структура. СПб., 2012.

Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М., 2006.

ПУНКТУАЦИЯ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ СМИ)

Н.А. Корнилова

Ключевые слова: пунктуация, пунктуационная норма, коммуникативная ситуация, интенция.

Keywords: punctuation, punctuation standard, communicative situation, intention.

Пунктуация как функциональная система, обслуживающая язык, всегда направлена на воплощение определенной коммуникативной цели, а именно — выражения интенции пишущего. При этом двунаправленность пунктуации заключается в том, что логика воплощения авторского замысла направлена от смысла к знакам, а логика восприятия текста адресатом, наоборот, от знаков к смыслу.

Очевидно, что успех коммуникации зависит от того, насколько близки представления адресата и адресанта о пунктуационной системе. Даже ненормативные – авторские – знаки, включенные в текст с целью создания определенного стилистического эффекта, считаются аудиторией в аспекте основных закономерностей функционирования того или иного знака препинания. Иными словами, система задает направленность движения мысли при создании и интерпретации текста. Тем важнее формирование единого представления о функциях и нормативном использовании знаков препинания у носителей языка в целом.

Основная функция пунктуации заключается в том, чтобы облегчить читателю восприятие текста, поэтому так важно, чтобы знаки препинания расставлялись в соответствии с существующими нормами.

Это позволяет осуществлять успешную коммуникацию между автором и его аудиторией. Особенно важно обозначенное свойство пунктуации для публицистических текстов, рассчитанных на однократное прочтение. Читатель не должен «спотыкаться» на знаках, они должны помогать ему верно определять смысловые акценты, важные пишущему.

В отличие, скажем, от текстов художественной литературы, где авторская пунктуация может рассматриваться как средство выразительности, коммуникативная ситуация чтения журналистского произведения предполагает доминирование нормативной пунктуации. Тем выгоднее и ярче становятся отдельные отступления от нормы, допущенные с целью создания воздействующего эффекта.

В рамках данного сообщения нет нужды рассматривать примеры отступления от норм как образцы реализации воздействующей функции публицистического текста, остановимся на типичных для современных СМИ случаях ошибочного употребления знаков препинания. Как это ни странно, но большинство ошибок связано с элементарной невнимательностью пишущего и, как правило, возникает при расстановке парных знаков: первый знак поставил – о втором забыл, причем такая тенденция прослеживается еще на этапе обучения, в экзаменационных работах, а затем и в дальнейшем, в течение профессиональной деятельности. В связи с этим журналистам можно дать рекомендацию уделять особое внимание именно обособлению. Обратимся к примерам:

В 1860 году на острове с 1000 своих сторонников высадился Гарибальди, восторженно встреченный населением. Революционеры, одетые в красные рубашки, символизировавшие готовность победить или умереть, изгнали солдат короля. Вскоре Королевство обеих Сицилий – один из главных противников объединения страны пало. На карте Европы появилось новое государство – Италия (Вокруг света).

В нашем примере автор вводит адресата в замешательство, ставя тире после слова *Сицилий*. Этот знак после подлежащего может стоять в двух случаях: если далее следует сказуемое, выраженное существительным в именительном падеже, или если автор включает в текст уточнение или пояснение. Чтобы быть уверенными в правильности наших размышлений, определим синтаксические функции членов предложения: (что?) королевство (что сделал?) пало. Подлежащее – существительное в именительном падеже *королевство*, которому соответствует простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом в прошедшем времени и соответствующем лице и числе, *пало*. Постановка тире между подлежащим и сказуемым в данном случае противоречит законам пунктуации, поскольку нормативно в русском языке подле-

жащее и сказуемое не отделяются друг от друга знаками. Знаки возникают в нетипичных ситуациях (например, если и подлежащее, и сказуемое выражены одной и той же частью речи), тогда как о нашем примере такого не скажешь: перед нами самый распространенный в речевой практике способ выражения грамматической основы. Следовательно, тире здесь поставлено с другими целями. Разберемся в функции члена предложения, выраженного следующим образом: *один из главных противников объединения страны*. Между подлежащим и этим членом предложения мы можем вставить слова *а именно*, при этом смысл подлежащего не сужается, автор иными словами говорит нам о том же самом – поясняет свою мысль. Перед нами пояснение, а пояснительная конструкция должна выделяться с двух сторон, если она не оказывается в конце предложения. При постановке второго тире все становится на свои места: *Вскоре Королевство обеих Сицилий – один из главных противников объединения страны – пало*. Читатель уже не ждет, что *один из главных противников* окажется сказуемым, и не приходит в недоумение, обнаружив немотивированное *пало* в конце.

Неясная расстановка знаков заставляет перечитать предложение, чтобы определить коммуникативное намерение пишущего, что нарушает установку восприятия журналистского текста, отвлекает от сосредоточенности на содержании, а, следовательно, приводит к коммуникативной неудаче.

Еще одна типичная ошибка учащихся и студентов, а затем, увы, и профессиональных журналистов – постановка запятой перед союзом. К сожалению, мотивировка постановки знака единственно наличием союза не всегда обоснованна. Рассмотрим следующий пример:

А имам в следующие несколько лет на глазах у удивленных современников овладел всем Дагестаном и большей частью Чечни, уничтожил множество укреплений – плоды упорных трудов русских солдат – вместе с гарнизонами. За 1843 год имамат расширился больше, чем вдвое (Вокруг света).

Постановка запятой в последнем предложении может быть объяснена только привычкой ставить знак перед любым похожим на подчинительный союзом, но такой подход принципиально не верен. Мы ставим знак, чтобы выявить смысл, заложенный в предложении. Союз *чем* – сравнительный. Давайте разберемся, что и с чем он сравнивает. Сравнение возможно при наличии двух логически равноправных предметов сравнения. Например, имамат можно сравнить с другим государством, его рост в 1843 году можно сравнить с аналогичным показателем в 1842 или 1844. В приведенном примере нет сравнения (есть только констатация факта роста определенного государства), а значит, и запятой быть не должно.

При расстановке знаков препинания пишущий руководствуется тремя принципами пунктуации – структурным, смысловым и интонационным. Они в совокупности определяют расстановку знаков и по отдельности не выступают, однако в каждом случае выстраивается определенная иерархия принципов, с учетом которой пишущий создает текст. С нашей точки зрения, ведущим для публицистического текста должен быть смысловой принцип, именно он обеспечивает реализацию и информационной, и воздействующей функции журналистского произведения. Как показано в вышеприведенном примере, он позволяет разобраться даже в самых сложных случаях расстановки знаков.

Аналогичный пример с союзом *как*:

Мол, раз у иудеев в религиозной летописи есть такая величественная катастрофа, то чем мы хуже?.. Последнее предположение позволим себе отместить, как достойное академика Фоменко (Вокруг света).

Союз *как* всегда являлся камнем преткновения для пишущих, сложность создания конструкций с ним объясняется наличием большого количества оттенков значений, которые он может привнести в текст. Главным ориентиром для постановки или отсутствия знака должно являться, соответственно, наличие или отсутствие сравнительного значения (см. пример выше). Здесь автор дает нам характеристику объекта, а не сравнение с другим объектом, мы можем проверить себя, поставив вместо *как* слова *в качестве*. Таким образом, мы фиксируем нарушение пунктуационной нормы: перед союзом *как* в приведенном контексте запятая стоять не должна.

Ошибочная постановка знака встретила и в таком предложении: *Однако расслабляться пока рано, впереди не менее сложная и ответственная работа по «отладке» системы и подготовке ее к сертификационному аудиту. Я уверен, что она будет выполнена в полной мере, и мы сможем гордиться ее результатами (АТОМЭНЕРГОПРОЕКТ. Санкт-Петербург).*

В приведенном примере очевидная ошибка связана с наличием запятой перед союзом *и*. Можно предположить, что автор руководствовался правильной, в принципе, мыслью о необходимости разделять запятой предикативные части внутри сложного предложения, но упустил из виду закономерность, повторяющуюся на разных уровнях сложности синтаксических построений, отказа от знака, если одиночный сочинительный союз соединяет однородные структуры. Давайте разберемся в смысловых связях между членами предложения: Я уверен (в чем?). Задав такой вопрос, мы можем предположить, что далее должно следовать придаточное со значением изъяснения: что она будет выполнена в полной мере. Автор добавляет еще одно придаточное, к которому мы задаем вопрос от сказуемого главной части: Я уверен (в

чем еще?), [что] *мы сможем гордиться ее результатами*. Союз *И*, подчеркивающий однородность двух придаточных, снимает необходимость повторять подчинительный союз и отменяет постановку запятой.

Частотными, как это ни странно, оказываются и ошибки, связанные с обособлением определений: *И стихло эхо, затаилось невидимое в диких, по грудь травах, в страшных глубинах провальных топей, в буреломах и завалах, навороченных весенним паводком* (Вокруг света).

В приведенном примере нас будет интересовать функция слова *невидимое*. В том варианте, который предложен автором, оно воспринимается как подлежащее отдельной предикативной части сложного предложения, то есть при разборе нам следует выделить грамматические основы следующим образом: *И стихло эхо, затаилось невидимое в диких, по грудь травах*. Согласимся, что такая трактовка противоречит замыслу автора: он явно говорит об одном субъекте действия, и *невидимое* является оторванным от определяемого слова согласованным определением, а не субстантивированным прилагательным в роли подлежащего. В таком случае определение должно быть обособлено с двух сторон: *И стихло эхо, затаилось невидимое, в диких, по грудь травах*. Более того, при такой расстановке знаков мы подчеркиваем инверсию и сказовую интонацию, которую пытается создать автор.

Аналогичный пример встретился нам в журнале «Огонек»: *От деда осталась только единственная фотография – строгий юноша 19 лет с непокорным чубом в пиджаке и косоворотке*.

Здесь вызывает вопросы синтаксическая функция слов *в пиджаке* и *косоворотке*. Предложенный автором вариант расстановки знаков предполагает их восприятие в качестве несогласованных определений к слову *чуб*. Такое определение, стоящее после определяемого слова, действительно не обособляется, поскольку стоит на месте, определенном для него синтаксической закономерностью прямого порядка слов. Позволим себе, однако, усомниться, что автор хотел одеть в пиджак и косоворотку *чуб*. Данные определения относятся к слову *юноша*, что позволяет нам говорить о необходимости обособления, так как определение оторвано от определяемого слова. Правильный вариант расстановки знаков должен выглядеть так: *От деда осталась только единственная фотография – строгий юноша 19 лет с непокорным чубом, в пиджаке и косоворотке*. Это не снимает вопрос о неуклюжем построении предложения в целом, однако теперь догадаться о синтаксической функции слов в приведенном примере гораздо легче, знаки препинания выполняют свою задачу и читатель уже не споткнется на этом предложении, оценивая грамотность журналистского текста.

Еще одна ошибка, обедняющая смысл журналистского произведения, связана с распространенной сегодня заменой двоеточия на тире: *Представьте – вы глава такой державы, и вам бросают вызов несколько греческих городов. Конечно, вы идете в поход* (Вокруг света).

Двоеточие способно выявлять логику рассуждения, тогда как тире сигнализирует об эмоциональности, резкой смене событий, пропуске членов предложения; кроме того, обилие тире затрудняет восприятие текста, делая его чересчур непредсказуемым. В приведенном примере перед нами бессоюзное сложное предложение, в котором вторая часть раскрывает значение первой. Автор пытается привлечь адресата к собственным размышлениям, создать диалог: *Представьте (что?) вы глава такой державы* – и сам разрушает создаваемый эффект постановкой немотивированного знака. Более того, выбрав верный знак, журналист мог бы заметить, что дальше в предложении следуют предикативные части, вступающие в равноправные отношения — однородные, а это снимает необходимость постановки между ними запятой. Правильный вариант расстановки знаков должен был выглядеть следующим образом: *Представьте (что?): вы глава такой державы (и что еще?) и вам бросают вызов несколько греческих городов*.

Тенденция к отказу от двоеточия в настоящее время идет повсеместно, даже в критериях оценки экзаменационной работы по русскому языку в формате ЕГЭ эту ошибку рекомендуют не засчитывать. С нашей точки зрения, этот отказ является показателем стремления воздействовать исключительно на эмоциональное, а не рациональное начало читателя, то есть тяготением к демагогии – логически не обоснованным и поверхностным рассуждениям. Если же журналист, уважая своего читателя, вступает в диалог с равным собеседником, он должен апеллировать в том числе и к разуму своей аудитории.

Приведенные примеры отнюдь не исчерпывают заявленную тему, однако обозначают основные трудности современной русской пунктуации, на которые следует обращать внимание при создании текстов массовой информации.

Литература

- Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М., 2004.
Валгина Н.С., Светлышева В.Н. Орфография и пунктуация. М., 2008.
Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2007.
Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1996.
Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М., 2006.

ЭРГОНИМ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД : КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С.В. Доронина

Ключевые слова: товарный знак, коммуникативные функции знака, сходство до степени смешения, семиотические механизмы сходства.

Keywords: trademark, communicative functions of a sign, confusing similarity, semiotic mechanisms of similarity.

Активно развивающаяся сфера деловых коммуникаций порождает новые знаки, отличающиеся по структуре и функциям от единиц, традиционно исследуемых коммуникативными науками. Речь идет о так называемых товарных знаках – обозначениях, служащих для индивидуализации юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Прежде всего данные знаки характеризует семиотическая многослойность: они могут состоять не только из словесных, но и изобразительных символов, включать в себя буквы, цифры, эмблемы, монограммы или подписи, цвета или комбинации цветов. Кроме того, данный вид знаков характеризуется полифункциональностью. Торговые марки не только выполняют традиционные для языковых знаков номинативную и суггестивную функции, но также решают ряд задач, задаваемых особыми условиями коммуникации – конкуренцией референтов данных знаков на рынке товаров и услуг. Товарные знаки должны облегчать восприятие различий и создавать различия, то есть призваны внушить потребителю, что данное конкретное изделие / услуга отличается от других, аналогичных ему. Эту функцию знаки выполняют параллельно с другими средствами идентификации товара – упаковкой, формой, цветом, весом и т.д. [Веркман, 1986]. Наконец, товарные знаки должны служить гарантией в глазах потребителя – быть символом того, что цены и качество товаров с одним и тем же знаком не отличаются друг от друга. Товарные знаки являются средством, формирующим устойчивую ассоциативную связь между компанией и производимым ею продуктом, что, в конечном итоге, служит цели индивидуализации продукта в глазах потребителя.

Таким образом, товарные знаки могут быть объектом исследования не только маркетинга, патентного права, но и теории коммуникации, поскольку являются средством установления связей

между коммуникантами (производителем товара и потенциальным покупателем) в особых коммуникативных условиях (в сфере рыночных отношений, основанных на конкуренции).

Наиболее важные вопросы функционирования товарных знаков в деловой сфере получают правовую регламентацию. Согласно главе 76 «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и предприятий» ч. 4 ГК РФ, посвященной правилам использования товарных знаков и знаков обслуживания, запрещается регистрация и использование в коммерческих целях обозначений, сходных до степени смешения и используемых для обозначения однородных товаров. Закон призван охранять эффективность коммуникаций продавца и покупателя, пропуская на рынок товаров и услуг только те семиотические комплексы, которые способны эффективно выполнять функцию идентификации. Этим сводится к минимуму количество ошибок, обусловленных подменой (преднамеренной или случайной¹) одного из участников коммуникативного акта купли-продажи. Поэтому разработка метода оценки новых товарных знаков с точки зрения их охраноспособности является исключительно важной задачей.

Количество судебных исков о запрете использования обозначений, сходных до степени смешения, свидетельствует о том, что поставленная выше проблема далека от своего разрешения. Причина регистрации товарных знаков-двойников объясняется, прежде всего, неконкретностью определения правового понятия «сходство до степени смешения», существующего в российском законодательстве. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31.12.09 № 197, толкуют правовое понятие следующим образом: «Обозначения являются сходными до степени смешения, если они ассоциируются между собой в целом, несмотря на их отдельные отличия». Как видим, в основу определения положен признак ассоциативного сближения форм, допускающий возможность широкого вариативного толкования. Поэтому нередко установление «отдельных отличий» зависит от мнения – нередко весьма субъективного – экспертов Роспатента и судебных

¹ Как показывает экспертная практика, случайно возникшее подобие брэндов, без намерения скопировать известную торговую марку, – явление почти исключительное. Чаще всего имитация товарных знаков представляет собой манипулятивный рекламный ход, призванный внедрить на рынок поддельную продукцию либо является следствием борьбы бывших партнеров по бизнесу за клиентскую базу, созданную совместно.

экспертов-лингвистов. Так, товарные знаки *Интел* и *Интелпарт* экспертом Е. И. Галяшиной признаны сходными до степени смешения, в то время как наименования лекарственных препаратов *Энап* и *Энам*, по мнению исследователя В. П. Белянина, лишены такого сходства [Текстология.ru, URL].

Специалистам в области патентного права более удачным представляется законодательная база зарубежных стран, в частности, определение сходства до степени смешения, принятого Всемирной организацией интеллектуальной собственности: «Товарный знак является сходным до степени смешения с предшествующим знаком, если он используется для однородных товаров и так похож на предшествующий знак, что есть вероятность введения потребителя в заблуждение относительно происхождения товаров». (Цит. по: [Лыжин, 2005]). Данное определение представляется более удачным и с коммуникативной точки зрения. Во-первых, в нем указан адресат коммуникативного акта (потребитель), восприятие которого является основополагающим при решении вопроса об охраноспособности знаков. Во-вторых, само понятие сходства товарных знаков в нем подвергается существенной конкретизации, поскольку речь идет о такой степени подобию, которая может быть интерпретирована как маркер тождества товаропроизводителя. Данное уточнение весьма существенно при решении вопроса о различительной способности знаков, поскольку торговые марки, прежде всего, являются средством борьбы участников рынка за потребителя.

Сходство до степени смешения в товарном знаке создается различными способами, поскольку большинство коммерческих наименований являются комбинированными знаками. Копированию подвергаются графические особенности торговой марки, ее цветовые решения. Хотя следует отметить, что при добросовестной разработке знака, без копирования чужого изображения, крайне редко встречаются случаи полного совпадения, тем более, если учесть различия в цветовой гамме. Даже часто употребляемые изображения (глаза, солнца, руки) при незначительном изменении графики становятся непохожими на другие.

Доминирующим элементом в коммуникативных науках по праву считается вербальная часть обозначения, поэтому с особым вниманием следует относиться к выбору слова в словесно-изобразительном знаке. Известно, что словесные знаки составляют 80% от всех существующих товарных знаков. Такими знаками

могут быть личные имена «Алёнка», «Тинькофф». Также придуманные новообразования – *ксерокс*, *kodak*. Аббревиатуры – *МУЗ ТВ*, *РТР*, *ТНТ*. Числовые обозначения – *Первый канал*. Описание способов создания парных товарных знаков и оценка их манипулятивной способности – одна из важных прикладных задач коммуникативных наук. При этом неизменным условием успешного исследования выступает полный анализ социокультурного контекста, в котором функционируют данные товарные знаки. Доказательством тому выступает ряд примеров из экспертной практики.

Большое значение имеет степень владения носителями языка используемым коммуникативным кодом. В частности, товарные знаки «*olive*» в латинице и «*оливка*» в кириллице признаны сходными до степени смешения, поскольку между рассматриваемыми словесными обозначениями имеет место формальная ассоциативная связь [<http://rbis.su/article.php?article=306>]. В то же время товарные знаки «*target*» и «цель», согласно проведенной лингвистической экспертизе, не могут восприниматься русскоязычным потребителем как парные, так как они отличны визуально и фонетически, а совпадение объема лексических значений лексем английского и русского языков не осознается средним потребителем в России в силу недостаточной языковой компетенции. [<http://rbis.su/article.php?article=306>].

Важным для восприятия товарных знаков является экстралингвистический контекст – время существования товарного знака на рынке и степень знакомства потребителя с ним. Так, например, компании «Bouchard Aine et Fils», что в переводе означает «Бушар старший и сыновья», было отказано в регистрации товарного знака и предоставлении правовой охраны на территории России. Как пояснил представитель Роспатента в суде, ранее, в 1997 году, уже был зарегистрирован товарный знак компании «Bouchard Pere & Fils» («Бушар-отец и сыновья») и оба знака являются сходными до степени смешения и графически, и семантически, и фонетически. Представитель истца, со своей стороны, сообщил суду, что во Франции обе компании сосуществуют с 1828 года, потребитель их никогда не смешивал, и оба товарных знака признаются международным правом. [<http://rapsinews.ru/news/20091029/191162134.html>]. Как видим, правовая охрана международного товарного знака не всегда может быть автоматически распространена на территорию России.

Существенное значение имеет вопрос о том, какова аудитория потенциальных потребителей товара или услуги, репрезентируемые спорными товарными знаками. Семиотические комплексы, ориентированные на разные группы потребителей, не вступают в коммуникативный конфликт, даже обладая высокой степенью сходства. Так, например, наименования предприятий, реализующих продукты нефтепереработки, – «Алтайнефтепродукт», «Омскнефтепродукт», «Тюменьнефтепродукт» и пр. – являются обозначениями организаций, занимающихся предпринимательской деятельностью в разных регионах Российской Федерации. Отсутствие конкурентных отношений между поставщиками тождественных услуг ведет к тому, что фирменные наименования, обладающие высокой степенью подобия вербального компонента обозначения, беспрепятственно регистрируются и получают правовую защиту.

Безусловно, перечисленные коммуникативные факторы способствуют возникновению правового конфликта лишь при условии сходства вербальных компонентов фирменных наименований. Виды ассоциативной связи между данными семиотическими комплексами подобны парадигматическим отношениям единиц естественного языка. Товарные знаки, обладающие формально-семантическим сходством, можно считать паронимами – в процессе их функционирования в речи происходит мотивированная подмена одного наименования другим («Снежок» – «Снежинка»; «Валио» – «Валио йогурт»). Другие товарные знаки вступают в отношения паронимии, так как они схожи друг с другом только графически и фонетически («Liasson» – «Lyasson»; «HUSHCVANA» – «Husqvarna» [http://www.lawcabinet.ru/arbitrajnii_advokat/1047948878.html]).

Для выявления и последовательного описания приемов создания товарных знаков, вступающих в процессе своего функционирования в отношении паронимической аттракции, нами были проанализированы наименования однородных товаров (видов кисломолочной продукции), используемые товаропроизводителями Алтайского края. При этом приемы создания товарных знаков оказалось возможным разделить на следующие группы.

Наименования I группы составили пары наименований, которые могут быть восприняты потенциальным потребителем как иноязычный товарный знак и его русский перевод. «Normula» – «Норма», «Fruit corner» – «Фруите», «Йогурт Novation» – «Новационный йогурт».

Вторую группу составляют пары товарных знаков, в которых оба наименования пишутся на латинице. В этом случае знаки различаются особенностями графики «*Mesaneck*» – «*Mesaneck*», «*Liasson*» – «*Lyasson*», «*Innocent*» – «*Innocept*». Это самый эффективный прием провокации паронимической подмены фирменных наименований. В его основе лежит подмена (выпадение, добавление, замена) графем и графемных комплексов, которые не соотносимы с правилами графического отображения русской звучащей речи. Искажению подвергаются графические комплексы, отражающие согласные звуки BOSCH – BOSH, MESANECK – MESANEK; графическое отображение дифтонгов SANYO – SANIO; осуществляется подмена одиночных графем, обозначающие тождественные гласные и близкие согласные звуки SONY – SONI, VESTEL – WESTEL; наконец, искажению подвергаются нечитаемые графемы SCARLETT – SCARLET, BINATONE – BINATON.

Третью группу составляют знаки, созданные по словообразовательным и грамматическим моделям русского языка. Поэтому ассоциативная связь, возникающая между ними, обусловлена наличием общих структурных компонентов наименований. Некоторые из них обладают разной длиной, что позволяет в соответствии с традициями русского словообразования рассматривать более простое наименование как исходное, а более сложное – как производное. Реальные мотивационные отношения в данном материале не могут быть установлены, неопределима также и подражательная авторская интенция. Собранный материал лишь позволяет говорить о возможности установления эпидигматических отношений между знаками. Исходя из описанных презумпций, парные товарные знаки возможно описать следующим образом:

1. В структуре товарных знаков имеются тождественные или сходные элементы, позволяющие установить между знаками отношения производности: «*Му*» – «*Му-му*». В данном случае происходит редупликация знака. Изначально присутствующий в знаке слог «му» дублируется; в итоге план выражения языкового знака меняется, однако при этом план содержания не претерпевает изменения.

2. «*Летний день*» – «*Новый день*». Оба наименования представляют собой словосочетание прилагательное + существительное, где существительное «день» – главное слово. При этом оно не является родовым наименованием продукции, его употребление есть результат переноса (метонимического). Согласно

семантической классификации товарных знаков [Хефтер, Литовиц, URL; Чармэссон, 1999], данный компонент формирует произвольный товарный знак.

3. «Валио» – «Валио йогурт» (слово – словосочетание, где фантазийный компонент, слово *Валио*, повторяется) «Славянский» – «Славянский йогурт» (слово – словосочетание, где оригинальный компонент, слово *Славянский*, повторяется).

4. «Мечта» – «Заветная мечта». Использование той же структуры слово / словосочетание в данном примере осложнено тем, что усложненный знак представляет собой эпитет («Заветная мечта»). Однако развертывание метафоры до известного речевого клише не нарушает паронимических отношений: оригинальный компонент наименования, являющийся произвольным знаком [Хефтер, Литовиц, URL; Чармэссон, 1999], дает основание объединять эти наименования в пару.

Суггестивные свойства представленных приемов, по нашему мнению, не тождественны, и их измерение требует экспериментального исследования. Кроме того, воздействующий потенциал вербального компонента фирменного наименования может быть усилен за счет невербальных компонентов знака (как правило, изобразительных средств [Доронина, 2011]). Сказанное намечает перспективы исследования функциональных свойств товарных знаков в коммуникативном аспекте.

Литература

Доронина С.В. Конфронтационный текст в правовом пространстве // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.

Лыжин В. Товарные знаки и фирменные наименования. [Электронный ресурс]. URL: <http://advertology.ru/print11435.htm>

Веркман К.Дж. Товарные знаки: создание, психология, восприятие. М., 1986.

Хефтер Л.Р. Литовиц Р.Д. Что такое интеллектуальная собственность? // Введение в права интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. URL: www.infousa.ru/economy/intelprop/homepage.htm.

Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы. СПб., 1999.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Т.А. Полтавец

Ключевые слова: семантический анализ, глаголы пропозициональной установки, пропозиция, эпистемическая модальность, значение истинности, лингвистическая экспертиза.

Keywords: semantic interpretation, verbs of propositional attitudes, proposition, epistemic modality, truth value, linguistic expertise.

Общеизвестно, что в процессе коммуникации язык выполняет несколько функций; одной из них является функция инвективная, реализующая намерения автора кого-то обругать, оскорбить, обидеть, ввести в заблуждение за счет использования недостоверных фактов и т.п. Одним из приемов, реализующих инвективную коммуникативную интенцию, является дискредитация – распространение негативной информации о лице, направленное на подрыв его имиджа. Тексты, исполняющие такую функцию, часто вовлекаются в сферу судебного разбирательства, поскольку относятся к группе конфликтных текстов.

Достоинство личности, его честь и доброе имя, деловая репутация являются личным немущественным правом каждого гражданина. Для правовой квалификации высказывания по ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации» от специалиста в области лингвистики требуется помощь в разграничении сведений и мнений в оспариваемом контексте. Состав данного правонарушения определяет наличие порочащих сведений – информации о нарушении лицом законодательства, профессиональной / деловой этики, моральных, религиозных норм, т.е. информации, которая может быть проверена на соответствие действительности. Норма права противопоставляет сведения мнениям – высказываниям, отражающим субъективную позицию говорящего, в силу этого не подлежащим верификации и, в соответствии с конституционным правом свободы слова, не являющимся предметом судебного разбирательства.

Поиск лингвистических коррелятов для терминов права активизирует проблему соотношения высказывания с объективной дей-

ствительностью, давно обсуждающуюся в рамках различных направлений лингвистики. Деление высказываний на **фактивные и субъективные**, а глагольных предикатов – на фактивные и путативные, предполагает смысловой анализ суждений, лежащих в их основе: анализ грамматической организации предложения и его лексического состава. При этом семантический анализ и, в частности, описание модальности конфликтного суждения является необходимой частью лингвистического экспертного исследования.

Традиционно в числе средств выражения модальных значений называют интонацию, специальные конструкции, порядок слов, частицы и междометия, вводные слова и словосочетания, а также глагольные категории – наклонение, время, вид. Однако некоторые глаголы способны к выражению модальных значений вне зависимости от того, в какой грамматической форме они употреблены, поскольку модальные значения входят в семантику этих глаголов. Некоторые из этих предикатов давно известны и подробно описаны (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.А. Зализняк), в то время как другие глаголы до сих пор обделены вниманием исследователей.

Из всех непропозиционных предикатов к выражению эпистемических значений наиболее приспособлены глаголы ментального и речевого действия (ментативы и коммуникативы соответственно). Это обусловлено спецификой их лексического значения, отражающего внутреннее состояние человека, его отношение к миру и интерпретацию внешних событий действительности (см. таблицу).

Семантика указанных глаголов исследовалась в диагностическом контексте «*Он* (исследуемый глагол в форме прош. вр.), *что Р*». Фактивный глагол в таком контексте может обозначать две различные эпистемические ситуации. В первом случае фактив указывает на то, что событийная пропозиция верифицируется дважды – и персонажем, и говорящим субъектом. Например, в контексте «*Павел знал, что идет дождь*», о том, что идет дождь, знают и Павел, и автор.

Возможен и другой случай функционирования фактива в контексте. В примере «*Павел забыл, что идет дождь*», знание об истинности пропозиции принадлежит автору, но не персонажу. Поскольку автор знает о ситуации больше, чем персонаж, мы полагаемся на его суждение и относим глагол «забыть» к фактивам – забыть можно только о том, что имело место в действительности. А, например, в контексте «*Павел поверил, что идет дождь*» персонаж верифицирует пропозицию, но автор его в этом не поддерживает.

**Классификация глаголов ментального и речевого действия
по присущим им эпистемическим значениям**

Тип глагола	Знание об истинности Р	мнение	Знание о ложности Р
Ментативы	Пренебречь (тем, что Р), понять, недопонять, забыть, подметить, выяснить, уяснить, вспомнить, припомнить, осмыслить, переосмыслить, обдумать, сознать, предчувствовать, предвидеть, догадаться, узнать, знать, ведать, прояснить, объяснить	Верить, поверить, увериться, мнить, расценить, решить, помыслить, думать, подозревать, предполагать, заключить, вывести, умозаключить.	Вымыслить, измыслить, злоумыслить, замыслить, выдумать, фантазировать, представлять.
Коммуникативы	Известить, напомнить, недосказать, помалкивать о, умолчать, предупредить, сболтнуть, выболтать, разболтать, изобличать, молчать, осудить, хвалить, бранить, благодарить.	Внушить, полагать, допустить, убеждать, уверять, утверждать, заверять, обосновывать.	Врать, дурачить, клеветать, оклеветать, переврать, подвирать, поклепать, преувеличить, приврать, шутить.

Путативные глаголы проявляют себя иначе. Особое внимание необходимо уделить глаголам с семей «знание о ложности Р». На ранних этапах исследования глаголы с этой эпистемической окраской были обнаружены только в числе коммуникативов, однако позже их удалось выделить и среди глаголов ментального действия. Особенность этих глаголов в том, что говорящий и персонаж имеют совпадающие картины мира. Например, «*Павел врал, что идет дождь*» или «*Павел шутил, что идет дождь*». В обоих контекстах автор высказывания утверждает не только то, что событие не имело места в действительности, но также и то, что персонаж знает об этом.

Многие глаголы, обладающие семой «знание об истинности Р», усиливают свою фактивность при помещении в отрицательный контекст. Это связано с тем, что при отрицании возникает ситуация, когда автор знает об истинности пропозиции, а персонаж – нет, и этот контраст усиливает фактивность пропозиции. Впервые подобная комбинация встретила нас в контексте с глаголом *забыть*, содержащим отрицание в своей семантике.

Он забыл, что идет дождь – это значит, что пропозиция фактивна и дождь действительно идет. Об этом нам сообщает автор, в то время как персонаж не владеет полной информацией о ситуации.

Так же ведут себя и другие фактивные глаголы, помещенные в отрицательный контекст. Ср.: *Он понял, что идет дождь. – Он не понял, что идет дождь.*

В первом случае перед нами утверждение о факте, об истинности которого знают и автор, и персонаж. Во втором случае о том, что идет дождь, знает только автор. Сочетание неосведомленности персонажа со знанием автора подчеркивает и усиливает фактивность пропозиции. Подобным образом ведут себя глаголы *подметить*, *уяснить*, *выяснить*, *вспомнить*, *припомнить*.

Глагол *пренебрегать* в отрицательном контексте показывает другую вариативность значений. Ср.: *Он пренебрег тем, что идет дождь* – он знал, что идет дождь, но не изменил свой образ действий в соответствии с этим знанием, не показал действием, что знает. *Он не пренебрег тем, что идет дождь* – он знал и продемонстрировал свое знание; фактивность также усиливается.

Глаголы *обдумать* и *осмыслить* при помещении в отрицательный контекст также приобретают дополнительные коннотации. Если автор говорит *он обдумал* или *он осмыслил что-то*, то он подразумевает, что персонаж знал некоторую информацию и принял ее во внимание. Если же он *не обдумал что-то*, значит, он знал о чем-то и пренебрег этим знанием.

В группе глаголов со значением «мнение» наиболее интересным кажется глагол *мнить*. В отрицательном контексте он приобретает значение «знание о ложности Р». Другие глаголы мнения такой способности не проявляют, ср.: *Он не мнил себя поэтом = Он знал, что он не поэт*. Необходимо отметить, что *мнить* имеет также способность задавать оценочную пропозицию, ср.: *Он не мнил себя поэтом = Он знал, что он плохой поэт*.

Некоторые из глаголов третьей группы (*вымыслить*, *измыслить*, *выдумать*) при употреблении в отрицательном контексте приобретают

значение «знание об истинности Р»: *Он не выдумал, что идет дождь* = Он знал, что идет дождь, и рассказал об этом.

В практике лингвистических экспертиз выявление эпистемических значений с помощью семантического анализа дает хорошие результаты при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Этот метод позволяет дать ответ на многие типовые вопросы к экспертам, такие как «Содержаться ли в статье ... выпуска № ... (2003) журнала «...» негативные сведения о ... (ФИО), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?» и «Являются ли сведения, изложенные в абзаце ...: «...», утверждениями о фактах, если да, то каких, или мнением автора статьи (журналиста, редакции)?» Если в результате анализа в использованных глаголах будет выявлено значение «знание об истинности Р», следовательно, речь идет о факте, если обнаружены значения «мнение» и «знание о ложности Р», то информация не фактивна. Безусловно, результаты семантического анализа должны подкрепляться данными использования других методов, поскольку эксперт дает заключение о семантике всего текста, а не отдельных его фрагментов.

Например, сравним две реплики, которые могут фигурировать в показаниях: «Я заключил, что сторож пьет водку» и «Я выяснил, что сторож пьет водку». В первом случае мы имеем дело с обоснованным мнением – говорящий предлагает нам свою интерпретацию событий, но не настаивает на том, что это единственно верная интерпретация («из известных мне фактов вы можете вывести другое заключение»). Во втором контексте говорящий утверждает, что имел место факт, истинность которого для него абсолютно ясна, так что он не считает нужным верифицировать свое суждение. Глагол «заключить» обладает валентностью «причина события», обуславливающей появление в контексте аргументов, из которых следует данный вывод. Так, нормативны контексты *из этого я заключил* и т.п. Глагол «выяснить» такой валентностью не обладает, однако при этом семантика глагола допускает указание на источник информации, повышающий степень верификации – *я выяснил из достоверного источника*.

Таким образом, можно утверждать, что в семантике глаголов ментального и речевого действия выражается богатая палитра модальных эпистемических значений. Применение семантического анализа позволяет выявить эпистемические значения в семантике глаголов пропозициональной установки, которые традиционно считались неспособными к передаче значений «знание» и «мнение». В

применении к практике лингвистических судебных экспертиз это означает, что метод семантического анализа позволяет убедительно и наглядно доказывать фактивность исследуемых суждений и его использование в комплексе других методов оправдано практической необходимостью. Семантический анализ дает хорошие результаты при изучении спорных текстов, позволяя найти имплицитные смысловые компоненты, содержащиеся в единицах текста. К числу таких имплицитных компонентов, в частности, относятся модальные эпистемические значения.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бринев К.И. Разграничение оценочных и дескриптивных высказываний при производстве лингвистических экспертиз по защите чести и достоинства личности. [Электронный ресурс]. URL: <http://siberia-expert.com/publ>.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика–2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристконсультантов. М., 2004.

Чернышова Т.В. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства) // Филология и человек. 2011. № 4.

ПЕРЕВОДЫ

Erik Barnouw. Preface // International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford, 1989. Vol. 1. P. XIX–XX. URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>
(Извлечения)

Preface

The ways in which members of the human species perceive and influence one another and envision their own roles in the scheme of things have been changed by a series of momentous innovations, which we now call a communications revolution. The revolution is clearly far from over.

But when did it begin? The revolution may be said to have begun when our ancestors started adding word-language to age-old repertoires of gesture, glance, body signal, touch, grunt, growl, moan, rhythm, intonation, melody. With the growth of word-language, humanity diverged increasingly from fellow species and acquired an oral tradition, tribal memory, and the beginnings of a history.

The revolution may be said to have moved through further phases as humans began to record on cave wall, stone tablet, bone, wood, bark, pottery, skin, and plant fibers messages that others might note. As such messages began to use symbol systems for conveying word-language, links with past and future were strengthened. The sense of community widened and deepened. Segments of humanity acquired their special recorded histories bolstered by artifacts, rituals, and sacred records. All this favored the complex evolution of societies and their hierarchies.

A further phase came with the devising of mechanisms for the mass production and distribution of words, images, and symbols through printing and paper and all their associated technologies. The reverberating effects have only gradually been perceived. The wider diffusion of information and ideas, sometimes circumventing those in power, could

upset old orthodoxies and bring schisms and shifts in the social order. But it could also be used to consolidate power and extend hegemony. A growing deluge of messages embedded in multiplying languages, literary media, and works of art created larger social linkages as well as divisions.

Each of these phases brought great changes to the human experience. Most were spread over eons or centuries, so that few people felt they were living through anything that might be called a revolution. With the phases that followed, the situation has been different. The technologies of the past century, catapulting us from photography, film, telegraphy, telephone, and the broadcast media via video, cable, computer, satellite, and the laser beam into a telecommunications era, have set in motion such startling changes in our institutions and lives that the term *communications revolution* has become an ever-present reality to people everywhere. The resulting ferment has also generated a new and rapidly spreading field of academic study under the name *communications*, which takes as its domain the entire revolution, its social effects, and its meaning for the future.

The developments constituting the revolution, shaped largely by the human species itself, have at the same time reshaped it. Modern society is to an astonishing extent the constantly evolving product of this revolution. The centrality of communication in human history has become clear, explaining why such varied disciplines as anthropology, arts, education, ethology, history, journalism, law, linguistics, philosophy, political science, psychology, and sociology have all gravitated toward the study of communication processes and have collaborated in the creation of the new discipline.

The present work, a first effort to define the field in a comprehensive way, got its start in 1982 with a feasibility study under the leadership of George Gerber of The Annenberg School of Communications, University of Pennsylvania. Within months Oxford University Press had joined the University of Pennsylvania as co-publisher. By the fall of 1983 a full-time staff was in place; supported by an international structure of editorial advisers and consultants, it began working its way toward an *International Encyclopedia of Communications*.

We include in communications all ways in which information, ideas, and attitudes pass among individuals, groups, nations, and generations. <...>

A communication system, like the human nervous system, sorts and distributes data and provides for their storage and retrieval. Its signals

can evoke memories, rouse emotion, and trigger action. As in a nervous system, aberrations can cause deep disturbances in the organism. Communications scholars concern themselves with everything that may block, disrupt, poison, or distort communication. They strive to understand such aberrations and to further the quest for remedies.<...>

Erik Barnouw,
Editor in Chief

Эрик Барноу. Предисловие // International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford, 1989. Vol. 1. С. XIX–XX. URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>
(Извлечения)

Предисловие

В последнее время в отношениях людей изменилось многое: то, как они воспринимают друг друга, оказывая взаимное влияние; их осознание собственной значимости и роли в современном обществе. Причиной этих изменений стал ряд новшеств, которые получили название «коммуникативная революция». Данная революция еще не закончилась.

Но когда же все началось? Представляется возможным утверждать, что изменения восходят к тем временам, когда наши предки в собственное общение, представляющее собой набор жестов, визуальный контакт, мимику, язык тела и т.д., стали добавлять слова. С развитием вербальных средств человек больше не ограничивал круг общения только своими соплеменниками. Так появляется умение выстраивать коммуникацию, так начинается ее история.

Коммуникация претерпела ряд изменений на последующих этапах развития человечества: люди начинают писать на стенах пещер, на дощечках, сделанных из камня, дерева, коры, шкур животных; люди делают надписи на кухонной утвари. Все это делается для того, чтобы написанное прочитали другие. И когда в данных сообщениях начинают использоваться определенные символы, обозначающие слова, усиливается связь прошлого и настоящего, растет значимость принадлежности человека к определенному сообществу, что находит отражение в священных писаниях, артефактах и ритуалах. Все это способствует развитию общества и его иерархии.

Следующий этап связан с изобретением и применением печатных механизмов, а в дальнейшем и появлением определенной технологии,

которая использовалась для производства массовой печатной продукции. Значимость этих новшеств осознавалась с течением времени. Последующее распространение информации и новых идей, которые иногда шли вразрез с мнением господствующего класса, могло расколоть общество, тем самым изменив его структуру, но также могло способствовать его сплочению и единению. Многочисленные литературные произведения на разных языках, произведения искусства, которые содержали в себе некие послания человечеству, с одной стороны, объединяли людей, с другой, – разделяли на определенные классы.

На каждом этапе развития человеческое общество приобретает определенный опыт. Многие изменения протекают в течение нескольких веков, в результате чего мало кто из людей замечает, что эти изменения носят революционный характер. На более поздних этапах развития ситуация выглядит совсем иначе. Новшества, появившиеся в прошлом веке, – фотография, кинематограф, телеграф, телефон, телевидение, видео, компьютер, спутниковая связь, средства телекоммуникации – положили начало огромным изменениям, получившим название *коммуникативная революция*, которая в настоящее время стала реальностью. В результате появилось быстро развивающееся научное направление – теория коммуникации, областью изучения которой становится *коммуникативная революция* как целое, ее социальные последствия и значение для будущего.

Все нововведения, лежащие в основе *коммуникативной революции*, созданы людьми, но, с другой стороны, человечество ощущает на себе их влияние. Современное общество в очень большой степени является постоянно развивающимся продуктом этой революции. Центральное положение коммуникации в человеческой истории не вызывает сомнения и объясняет, почему такие разные дисциплины, как антропология, искусствоведение, педагогика, этология, история, журналистика, юриспруденция, лингвистика, философия, политология, психология, социология, все более тяготеют к изучению процессов коммуникации и сотрудничают в создании новой дисциплины – теории коммуникации.

Настоящая работа представляет собой первую попытку обозначить сферу исследований новой науки. Началом послужила публикация Джорджа Гербера, профессора университета Пенсильвании, Анненбергской школы коммуникации. Некоторое время спустя издательство Оксфордского университета выступило партнером университета Пенсильвании. Осенью 1983 года целый штат сотрудников, включающий консультантов и редакторов из разных стран, начал работать над

книгой «Международная энциклопедия коммуникаций» (*International Encyclopedia of Communications*).

Мы включаемся в процесс коммуникации всякий раз, когда обмениваемся информацией, мыслями, высказываем собственное отношение к происходящему. Таким образом, происходит общение между отдельными людьми, группами, нациями, поколениями.<...>

Система коммуникации, как нервная система человека, сортирует и распределяет информацию, а также отвечает за ее хранение и воспроизводство. По определенному сигналу появляются воспоминания, возникают эмоции – и человек начинает действовать. Как в нервной системе бывают сбои, так и в общении возникают ситуации непонимания. Исследователи теории коммуникации тщательным образом изучают все, что препятствует общению и ведет к непониманию. Они пытаются установить причины непонимания и найти решение для каждого отдельного случая несостоявшейся коммуникации.<...>

Эрик Барноу,
главный редактор

(перевод к.ф.н. И. А. Широких)

Cheryl Hamilton. Communication Defined // Cheryl Hamilton. *Communicating for Results : a Guide for Business and the Professions*. 2008. P. 5–6. (Извлечения)

Communication Defined

When business and professional people are asked to define *communication*, they often respond with something like this: «Communication is the process of transferring thoughts and ideas from one person to another». On the surface, this definition sounds good. It acknowledges that communication is a process (which means that it is ongoing), and it includes the idea of communicating our thoughts and ideas to others. However, the words *transferring* and *from one person to another* inaccurately imply that communication is like pouring liquid from a pitcher. The definition implies a simple, one-way action where person A takes knowledge from his or her head and simply pours (transfers) it into the head of person B. Obviously, communication is not so simple. Person B may refuse to just accept A's ideas without comment and may prefer to offer his

or her own ideas (give feedback). Or person B may completely misinterpret A's message. As communication scholar David Berlo (1960) once noted, «Communication does not consist of the transmission of meaning. Meanings are not transferable. Only messages are transmittable, and meanings are not in the message, they are in the message- user» (p. 175).

A more accurate definition of communication can be found by looking at its original meaning. *The Oxford English Dictionary* (Vol. II, 1989) lists the Latin root of *communicate* as *communicare*, which means «to make common to many; share». According to this definition, when people communicate, they express their ideas and feelings in a way that is understandable (common) to each of them. Each person has a direct effect on the other person and on subsequent communication. Therefore, **communication** is the process of people sharing thoughts, ideas, and feelings with each other in commonly understandable ways.

Шерил Хамилтон. Определяя коммуникацию // Хамилтон Ш. Общение на результат : Руководство для бизнесменов и профессионалов. 2008. С. 5–6. (Извлечения)

Определяя коммуникацию

Когда бизнесменов или квалифицированных специалистов просят определить коммуникацию, они часто отвечают чем-то вроде этого: «Коммуникация – процесс передачи мыслей и идей от одного человека к другому». На первый взгляд, такое определение кажется вполне удовлетворительным. Оно подчеркивает, во-первых, что коммуникация – это процесс (нечто продолжающееся), и, во-вторых, содержит идею о передаче наших мыслей и идей другим. Однако фразы «передача» и «от одного человека к другому» некорректно наводят на мысль, что коммуникация подобна льющейся из графина жидкости. Определение описывает простое, одностороннее действие: человек А берет знание из своей головы и просто вливает (передает) его в голову человека Б. Очевидно, что процесс коммуникации не так прост. Человек Б может запросто без комментариев отказаться согласиться с идеями человека А и может предпочесть предложить свои собственные идеи (дать обратную связь). Или человек Б может абсолютно неверно интерпретировать сообщение человека А. Как отмечает специалист по коммуникации Дэвид Берло (1960), «коммуникация не состоит из передачи значения. Значения не передаваемы. Передать можно только сообщения, а значения находятся не в сообщении, а в голове пользователя» (с. 175).

Более точное определение коммуникации может быть дано исходя из оригинального значения самого слова. Оксфордский словарь английского языка (Изд. II, 1989) приводит в качестве источника глагола communicate латинский «communicare», что означает «делать общим для многих; разделять». Согласно этому определению, когда люди общаются, они выражают свои идеи и чувства таким образом, чтобы они были понятными (общими) для каждого из них. Каждый человек оказывает прямое влияние на другого человека и на последующую коммуникацию. Таким образом, коммуникация есть процесс обмена мыслями, идеями и чувствами друг с другом общепонятными способами.

(Перевод к.ф.н. Е.В. Демидовой)

Cheryl Hamilton. The Basic Model of Communication // Cheryl Hamilton. Communicating for Results : a Guide for Business and the Professions. 2008. P. 5–6. (Извлечения)

The Basic Model of Communication

Whether you are communicating with one person, a small group, or many people, the same basic process occurs, and the same misunderstandings can arise. Successful business and professional communicators owe a large part of their success to their ability to minimize potential misunderstandings.

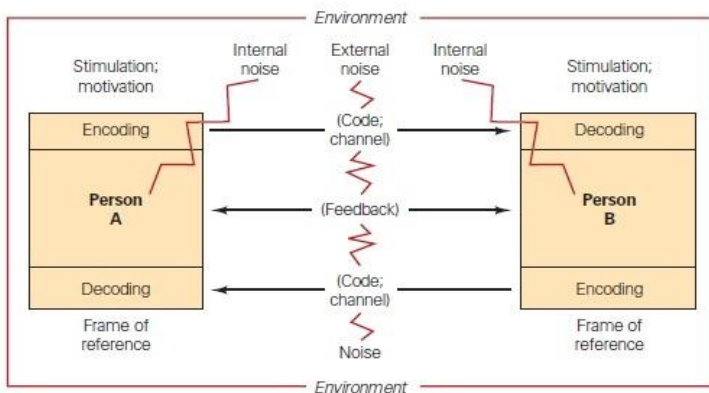

Figure. 1.1. The Basic Model of Communication

Communication models allow us to pinpoint where in the process misunderstandings occur and to assess how to correct them. Communication models have evolved from a one-way linear model (Laswell, 1948; Shannon&Weaver, 1949) to an interactive or circular model with feedback (Schramm, 1955) to more dynamic transactional models (like the one in Figure 1.1), where communication from various directions may occur simultaneously. Successful communicators are aware of and can correctly use the basic elements of the communication process shown in our model: person A / person B, stimulation and motivation, encoding and decoding, frames of reference, code, channel, feedback, environment, and noise. Figure 1.1 will help you to visualize these elements.

Шерил Хамилтон. Базовая модель коммуникации // Хамилтон Ш. Общение на результат : Руководство для бизнесменов и профессионалов. 2008. С. 5–6. (Извлечения)

Базовая модель коммуникации

Независимо от того, общаетесь Вы с одним человеком, небольшой группой или со многими людьми, имеет место один и тот же базовый процесс и могут возникнуть коммуникативные сбои. Секрет успешных коммуникаторов из сферы бизнеса заключается в их способности минимизировать потенциальные недоразумения.

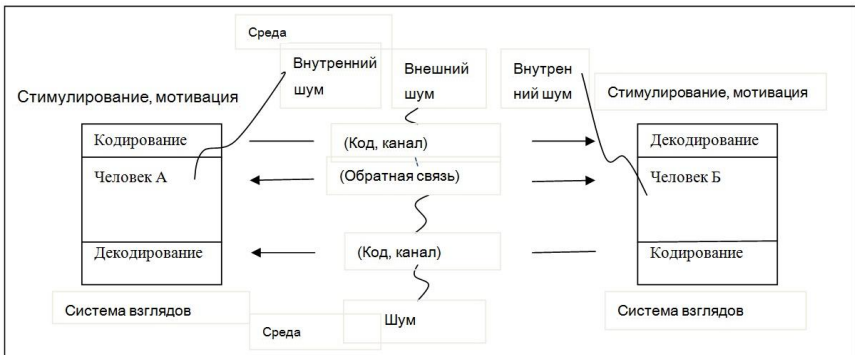

Рис. 1.1. Базовая модель коммуникации

Коммуникационные модели позволяют точно определить, где именно в процессе взаимодействия происходят сбои и оценить, каким

способом они могут быть устранены. Коммуникационные модели совершенствовались от односторонней линейной модели (Laswell, 1948; Shannon&Weaver, 1949) к интерактивной, или круговой, модели с обратной связью (Schramm, 1955) и далее к более динамичным транзакционным моделям (как на рисунке 1.1), в которых коммуникация может протекать одновременно в различных направлениях. Успешные коммуникаторы знают и могут правильно использовать основные элементы коммуникационного процесса, показанного на нашей модели: человек А / человек Б, стимулирование и мотивация, кодирование и декодирование, системы взглядов, код, канал, обратная связь, окружающая среда и шум. Рисунок 1.1 поможет Вам визуализировать эти элементы.

(Перевод к.ф.н. Е.В. Демидовой)

Christopher Davies. Divided by a Common Language : A Guide to British and American English. Houghton Mifflin Company, NY, 2005. P. 48–50. (Извлечения)

Differences in Customs and Etiquette

This is a difficult topic to sum up in one chapter, so I've selected some of the cultural differences that I find the most striking. The United States is a melting pot of nationalities. English may be the national language of the US, but many Americans have African, Asian, or Native American ancestors, or ancestors who came from other countries in Europe besides the United Kingdom. While we share the same language to a point, American culture is quite different from that of the UK. Americans use different body language, interact differently with others, and have different customs. Americans will strike up a conversation with a stranger much more readily than a Briton may be accustomed to, and an American may ask questions that a British person could find a little forward. They often terminate even a brief chat with «Well, it was nice talking to (with) you!» or «Have a nice day now!» Friends and acquaintances greet each other with «Hi» or «Hi there» or «How's it going?» Most Americans answer their phone by just saying «Hello», whereas most Britons give their name or phone number. On terminating a telephone conversation, an American might say «Well, I'll let you go

now», rather than being blunt and saying «I have to go now». Americans often give a parting pleasantry, such as «Drive safely» or «Enjoy» that may seem rather like a command to a Briton.

«Thank you» always requires a response in the US. The most common response is «You're welcome». In a casual situation you may hear «You bet» or «Uh-huh». A Briton might respond with «Thanks very much», «Not at all», or perhaps «Cheers» in a casual situation. (Most Americans would find this use of the expression «Cheers» very odd, as it is usually used as a toast before drinking in the US.) Sometimes a nod of acknowledgment is considered sufficient response. «Sir» or «Ma'am» is used far more in the US than in Britain. You will hear it often when being served in a restaurant or in other businesses that provide services. It is also used to catch someone's attention, as in «Sir, you left your keys behind». If an American does not understand you, he or she may simply say «Sir?» or «Ma'am?» This means they want you to repeat your statement or «to run that by them one more time». If you are addressed as «Buster» or «Lady», it is probably not too friendly a form of address, and you have most likely offended the person.

As Henry Higgins put it in *My Fair Lady* by Frederick Loewe and Alan Jay Lerner, «An Englishman's way of speaking absolutely classifies him». In the US, the social pecking order is not always as apparent merely by accent as it is in the UK. However, differences between the accents of various social groups in the US can be heard, even by Britons unfamiliar with American dialects, especially in the large cities of the East.

Americans are more inclined to attend church regularly than Britons. An estimated 100 million Americans attend a church every Sunday. Synagogues, also called *temples*, are also well attended.

Drive-ins and drive-through services are popular in the US, especially with banks and fast-food restaurants, although drive-in movies have decreased in numbers since the 1980s. *The soda fountain* (beverage counter) in the local *drugstore* (general store) has all but disappeared. Until the 1960s, the soda fountain was a local meeting place for youngsters in small towns.

Most utility bills (water, electricity, phone, etc.) come monthly in the US. They often come quarterly (every three months) in Britain, which can give one quite a surprise! Screens on the windows, central heating, and air conditioning norm in houses in the southern us. Screens are not found on British windows, and although air conditioning is now common in British cars, private homes, almost without exception, do not

have air conditioning. Almost all American cars have air conditioning, automatic transmission, and cruise control. Top-notch American hotels and restaurants, especially in big cities, often provide valet parking. It is customary to leave a small tip when your car is returned.

The United States also has its share of legends and folktales. Americans have Bigfoot, the British have the Loch Ness monster. Bigfoot, otherwise known as Sasquatch, is a large hairy human – oid creature that is said to roam wilderness areas of the US, in particular the Pacific Northwest. From time to time people report sightings of this creature or traces of his enormous footprints.<...>

Кристофер Дэвис. Разделенные общим языком : Справочник по американскому и британскому английскому. Нью Йорк, 2005. С. 48-50. (Извлечения)

Различия традиций и этикета

Данную тему [различия британских и американских традиций и этикета – *Е. Д.*] сложно рассмотреть в рамках одного раздела, поэтому я выбрал только некоторые культурные различия, которые нахожу самыми поразительными. Соединенные Штаты Америки – это смешение различных национальностей. Английский язык может считаться национальным языком США, однако у многих американцев есть африканские, азиатские или индейские предки, которые приехали не из Великобритании, а из других стран. Несмотря на то, что мы говорим на одном и том же языке, американская культура очень отличается от британской. Американцы используют свой язык жестов, иначе взаимодействуют друг с другом и имеют совершенно другие традиции. Американцы начнут беседу с незнакомцем с большей готовностью, чем это сделают британцы, и американец может задать такие вопросы, которые британцу могут показаться несколько странными. Они часто заканчивают даже краткую беседу фразой «Well, it was nice talking to (with) you!» («Ну, приятно поговорили с Вами») или «Have a nice day now!» («Хорошего дня!»). Друзья и знакомые приветствуют друг друга словами «Hi» («Привет») или «Hi there» («Привет вам») или «How's it going?» («Как дела?»). Большинство американцев отвечает на телефонный звонок словами «Hello» («Привет»), тогда как большинство бри-

танцев назовут свое имя или номер телефона. При завершении телефонного разговора американцу следовало бы сказать «Well, I'll let you go now» («Ну, теперь я позволю Вам идти»), вместо того, чтобы бес тактно заявить «I have to go now» («Мне нужно идти теперь»). Американцы часто говорят: «Drive safely» («Езжай осторожно») или «Enjoy» («Радуйся»), британцу может не понравиться такой командный тон.

Фраза «Thank you» («Спасибо») в Америке всегда предполагает ответ. Наиболее распространенный ответ – «You're welcome» («Пожалуйста»). В бытовых ситуациях вы часто можете услышать «You bet» («Ага») или «Uh-huh» («Угу»). Британец ответит «Not at all» («Не за что») или, возможно, «Cheers» («На здоровье») в обыденной ситуации. (Большинство американцев сочло бы употребление выражения «Cheers» («На здоровье») в таком контексте очень странным, поскольку оно обычно используется в качестве тоста). Иногда кивок считают достаточным ответом. Обращения «Sir» («Сэр») или «Ma'am» («Мадам») используются намного чаще в США, чем в Великобритании. Вы можете их услышать, когда вас обслуживают в ресторане или в других подобных заведениях, оказывающих услуги. Они также используются, чтобы обратить чье-либо внимание, например: «Sir, you left your keys behind» («Сэр, Вы оставили свои ключи»). Если американец не понимает Вас, он или она может просто сказать «Sir?» («Сэр?») или «Ma'am?» («Мадам?»). Это означает, что они хотят, чтобы Вы повторили свое заявление или «чтобы разъяснили сказанное еще раз». Если к Вам обращаются словами «Buster» («Олух») или «Lady» («Леди»), это является сигналом недружественной формы обращения, и Вы, скорее всего, оскорбили человека.

Как сказал Генри Хиггинс в «Моей прекрасной леди» (реж. Фредерик Лой и Алан Джей Лернер), «манера англичанина говорить классифицирует его». В США, в отличие от Великобритании, социальная иерархия не всегда легко определяется по акценту. Однако различия между акцентами различных социальных групп в США, особенно в крупных городах на востоке страны, могут услышать даже британцы, незнакомые с американскими диалектами.

Американцы регулярно ходят в церковь, в отличие от британцев. Каждое воскресенье приблизительно 100 миллионов американцев посещают церковь. В синагогах, называемых «храмами» (*temples*), также многолюдно.

«Услуги в автомобиле» (*drive-ins*) популярны в США, особенно это касается банковских услуг и ресторанов быстрого питания, хотя количество кинотеатров под открытым небом сократилось по сравне-

нию с 1980-ыми. Автоматы газированной воды (*soda fountain*) в местных магазинах (*drugstore*) практически исчезли. До 1960-ых автоматы газировки являлись местом молодежных тусовок в малых городах.

Большинство счетов за коммунальные услуги (вода, электричество, телефон, и т.д.) приходит в США ежемесячно. В Великобритании они часто приходят раз в квартал, что может удивить. Экраны на окнах, центральное отопление и кондиционеры в домах на юге США – это норма. На британских окнах экранов нет, и кондиционеры, широко распространенные в британских автомобилях, в частных домах отсутствуют. Практически во всех американских автомобилях есть кондиционер, автоматическая коробка передач и круиз-контроль. Люксовые американские отели и рестораны, особенно в больших городах, часто предоставляют услугу валет-паркинга, и общепринятым является оставлять небольшие чаевые парковщику, когда он возвращает Ваш автомобиль.

В Соединенных Штатах бытуют свои легенды и народные сказки. У американцев есть Йети, у британцев – Лохнесское чудовище. Йети, известный как Снежный человек, – это крупное волосатое существо, которое, как говорят, бродит по глухим территориям северо-запада США. Время от времени люди обнаруживают его огромные следы.
<...>

(Перевод к.ф.н. Е.В. Демидовой)

Claude Germaine. La notion de situation en linguistique. Ch. 2. Définitions et types de situation, §5. Traits situationnels pertinent // Л.М. Скредина. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка. Л., «Провсвещение», 1980. С. 48–49. (Извлечения)

Au terme de ce chapitre, il apparaît maintenant qu'il est préférable, lorsqu'on se place dans une perspective linguistique, de considérer le contexte et la situation comme deux entités distinctes: le contexte est un fait proprement linguistique, et la situation, un fait extralinguistique. L'emploi du terme *environnement* mérite d'être réservé au domaine de la deuxième articulation; le mot *phonie* sert à désigner une suite de sons, c'est-à-dire l'ensemble des unités linguistiques d'un énoncé, y compris l'unité considérée, contrairement au contexte qui sert à désigner l'entourage formel prochain ou éloigné de l'unité considérée. La situation a été définie comme «l'ensemble des faits connus par le

locuteur et par l'auditeur au moment où l'acte de la parole a lieu». Contrairement à la définition proposée par Prieto, cette définition de la situation n'inclut pas uniquement l'auditeur; sur le plan pratique, toutefois, il a paru préférable de s'en tenir à l'étude du rôle de la situation du seul point de vue de l'auditeur. La distinction faite par Prieto entre «l'acte de parole simple» et «l'acte de parole complexe» n'a pas été adoptée <...> nous avons également dû rejeter la dernière partie de sa définition de la situation, qui impliquait une négation du rôle même du contexte linguistique.

Après avoir défini la situation, nous avons exposé les deux grands types de situations que la plupart des auteurs s'accordent à reconnaître: la situation constituée d'éléments physiques observables, et la situation constituée d'éléments non observables. Nous avons alors tenté d'aller au-delà de ces types très généraux, et nous avons été amené à proposer une distinction entre quatre types de situations: la situation physique, la situation non physique, la situation kinésique, et la situation contextuelle. L'examen de ce dernier type de situation, d'origine linguistique, a permis de soulever le problème des rapports complexes entre le contexte et la situation: le contexte est apparu comme étant très souvent une situation transposée en manques formelles linguistiques, et la situation est apparue comme étant parfois un ensemble de faits connus provenant de la langue même, c'est-à-dire en définitive, du contexte linguistique. Nous nous sommes ensuite penché sur la question des traits pertinents situationnels. Cette question a dû être ramenée au problème de la pratique même de la langue et à celui de l'acquisition du langage par l'enfant. La procédure de délimitation des traits pertinents situationnels suggérée par Bourquin, assez conforme à cette pratique linguistique et à ce mode d'acquisition, est alors apparue comme une méthode théoriquement prometteuse, encore inexploree cependant sur le plan expérimental. Enfin, l'importance de la situation dans la communication linguistique, tant orale qu'écrite, a été mise en évidence. Toutefois, même si les exemples rapportés ont pu donner un aperçu du rôle de la situation, il reste que ce rôle n'a pas encore, comme tel, été démontré. C'est à cette tâche particulière que seront consacrés les chapitres suivants.

Клод Жермен «Понятие ситуации в лингвистике». Гл. II. Определения и типы ситуаций, §5. Релевантные ситуационные признаки // Л.М. Скредина. Хрестоматия по теоретической грамматике французского языка. Л.: Просвещение, 1980. С. 48–49. (Извлечения)

В рамках данной главы представляется предпочтительным, в случае рассмотрения в лингвистической перспективе, определять контекст и ситуацию как два различных субъекта: контекст – это соб-

ственно лингвистическое явление, а ситуация – экстралингвистическое. Употребление термина *окружение* следует ограничить сферой вторичной взаимосвязи; слово «фония» служит обозначению последовательности звуков, т.е. совокупности лингвистических единиц высказывания, включая рассматриваемую единицу в отличие от контекста, который служит для определения ближайшего или удаленного от рассматриваемой единицы формального окружения. Ситуация была определена как «совокупность фактов, известных говорящему и слушающему к моменту акта речи». В противоположность определению, предложенному Прьето, данное определение ситуации включает не только слушающего; однако в практическом плане оказалось целесообразным ограничиться исследованием роли ситуации только с единственной позиции – позиции слушающего. Различие, выявленное Прьето, между «простым речевым актом» и «сложным речевым актом» не было признано <...> мы также были вынуждены отбросить последнюю часть его определения ситуации, которая содержит отрицание роли даже лингвистического контекста.

Дав определение, мы представили два основных типа ситуаций, которые признают большинство авторов: ситуация, состоящая из элементов, доступных для восприятия органами чувств, и ситуация, состоящая из элементов, не воспринимаемых органами чувств. Затем мы предприняли попытку продвинуться далее в описании этих общих типов, которая навела нас на идею выделить четыре типа ситуаций: физическая ситуация, нефизическая ситуация, кинестетическая ситуация и контекстуальная ситуация. Исследование этого последнего типа ситуаций, лингвистического по своей природе, позволило поднять проблему сложных отношений между контекстом и ситуацией: контекст зачастую является переносимой в некоторой степени в язык ситуацией, то есть воплощаемой в недостатке формальных лингвистических средств, а ситуация определяется иногда как совокупность известных фактов, проистекающих из самого языка, то есть, в конечном счете, из лингвистического контекста. Затем мы задались вопросом определения характерных признаков ситуации. Этот вопрос должен быть отнесен к проблеме языковой практики и проблеме овладения ребенка языком. Процедура разграничения характерных ситуационных признаков, предложенная Буркэном, достаточно сходная с упомянутыми лингвистической практикой и способом овладения языком, предстает как теоретически перспективная, однако недостаточно разработанная в экспериментальном плане методика. Наконец, была выявлена значимость ситуации в лингвистической коммуника-

ции, как письменной, так и устной. Однако даже если приведенные примеры смогли сформировать представление о роли ситуации, тем не менее, эта роль как таковая не была продемонстрирована. Именно этой конкретной задаче будут посвящены следующие главы.

(Перевод к.ф.н. Т.Н. Василенко)

Ctirad Bosák. Poznámky o monologu // Československá rusistika. R. XVIII. 1973. 5. S. 216–218. (Извлечения)

<...> III. Mohlo by se zdát, že po monologu nenásleduje reakce.⁷ Ale není tomu tak. Naopak, reakce po monologu je častá, a to jak jazyková v úzkém smyslu, verbální,⁸ tak i vyjadřovaná ekvivalenty jazyka (mimikou aj.). Zůstává však jaksi ve stínu stimulující monologické promluvy, takže uniká naší pozornosti.

Mezi reakcí v dialogu a reakcí po monologu existují určité rozdíly. V dialogu patrně převažuje reakce «faktická»,⁹ tj. vztahení ke konkrétnímu obsahu¹⁰ pro-mluvy; kdežto pro monolog je charakteristická reakce hodnotící, tj. vyjádření celkového hodnotícího postoje, vyjádření dojmu, jakým pronesený monolog zapůsobilna adresáta.

Po monologu očekává mluvčí se strany adresáta vždy nějakou hodnotící reakci a přeje si při tom, aby to byla reakce kladná.¹¹

Kladná hodnotící reakce je při mluveném¹² monologu obvykle explicitní, a to: jednak verbální («To se mi líbilo», «To bylo hezké!», «Vyborně!»), jednak neverbální (např. smích při vypravování anekdoty, potlesk po monologu s masovým adresátem). Záporná reakce může být explicitní (např., «To se mi nelíbí» aj.), ale často i implicitní: neříká-li adresát po vyslechnutí monologu nic, znamená to, že se mu projev

⁷ Podle Mukařovského (Kapitoly z české poetiky I., 155) monolog «je svou nepřetržitostí do značné míry osvobozen od zřetele k... okamžitě reakci...»

⁸ Srov. O.C. Ахманова о. с.: (монолог =) «оформление речи..., не рассчитанной на словесную реакцию собеседника».

⁹ Toto označení je prozatímni.

¹⁰ Tj k různým aspektům obsahové roviny, jakož i k různým částem promluvy.

¹¹ Mluvčí vlastně k tomuto kladnému hodnocení adresáta implicitně vyzývá; lze zde tedy vidět zvláštní druh «mluvního» apelu; viz C. Bosák, *Stimul a apel* (v tisku).

¹² Při psaném monologu jsou – vzhledem k odtrženosti (distantnosti) partnerů – poměry poněkud odlišné. hodnotící reakce však neschází ani zde (je jí např. recenze).

mluvčího nelíbil, anebo alespoň že zůstává k němu neutrální.¹³ Lze tedy říci, že mluvený monolog má hodnotící reakci vždy.¹⁴

Faktická reakce se však po monologu vyskytuje rovněž. Může se vztahovat ke kterékoli obsahové složce, k monologu jako celku i ke kterékoli z jeho částí. Za příklady faktické reakce mohou sloužit: otázka, námitka, diskusní příspěvek.¹⁵

Existují ještě další zvláštnosti reagování při monologu, např. přerušování monologu reagujícími otázkami nebo reagování «neretroversní», při kterém se adresát obrací nikoli k mluvčímu, nýbrž k jinému adresátovi.¹⁶ Tyto otázky by bylo nutno propracovat.

Svémi reakcemi se monolog sblíží s dialogem. To však už je zvláštní problematika.¹⁷

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О МОНОЛОГЕ (Резюме)

В начале статьи упоминается о терминологическом разнобое; термин «монолог» употребляется в двух основных значениях: 1) речь к самому себе и 2) определенный тип коммуникации (при котором рядом с говорящим обязательно наличествует адресат). Автор высказывается за вторую терминологическую концепцию. В дальнейшем намечаются некоторые типы монолога, разрозненные по устной и письменной формам языка, а внутри этих форм – по стилям (напр.: рассказ, речь на митинге, научный доклад, письменный доклад, публицистическая статья, научная статья). Третья часть статьи касается реагирования адресата на монологическое высказывание говорящего. Особенно часто встречается реакция «оценочная»: автор монолога всегда ожидает оценку со стороны адресата, причем желает, чтобы она была положительной; она может быть выражена и неязыковыми средствами (например, аплодисменты), она может быть и имплицитной (если адресат не выражает положительную оценку, он тем самым реагирует отрицательно, или, по крайней мере, нейтрально).

¹³ Dalo by se mluvit o nulové hodnotící reakci (se záporným významem).

¹⁴ Všecky hodnotící reakce se pak dělí na kladné a záporné (a záporné se dále dělí na explicitní a implicitní).

¹⁵ U vědeckého monologu je vyslovení souhlasu s autorovým tvrzením reakcí faktickou, která však má blízko k reakci hodnotící.

¹⁶ Zajímavým případem jsou reagující monology (např. «švejkovská» vypravování založená na aso-ciaci).

¹⁷ Srov. J. Mukařovský, o. c., 146-153.

Цитрад Босак. Несколько замечаний о монологе

<...> 3. Казалось бы, после монолога не следует реакция.⁷ Но это не так. Наоборот, реакция на монолог имеет место часто, и она может быть выражена как средствами языка,⁸ быть языковой в узком смысле, вербальной, так и эквивалентами языка (выражением лица и т.п.). Однако стимулирующая роль монологического высказывания остается несколько в тени, потому ускользает от нашего внимания.

Между реакцией в диалоге и реакцией на монолог существуют определенные различия. В диалоге явно перевешивает реакция «фактическая»⁹, то есть относящаяся к конкретному содержанию¹⁰ высказывания; в то время как монолог имеет характерную оценочную реакцию, то есть выражается целое оценочное отношение, впечатление, которое монолог произвел на адресата.

После монологического высказывания говорящий всегда ожидает от адресата какой-нибудь оценочной реакции и стремится к тому, чтобы эта реакция была положительной.¹¹

Положительная оценочная реакция¹² на монолог обычно эксплицитная, а именно: отчасти вербальная («To se mi líbilo», «To bylo hezké!», «Vyborné!»), отчасти невербальная (например, смех при рассказывании анекдота, аплодисменты после монолога, обращенного массовому адресату). Отрицательная реакция может быть эксплицитной (например: «To se mi nelíbí» и под.), а часто и имплицитной: если адресат ничего не говорит после выслушанного монолога, то это означает, что речь говорящего ему не понравилась, или, по крайней мере, он остается к ней нейтральным.¹³ Можно утверждать, что монологическое высказывание всегда имеет оценочную реакцию.¹⁴

⁷ По Мукаржовскому (Kapitoly z české poetiky I., 155), монолог «является непрерывным, в значительной мере освобожденным от цели... на немедленную реакцию...».

⁸ Ср.: О.С. Ахманова, указ. соч.: (монолог =) «оформление речи..., не рассчитанной на словесную реакцию собеседника».

⁹ Данное обозначение предварительное.

¹⁰ Т.е. к разным аспектам содержательного уровня, а также и к разным частям высказывания.

¹¹ Именно к этой положительной оценке говорящий имплицитно призывает адресата; в таком случае здесь можно усмотреть особый вид «речевого» призыва; см.: С. Bosák. Stimul a apel (в печати).

¹² В письменном монологе – учитывая удаленность (дистантность) партнеров – условия отчасти иные, однако оценочная реакция встречается и здесь (напр., в рецензии).

¹³ Можно вести речь и о нулевой оценочной реакции (в отрицательном значении).

¹⁴ Все оценочные реакции далее делятся на положительные и отрицательные (и отрицательные – на эксплицитные и имплицитные).

После монологического высказывания встречается и фактическая реакция. Она может относиться к содержательной стороне речи, к монологу как целому, к его частям. Примером фактической реакции может служить вопрос, возражение, участие в обсуждении.¹⁵

Существуют и другие способы реакции на монологическое высказывание, например, прерывание монолога реагирующими вопросами или реагирование «невозвратное», при котором адресат обращается отнюдь не к говорящему, но к иному адресату.¹⁶ Эти вопросы было бы необходимо проработать.

Своими реакциями монолог сближается с диалогом. Однако это – уже особая проблема.¹⁷

(Перевод д.ф.н. А.А. Чувакина)

¹⁵ В научном монологе выражение согласия с авторским утверждением является фактической реакцией, которая близка к оценочной.

¹⁶ Интересным примером служат реагирующие монологи (напр., повествование у Швейка основано на ассоциациях).

¹⁷ Ср.: J. Mukařovský, указ. соч., 146-153.

ХРОНИКА

CHRONICLE

**«Филология и коммуникативные науки в мире культуры, науки и образования: XXI век»
Международный научный семинар
(Барнаул, Алтайский госуниверситет, 8 апреля 2014 г.)¹**

А. А. Чувакин

В Алтайском государственном университете (далее – АлтГУ) состоялся международный научный семинар «Филология и коммуникативные науки в мире культуры, науки и образования: XXI век». Семинар был посвящен 20-летию филолого-коммуникативного образования в АлтГУ.

Организаторы семинара – научно-образовательный центр филологических исследований коммуникации (далее – НОЦ), кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации и кафедра германского языкознания и иностранных языков АлтГУ.

В работе семинара приняли участие И. В. Силантьев, д. филол. н., проф., директор Института филологии СО РАН (Новосибирск), – соучредителя НОЦ; К. Б. Уразаева, д. филол. н., проф. Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан), – иностранный член Оргкомитета семинара; специалисты НОЦ, профессора, преподаватели и молодые ученые АлтГУ, филологи-коммуникативисты, работающие в вузах и других организациях России и зарубежья.

Семинар открыла кратким вступительным словом *Т. В. Чернышова*, д. филол. н., проф., заведующий кафедрой русского

¹ Материалы семинара будут опубликованы в Ежегоднике–2015.

языка, литературы и речевой коммуникации АлтГУ. Собранных при ответствовали *А. А. Тишкин* – проректор АлтГУ по научному и инновационному развитию, *С. А. Мансков* – декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии.

С докладом «Филология и коммуникативные науки: взаимодействие в научной и образовательной деятельности в АлтГУ» выступил *А. А. Чувакин*, д. филол. н., проф. кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации АлтГУ, член-корр. МАНПО, научный руководитель НОЦ.

Взаимодействие филологии и коммуникативных наук в научной и образовательной практике в АлтГУ было стимулировано созданием кафедры русского языка и стилистики (для обучения, наряду с филологами, студентов отделения журналистики, а затем и отделения связей с общественностью), открытием магистратуры по направлению «Филология» (АлтГУ вошел в число первых четырех университетов России, где была создана магистратура по этому направлению), развертыванием специализации по риторике и речеведению. Филолого-коммуникативное пространство в научно-образовательной практике стало складываться в процессе исследования языка художественной литературы (в рамках эвokasiонного учения о художественной речи) и текстов СМИ (в рамках построения ментально-языковой модели коммуникативного пространства, образуемого современными российскими СМИ). На кафедре начала работать докторантура и аспирантура. За неполных 20 лет защищено 7 докторских и около 50 кандидатских диссертаций. Почти сразу же филолого-коммуникативная проблематика проникает в лингвистическую жизнь кафедры русского языка Горно-Алтайского государственного университета, где была открыта аспирантура по специальности «Русский язык», а в начале XXI в. по этой тематике начали работать коллеги с кафедры иностранных языков для специального обучения АлтГУ (ныне – кафедра германского языкознания и иностранных языков). С 1995 года на регулярной основе стали проводиться научные семинары (конференции) по филолого-коммуникативной проблематике, издаваться научные сборники «Человек – коммуникация – текст» и единственное в России профильное издание «Юрислингвистика», а затем – научный журнал «Филология и человек».

В развитии филолого-коммуникативной проблематики рубежное значение имеет исследование творчества В. М. Шукшина «глазами» филологически образованного читателя (Энциклопедический словарь-справочник «Творчество В.М. Шукшина» / Под ред. А. А. Чувакина.

Барнаул, 2004–2007 гг.). Заложены основы двух новых направлений в отечественной филологии – филологической теории коммуникации (проф. А. А. Чувакин), дискурсивной теории языка масс-медиа (проф. Т. В. Чернышова); эти направления активно развиваются и в настоящее время.

Мы оказались востребованными в УМО по классическому университетскому образованию: участвовали в разработке госстандартов всех трех «поколений» и сопроводительной документации, в частности по профилю «Прикладная филология», программ восьми учебных дисциплин для университетских филологов России; подготовили и издали с грифами УМО только в XXI в. порядка 10 учебных пособий – два по риторике, два по теории текста, по публицистическому дискурсу, ортологии, основам филологии и др.). В 2010 г. на базе АлтГУ прошло заседание Президиума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Филологи-коммуникативисты АлтГУ представлены в различных федеральных и международных организациях: в Совете РРА (А.А. Чувакин), в РОПРЯЛ и МАПРЯЛ (Т.В. Чернышова); Т.В. Чернышова участвует в работе Международной стилистической комиссии, сотрудничает с ГЛЭДИС и Сибирской Ассоциацией лингвистов-экспертов. На 2017 г. запланировано проведение на базе АлтГУ международного научного семинара по проблемам медиалингвистики.

В 2011 г. совместно с ИФЛ СО РАН (директор чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская; в настоящее время – д.ф.н. И. В. Силантьев) при АлтГУ образован НОЦ филологических исследований коммуникации (научный руководитель НОЦ – А.А. Чувакин). В его состав входят две лаборатории: коммуникативистики и риторики и юрислингвистики и развития речи. С 2011 г. изданы коллективная монография «Текст в коммуникативном пространстве современной России»; сб. статей «Язык – текст – литература: коммуникативная парадигма»; завершен уникальный проект «Филология и коммуникативные науки»: учебное пособие – хрестоматия для студентов магистратуры, аспирантов и преподавателей. Все эти проекты выполнены в НОЦ с участием специалистов по русской филологии и по германским и романским языкам. Так АлтГУ стал одним из центров филолого-коммуникативного образования в России.

В ходе семинара были проведены два пленарных заседания и круглый стол, на которых обсуждены три темы. Всего на семинаре было заслушано и обсуждено 7 докладов и свыше 20 выступлений,

прозвучавших в панельной дискуссии, на заседании круглого стола или представленных заочно.

Разные аспекты первой темы – «Встречное движение филологии и коммуникативных наук как фактор развития культуры. Риторика в современной культуре» – представили *Г. А. Копнина*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой Сибирского Федерального университета (Красноярск); *К. Б. Уразаева*, д. филол. н., проф. Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва (Астана, Республика Казахстан); *Е. А. Худенко*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).

В докладе *Г. А. Копниной* «Креативные технологии и речевая культура общества» аргументируется тезис об универсальности способов креативного мышления и выдвигается позиция, согласно которой признается возможным выделение междисциплинарной области научных исследований, направленных на систематизацию креативных технологий, понимаемых как совокупность методов и приемов создания какого-либо нового, оригинального продукта в широком значении этого слова. Показана взаимосвязь теории решения изобретательских задач и теории риторических приемов, служащая дополнительным аргументом в пользу плодотворности последней. Утверждается, что имеется огромный опыт по систематизации способов мыслительной деятельности человека, который, наряду с риторическими разработками, может использоваться для изобретения компьютерной программы, направленной на развитие лингвокреативности. Ставится проблема выявления и систематизации критериев креативности продукта речевого творчества. Вводятся понятия лингвокреамы и псевдолингвокреамы. Представленная концепция позволяет судить о речевой культуре или речевой антикультуре носителей языка.

Уразаева К. Б. в своем докладе «Коммуникативные способы высказывания в казахской средневековой поэзии: пандетерминизм и отношение к случаю» доказывает возможность изучения казахской средневековой поэзии (жырау) в контексте авторского сознания и коммуникативных способов высказывания как источника жанровой системы. Поэзия жырау несет в себе поливариантность символизации, в которой, вслед за Ц. Тодоровым, можно выделить лексический, смысловой и контекстуальный уровни. Адекватно интерпретировать знаки, раскрывать символический смысл коммуникации, изучать герменевтический и риторический аспекты речи в поэзии жырау можно путем изучения пандетерминизма как отражения формирования казахской идентичности. Детерминированность событий как источник коммуникатив-

ных стратегий и способов высказывания включает в себя несколько уровней. Наиболее подвижный и подверженный кардинальному переосмыслению с точки зрения социо-этнических моментов – обращение к сюзерену. Понятие веры дисциплинируется топологией ислама. Структурная и функциональная целостность обеспечиваются единством этических ценностей, онтологии бытия. Функциональная сторона является элементом более широкой системы, социокультурного контекста.

Худенко Е. А. в докладе «Писательские антропотехники в пространстве тоталитарной культуры: потенциал "нулевой" коммуникации» представила писательские стратегии 1930–1940-х гг., прежде всего О. Мандельштама, М. Зощенко и М. Пришвина, которые развивались в пространстве тоталитарной советской культуры. Связь с читателями в это время была значительно ослаблена, коммуникативный потенциал произведений, рассчитанных на восприятие реципиентом, практически сводился к нулю. Писание в стол, невозможность опубликовать готовые тексты в связи с цензурными запретами, выработка новых творческих практик «выговаривания себя» (М. Фуко) – все это приводит к созданию (иногда вынужденному) новой художественной антропологии в литературе этого периода. В наиболее сконцентрированном виде такие поиски выражены в поэзии позднего Мандельштама: «безответность» в диалоге с современниками оборачивается глубоким философским диалогом с читателем будущего. В итоге, такие антропотехники писателей, занимающих «маргинальную» позицию по отношению к общей идеологии эпохи, оказываются парадоксальным образом наиболее близки одной из главных задач социалистического строительства – созданию «нового» (идеального по содержанию и форме) человека.

В панельной дискуссии по первой теме выступила *Г. В. Кукуева*, д. филол. н. (Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул), которая на основе идей современной филологии и коммуникативных наук выдвинула понимание эссе как речевого жанра эстетической сферы интернет-коммуникации. Интерес к описанию данного речевого жанра продиктован его распространенностью как в письменном, так и в электронном варианте. В выступлении доказано, что электронная среда предопределяет трансформацию речевого жанра эссе, его коммуникативных и лингвопрагматических характеристик. Сопоставлено традиционное понимание эссе с его моделью, представленной в виртуальном пространстве, приводятся аргументы в пользу того, что жанровая природа анализируемых текстов определяется взаимодействием признаков интернет-дискурса с приметами традиционного лите-

ратурного жанра. *Савочкина Е. А.*, к. филол. н. (АлтГУ), обратилась к проблеме внешних факторов формирования жанра Interactive Fiction. Интерактивная художественная литература отличается от «обычных» романов тем, что ее тексты могут быть написаны только на компьютере и восприняты только на компьютере в рамках среды, созданной компьютерными программами. Компьютер обеспечивает взаимодействие между играющим (главным героем) и другими героями и объектами. Появление компьютерных синтаксических анализаторов позволило компьютерам распознать то, что человек печатает на клавиатуре и воплотить в действиях дополнительных героев, что, в свою очередь, привело к созданию жанра Interactive Fiction на стыке повествования и погружения в виртуальную реальность. *Трубникова Ю. В.*, д. филол. н. (АлтГУ), продемонстрировала изменения в самом консервативном дискурсе – деловом. Деловые отношения – такой вид социального общения, для которого от умения строить коммуникацию зависит конечный результат. Поэтому анализ делового узуса позволяет делать выводы о среднем уровне языковой и коммуникативной компетентности носителей языка. *Останина М. А.*, к. филол. н. (Горно-Алтайский государственный университет), отметила некоторые новые тенденции в заимствовании из русского языка в газетах на алтайском языке. Так, влияние жанровых особенностей русскоязычной газетной статьи испытывает построение текста, синтаксическая структура предложения, лексическая семантика (преимущественно из сфер «политика», «административное устройство», «экономика», «спорт», «медицина»). Отмечаются темы, выражение которых связано с минимальным заимствованием из русского языка. *Беляева В. А.*, доцент АлтГУ, предложила интересные наблюдения по теме «Речевая культура нации сквозь призму названий развлекательных учреждений». В выступлении зафиксирован следующий факт: вывеска развлекательного заведения в современной России несет большую смысловую нагрузку, чем европейская. Этот факт во многом определяет коммуникативное самочувствие горожанина в своем городе. *Сафронова Е. Ю.*, к. филол. н. (АлтГУ), обратилась к «Объяснению» Ф. М. Достоевского Следственной комиссии как тексту риторической модальности. Оттолкнувшись от положения К. Бирка о том, что литературное произведение представляет собой «стратегический ответ на какую-то ситуацию», автор квалифицирует названный текст писателя как высказывание-поступок, перформатив. Данный текст рассматривается как текст особой двуединой литературно-юридической природы, грамотно выстроенный автором с точки зрения прагматики (или традиционной риторики). Авторская

интенция заключается в психологическом давлении на читателя, стремлении завладеть его вниманием, создать нужную перспективу чтения и убедить в необоснованности обвинения. *Скубач О. А.*, к.ф.н. (АлтГУ), привлекла внимание к литературным источникам советского сюжета о «папанинцах». Приключения героев советского фронта – один из любимых сюжетов литературы и искусства 1930-х гг. Национальными кумирами тех лет становятся люди, вынужденно (челюскинцы) или добровольно (папанинцы) повторившие судьбу Робинзона. Впервые опубликованный в 1938 г. дневник И. Д. Папанина – отчет о знаменитом дрейфе станции «Северный полюс-1» – воспроизводит и специфически трансформирует ключевые мотивы романа Д. Дефо. *Марьина О. В.*, д. филол. н. (Алтайская государственная педагогическая академия), обратилась к явлению многофункциональности вставных конструкций в художественных текстах рубежа XX–XXI вв. Вставные конструкции в текстах русской художественной прозы являются и показателем расчленения компонентов текста, и показателем их связности. Явление связности усматривается в том случае, если вставная конструкция – это несобственно-прямая, свободная прямая или косвенная речь. *Манянин П. А.*, к. филол. н. (Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю), поставил вопрос о потенциале исследований по установлению авторства текстов, в том числе при проведении диагностики личностных характеристик автора текста, условий (обстоятельств) создания текста. *Шмаков А. А.*, ассистент АлтГУ, раскрыл возможности методики коммуникативного моделирования бытия интернет-текста для прогнозирования коммуникативного поведения общающихся; *Антонова С. М.*, к. филол. н. (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь), предложила для рассмотрения апробированную в школе и вузе риторическую технологию формирования и развития креативной языковой личности, актуальную для уточнения образовательной модели филолога и ученика современной общеобразовательной школы.

По второй теме – «Общее пространство филологии и коммуникативных наук, его возможности для постановки и решения новых научных и практических задач» – выступили *И. В. Силантьев*, представивший совместный доклад с *Ю. В. Шатиным*, д. филол. н., проф. (НГПУ); *А. И. Куляпин*, д. филол. н., проф. Тюменского государственного университета; *Н. В. Мельник*, д. филол. н., проф. Кемеровского государственного университета.

В докладе *И. В. Силантьева и Ю. В. Шатина* рассматривается проблема взаимодействия коммуникативного феномена дискурса и ментального феномена стереотипа. Под дискурсом понимается событийное высказывание, нарушающее привычный ход вещей и создающее в результате новый смысл. Под стереотипом понимается такое представление, которое направлено на упрощение сложных социальных процессов и защиту тем самым обыденного мышления, его позиций, мнений и права на «истину». Показывается, что порядок дискурса, таким образом, направлен на неизвестные, вновь открываемые стороны мира, в то время как стереотип обращается к известным и потому предсказуемым конструкциям. Трактую дискурс как коммуникативно значимое событие, авторы приходят к выводу, что стереотип уничтожает именно событийный потенциал дискурса, сохраняя его форму, а в ряде случаев и украшая её различными риторическими средствами. В контексте этого положения авторы выделяют шесть основных черт стереотипа: а) доксологичность; б) коллажность; в) словесную избыточность; г) мягкость дискурсии; д) отсутствие критической рефлексии; е) высокую прагматичность, предполагающую возможность перформатива.

Куляпин А. И. в докладе «Коммуникативно-семиотический механизм конструирования советского мифа о героях» поставил задачу выявить и проанализировать коммуникативно-семиотический механизм конструирования советского мифа о героях. Размывание правовых и этических норм в культуре послереволюционной эпохи проблематизирует возможность установления четкой границы между преступлением и подвигом. В работе рассмотрена эволюция концептов «подвиг» и «героическое» в культуре 1920-х и 1930-х гг. Ставится вопрос о возможности поиска реальных прототипов героя рассказа М. Зощенко «Испытание героев». Продемонстрирована связь проблематики этого рассказа с историко-культурным контекстом тридцатых годов.

Доклад *Н. В. Мельник* «Деривационное функционирование текста в разных сферах коммуникации: лингвоперсонологический аспект» по своему содержанию находится на пересечении идей деривационной текстологии и лингвоперсонологии как новых областей филолого-коммуникативного исследования. Он посвящен лингвоперсонологическому рассмотрению проблемы деривационного функционирования виртуального текста, реализующего свой потенциал в интернет-комментариях рядовых носителей языка под влиянием собственно лингвистических и лингвоперсонологических факторов.

В панельной дискуссии по данной теме принял участие *Д. А. Кожанов*, к. филол. н., докторант АлтГУ, выдвинувший и обосновавший методику исследования научного дискурса, в котором присутствуют единицы языка науки. Автор вскрыл ряд когнитивных и коммуникативных особенностей таких единиц. Знак языка науки, функционирующий в художественном, рекламном, политическом и др. дискурсах, является репрезентантом не столько научного понятия, сколько фрейма, формирующегося на фундаменте научного понятия и являющегося более гибкой структурой, способной обеспечить взаимодействие таких концептуальных аппаратов, как научная картина мира и художественная картина мира. Набор функций, выполняемых единицей языка науки, существенно меняется в художественном тексте, в котором термин не столько обеспечивает максимально точную передачу информации, сколько выполняет стилистическую, прогностическую и различительную функции. *Малыгина Э. В.*, преподаватель АлтГУ, предложила для рассмотрения исследование кризисной коммуникации, представленной в межперсонажном общении в рассказах *В.М. Шукшина*, на основе эвокационной теории художественной речи. Формой кризисного взаимодействия персонажей Шукшина является «сшибка», посредством которой, по словам писателя, передается столкновение «полярных представлений о жизни». «Перенесение» фактов кризисной коммуникации из реальной коммуникации в художественный текст и дополнительные преобразования их достигаются в прозе писателя посредством четырех эвокационных приемов: нелестной номинации, обобщения, прерывания речи, смещения. *Никонова Т. Н.*, к. филол. н., и *Л. И. Толстых*, к. филол. н. (обе – Горно-Алтайский государственный университет), обратились к новому объекту исследования – коммуникативной культуре старообрядцев Горного Алтая. Коммуникативная культура старообрядчества Горного Алтая как лингвокультурологическое явление, проявляющееся в процессе коммуникации и строительства знаний о мире, застывших в определенных структурах культурной и языковой среды, рассматривается на материале коммуникативного поведения старообрядцев Уймонской долины Республики Алтай. На пересечении филологического и коммуникативного знания исследователями конституируется категория коммуникативной культуры, изучение которой предполагает выявление ее доминантных особенностей. Последние же определяются законами, нормами и правилами общения в лингвокультурной общности старообрядцев. *Клинок Е. И.*, аспирант АлтГУ, изложила новое представление о коммуникативном моделировании жанра имиджевой статьи. Это представление опирается на понимание компо-

зиции как базовой динамической структуры и параметра варьирования модели жанра имиджевой статьи. Сложность, гетерогенность природы композиционного построения текста определяет особый подход к ее исследованию в рамках коммуникативного направления изучения текста. Композиция рассматривается как функционально обусловленная динамическая структура, отражающая организацию смыслов в тексте посредством определенных способов развертывания авторской мысли. Это означает, прежде всего, следующее: композиция как фактор жанра обладает определенной степенью стабильности, что позволяет рассматривать её в качестве одного из параметров моделирования жанра. Далее: динамизм обеспечивает возможность появления вариантов композиционного построения в пределах заданной структуры. *Василенко Т. Н.*, к. филол. н. (АлтГУ), анализировала понятие «гнездо родственных текстов», которому был придан статус инструмента при исследовании текстовых совокупностей, состоящих из оригинального текста, текстов переводов и текстов по мотивам – в целях более полного описания коммуникативной природы отношений, возникающих между текстами в процессе их образования и функционирования.

Каково состояние филолого-коммуникативного образования в российских вузах? каковы главные проблемы его совершенствования и развития? – вот насущные вопросы, ответы на которые искали участники круглого стола «Филолого-коммуникативное образование в бакалавриате и магистратуре: варианты содержания и технологии образовательной деятельности» (спикеры: Т. В. Чернышова и А. А. Чувакин).

Центральной темой обсуждения стала магистратура как уровень подготовки по направлению «Филология», ее цель и задачи, место в системе высшего профессионального образования, роль магистерских программ филолого-коммуникативной ориентации, практическая направленность магистратуры. *Копнина Г. А.* привлекла внимание собравшихся к факту существования т.н. ложных работодателей; *Н. В. Бугорская*, к. филол. н. (АлтГУ), подчеркнула необходимость связи магистерской программы с потребностями работодателя и показала ряд трудностей в решении задачи; *В. Н. Карпухина*, д. филол. н. (АлтГУ), поставила вопрос о специфике содержательного наполнения магистерских программ, обратив внимание на когнитивно-коммуникативный аспект моделирования переводческого дискурса (магистерская программа «Филологические основы перевода»), который моделируется в ситуациях межкультурной художественной коммуникации, обратного перевода и т.п., что способствует формированию коммуникативных компетенций студентов; *Н.В.Мельник* подчеркнула важность заочной

магистратуры; *К. Б. Уразаева* отметила значимость направленности магистерской подготовки в сферу теории, практики и возможных конкретных мест работы магистров (СМИ, образование и др.); *Л. И. Толстых*, на основе оценки современного состояния речевой культуры общества, обратила внимание на проблему преемственности в содержании филолого-коммуникативного образования в системе бакалавриат– магистратура; эта идея может быть реализована, например, при изучении эвристической риторики.

Итоги обсуждения подвел *А. А. Чувакин*. Он обратил внимание на широкие возможности, которые предоставляют вузу действующие Федеральные государственные стандарты по направлению подготовки «Филология» (далее – ФГОС). Это касается, например, развития междисциплинарных магистерских программ. Однако использование этих возможностей сдерживается рядом факторов, в том числе неадекватным финансированием, неразработанностью перечней профессиональных сфер и даже должностей, соответствующих степени бакалавра и магистра филологии, отчасти ведомственными интересами и барьерами. Все эти факторы находятся за пределами влияния общественно-профессиональных организаций – Российской коммуникативной ассоциации, Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики и др. Вполне возможно, что нам в нашем решении следует высказаться в поддержку тех идей, которые заявлены этими организациями.

После заседания круглого стола состоялось подведение итогов семинара.

Участники семинара отметили, что в сложных условиях существования гуманитарного образования продолжается исследовательская работа и образовательная деятельность в области филолого-коммуникативных дисциплин, включая риторические. Это направление актуально и востребовано практикой. Участники семинара с удовлетворением констатировали, что в АлтГУ сложилось филолого-коммуникативное направление исследований, значимое для науки, образовательной и социально-коммуникативной практики, и выражают благодарность директору Института филологии СО РАН д. филол. н. И. В. Силантьеву и проф. Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) д. филол. н. К. Б. Уразаевой за развитие научно-образовательных контактов с филологами АлтГУ.

В развитии филолого-коммуникативного направления в гуманитарной науке и образовании актуальны такие задачи, как исследова-

ние теоретико-филологических проблем коммуникации, в том числе межкультурной и межъязыковой, внедрение результатов исследования в научную деятельность, образовательную и социально-коммуникативную практику; разработка новых моделей учебников и учебных пособий для бакалавриата и магистратуры по филолого-коммуникативным дисциплинам и создание таких учебных книг для обучающихся разных категорий; важно развитие межрегиональных и международных контактов, проведение научно-практических конференций и семинаров, развитие публикационной активности.

Участники семинара приняли следующее решение:

Поддержать решение XVII международной научной конференции по риторике (Ярославль, 2014) о необходимости разработки профессиональной программы преподавателя коммуникативных дисциплин. Признать своевременным решение названной конференции о целесообразности создания всероссийского журнала «Вопросы риторики».

Считать целесообразным провести на базе АлтГУ в апреле 2015 г. очередную, IV, международную научно-практическую конференцию «Коммуникативистика в современном мире». Просить кафедру русского языка, литературы и речевой коммуникации, кафедру германского языкознания и иностранных языков АлтГУ, НОЦ выступить в качестве организаторов конференции.

Считать необходимым опубликовать материалы семинара в ежегоднике «Филолого-коммуникативные исследования» (научные редакторы д.ф.н. И. В. Силантьев, д.ф.н. А. А. Чувакин; отв. ред. д.ф.н. Ю. В. Трубникова). Срок предоставления материалов для опубликования – 1 июня 2014 г. (Подробная информация о порядке опубликования будет сообщена дополнительно). Просить факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ (доцента С.А. Манскова) оказать организаторам семинара помощь в издании книги.

Информацию о семинаре опубликовать в филологических изданиях и разместить на сайтах общественных организаций коммуникативно-риторического профиля.

Участники семинара выражают благодарность проректору АлтГУ по научному и инновационному развитию проф. А. А. Тишкину, декану факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ доц. С. А. Манскову, научному руководителю НОЦ проф. А. А. Чувакину, кафедре русского языка, литературы и речевой коммуникации, кафедре германского языкознания и иностранных языков за работу, проделанную в связи с подготовкой и проведением настоящего семинара.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

М. Ю. Сидорова. Школьный учебник как генератор коммуникативных проблем. В статье рассматривается школьный учебник как модель учебной коммуникации и выявляются его лингвистические свойства, способные генерировать коммуникативный конфликт между учеником и его учителем или родителями. Автор предлагает некоторые направления для коммуникативной экспертизы школьных учебников на основе теории речевых актов и коммуникативной грамматики Г. А. Золотовой.

M. Yu. Sidorova. The school textbook as a source of communication issues. The author of the article considers a school textbook as a model of teaching communication. M. Yu. Sidorova detects its linguistic characteristics which may generate communication conflicts between schoolchildren and teachers, schoolchildren and parents. The author proposes some ways of the communicative assessment of school textbooks, based on the speech acts theory and *Communication Grammar* by G. A. Zolotova.

У. Патоцка-Сигловы. Коммуникативные стратегии в диалоге на основе газетного интервью. Статья посвящена анализу газетного интервью как информационного жанра. Рассматривается реализация в диалоге основных коммуникативных стратегий неантагонистического и антагонистического характера для достижения говорящим определенной цели.

U. Patocka-Siglowy. Communicative strategies in the dialogue based on a newspaper interview. The article deals with the analysis of a newspaper interview as the information genre. The author studies the realization of the main unantagonistic and antagonistic communicative strategies in a dialogue to reach speaker's goals.

З. В. Баишева. Драматизация речи как реализация тактики «перевоплощение» в судебных выступлениях А. Ф. Кони. В статье рассматривается один из вариантов реализации тактики «перевоплощение», характерной для известного русского юриста второй половины XIX века. А. Ф. Кони, – роль драматурга, талантливо исполняемая оратором во всех обвинительных речах. Особо анализируется цитирование как прием драматизации речи, а также элементы драматизма

(картины; ремарки; компоненты создания драматической ситуации в речи (конфликт, ожидание, развязка).

Z. V. Baisheva. The dramatization of speech as the usage of *transformation* tactics in the court's speeches of A. F. Koni. The article deals with one of the versions of the realization of the typical *transformation* tactics of a famous Russian lawyer A. F. Koni (second part of the XIX th century). That is the role of a playwright performed finely by the speaker in all accusatory speeches. Citation as a means of speech dramatization as well as the elements of dramatic effect (pictures; remarks; the components of a dramatic situation in speech: conflicts, expectation, outcome) are under analysis.

Э. В. Малыгина. Об одном из признаков кризисной коммуникации как объекта эвокации. Статья посвящена исследованию кризисной коммуникации как объекта эвокации с позиции признака системности неуважения *Другого* (на материале текста кинорецензии И. Манцова). Лингвистический и коммуникативный анализ типового диалога героев и текста комментария автора позволяют комплексно обосновать кризисогенность названного признака.

E. V. Malygina. On one of the crisis communication features, as the object of evocation. The article deals with the problem of communication in crisis situations as the object of evocation. It is considered from the point of view of systemic disrespect of the Stranger .The research is based on the I. Mantzov`s film review. Linguistic and communicative analysis of typical dialogues of the characters and of the author`s commentary can fully prove a possible crisis of systemic disrespect of the Stranger.

Е. И. Клинк, А. А. Шмаков. Возможности методики коммуникативного моделирования при изучении различных типов коммуникации. Методика коммуникативного моделирования применима к текстам с различными коммуникативными статусами; она позволяет рассмотреть в качестве объекта моделирования как микро-, так и макросреду существования текста. В данной работе микросреда анализируется на материале текстов имиджевых статей, макросреда – на материале текстов интернет-коммуникации.

E. I. Klink, A. A. Shmakov. Potential of communicative method of modeling in research of different types of communication. The communicative method of modeling is applicable to the texts which have different communication status. This method allows considering the micro- and macro environment of the text as an object of modeling. The microenvironment

is analyzed on the basis of the texts of image articles, macro environment – on the texts of Internet communication.

С. А. Медведев. Синтетичность областей применения письменной и устной речи как характерная черта интернет-речи (на материале текстов институционального и бытового дискурсов). В статье описывается интернет-речь, одним из главных признаков которой является ее синтетический характер, проявляющийся не только в совмещении форм письменной и устной речи, но и в совмещении областей применения этих типов речи.

S. A. Medvedev. Synthesis of application areas of written and oral speech as a characteristic feature of Internet-speech (on the material of the texts of institutional and everyday discourses). The article deals with the problem of Internet-speech. One of the main signs of this phenomenon is its synthetic nature, which is manifested not only in combination forms of oral and written speech, but in the practice areas of application of these types of speech.

Э. А. Лазарева. Представление типологии семиотически неоднородного дискурсивного канала. В статье анализируются проявления взаимодействия частей дискурса, оформленных кодами разного семиотического характера. Пример этого – связи вербального и визуального разделов произведений. На основе существующих теорий креолизованного текста предложена типология семиотически неоднородных произведений, основанная на характере соотношений вербального и визуального каналов выражения информации.

E. A. Lazareva. Representation of the classification of semiotic heterogeneous discursive channel. The article deals with the problem of the interaction between components of discourse, formed by codes of different semiotic nature. The connection on verbal and visual parts of work is an example of it. The author suggests the types of semiotic heterogeneous works. It is based on the theory of creolized texts. The classification is built upon the nature of the relationship of verbal and visual channels of information transmission.

Т. В. Чернышова. Коммуникативная парадигма: актуальные аспекты изучения языка СМИ. В статье описано взаимодействие и взаимоприспособление стилообразующих признаков газетного и делового стилей в рамках единого медиатекста. Объектом изучения выступают тексты газетно-журнальной периодики, обслуживающие сферу

делового общения – в частности, сферу деятельности Федеральной налоговой службы России. В качестве инструментов, позволяющих описать особенности данного вида профессиональной периодики, выбраны «главнейшие стилеобразующие факторы» (М. Елинек) – кодовые, адресатные, ситуативные и функциональные. Одним из итогов исследования является предположение о формировании специального письменного подязыка, используемого в сфере взаимодействия деловой и газетно-публицистической речи, обусловленного потребностями эффективной передачи информации читателю (целевой аудитории) и обладающего своей сферой применения и своими правилами и нормами речевого поведения.

T. V. Chernyshova. Communicative paradigm: current issues in the study of media language. The article describes the interaction and mutual adaptation of public and business style functional properties in a media text, whose aim is to solve the problems of professional communication. A number of newspaper and magazine articles are under analysis. Communicative approach is used in the research. The objects of the study are the texts of newspaper and magazine periodicals that cover business communication, the Federal Tax Service of Russia in particular. The terms, used to describe this type of periodicals, are the following: code, addressee, situation and functional factors that were called by E. Elinek as the most important functional style factors. One of results the author comes to is the assumption that a particular written sub-language can be formed. It appears as a result of the interaction of business and public speech and is used to pass the information effectively to the target audience. The sub-language possesses its own rules, sphere of usage and speech etiquette.

И. Ю. Качесова. Развертывание как способ воспроизведения аргументативного дискурса в тексте. В статье рассматриваются отношения текста и аргументативного дискурса. Развертывание признается одним из способов воспроизведения аргументативного дискурса в тексте, указываются возможности моделирования вторичного дискурса на основе текста.

I.Yu. Kachesova. Extension as one the ways of expressing the argumentative discourse in a text. The article deals with the problem of the interaction of a text and the argumentative discourse. Extension is believed to be one of the ways of expressing the argumentative discourse in a text. The article covers the topic of modeling based on the secondary discourse text.

Д. А. Кожанов. Языковая личность исследователя-гуманитария в тексте художественного произведения. В статье рассматриваются вопросы реконструирования языковой личности исследователя в художественных текстах. Материалом исследования выступают тексты, состоящие из множества субтекстов различных дискурсивных формаций. Интертекстуальность рассматривается как способ построения собственного текста через сложную систему отношений с текстами других авторов. Делается акцент на случаях заимствования не отдельных концептов, а фреймов, организующих познавательную деятельность человека и упорядочивающих его опыт.

D. A. Kozhanov. The linguistic identity of a scholar in fiction. The article deals with the problem of detection of the scholar's linguistic identity in fiction. The corpus of fictional texts is presented by texts consisting of subtexts and belonging to different discursive formations. Intertextuality is regarded as one of the ways of building one's own text through the complicated system of interaction with other authors' text. The author does not emphasize single concepts but the frames. They organize the cognitive activity and his experience.

Ю. В. Трубникова. Аннотация: современные проблемы владения жанром. В статье рассматривается современный уровень владения жанром аннотации, анализируются основные жанровые ошибки в современной научной речи.

Yu.V. Trubnikova. Contemporary issues of abstract writing. The article deals with the modern abstract writing. The author analyses common genre mistakes in scientific speech.

К. Alaverdian. La morale c'est la vérité (Šukšin et Dostojevskij) – К. Алавердян Мораль – это правда (Шукшин и Достоевский) В статье анализируются идейные черты творчества В.М.Шукшина (гуманизм, с одной стороны, и объективность в изображении героев – с другой), которые роднят его с творчеством Ф. М. Достоевского.

K. Alaverdian Moral is truth (Shukshin and Dostoevsky) The article deals with ideological features of V. M. Shukshin's works (humanism, on the one hand, and objectivity in painting his characters, on the other hand) which approximate him to Dostoevsky works.

Т. Н. Василенко. К проблеме понятия «родственный текст» в деривационном аспекте исследования текстовой совокупности. Понятие «родственный текст» может быть использовано при исследовании текстовой совокупности для более детального описания критериев производности текстов с позиции деривационной теории.

T. N. Vasilenko. On the problem of the term ‘akin text’ in the derivational approach of studying a text family. The term ‘akin text’ can be used while studying a text family for a detailed description of text derivation criteria in terms of the derivational approach.

К. Е. Гайер. Об одном из способов комментирования текстов Умберто Эко. В статье анализируется один из способов комментирования текста, который приводит к функциональному изменению как самого текста, так и комментария. Кроме того, автор исследует явление взаимопроникновения текстов, на основе которого и приводит свою интерпретацию текстов, посвященных теме заговора в творчестве У. Эко.

K. E. Gayer. One of the ways of reviewing Umberto Eco’s texts. The article deals with the problem of text reviewing which causes functional changes in the text and in the review. Moreover, the author studies the text interpenetration and offers her own point of view on the conspiracy theory in U. Eco’s works.

А. В. Игнатовская. Денотативная структура оригинального и адаптированного текстов: сопоставительный анализ (на материале рассказа В. Драгунского «Что любит Мишка»). В статье ставится проблема взаимодействия оригинального и адаптированного текстов. Приводится алгоритм выделения денотативных ситуаций художественного текста. Предложен сопоставительный анализ денотативной структуры оригинального и адаптированного текстов.

A. V. Ignatovskaya. Denotative structure of the original text and the adapted one: the comparative analysis (using V. Dragunovskiy’s story *Chto lyubit Mishka* (All that Mishka likes)). The article deals with the problem of the interaction of the original text and the adapted one. The article represents an allocation algorithm of denotative situations in fiction. The author conducts a comparative analysis of the denotative structures of the original text and the adapted one.

Е. С. Катунина. Синтаксические трансформации текста при переводе на русский язык (на материале романов С. Моэма). Статья посвящена проблеме синтаксических трансформаций при переводе на русский язык произведений английского писателя С. Моэма. Переводческие трансформации – одно из наиболее активно изучаемых явлений в современной теории перевода, вместе с тем в этой области большое количество спорных вопросов. Этот термин чаще используется в метафорическом смысле, и является межъязыковой операцией «превращения» смысла.

E. S. Katunina. Syntax text transfers in S. Maugham's novels translated into Russian. The article deals with syntax transfers in the texts by English writer S. Maugham which are translated into Russian. Translation transfers are one of the most actual subject matters studied in modern theory of translation, and at the same time the most arguing phenomenon in this branch. The term “translation transfers” is more often used in metaphorical / figurative sense and signifies interlingual process of the meaning «transfer».

И. А. Широких. Текст как среда функционирования бытийной семантики. Средой функционирования бытийных смыслов является текст, поскольку предложение входит в более сложные сверхфразовые единства, языковые характеристики которых зависят от целого, что требует различных языковых решений в разных языках. Выразителем бытийной семантики в тексте признается функциональный блок экзистенциальных предложений – модель, включающая языковую и контекстуальную составляющие.

I. A. Shirokikh. Text as the sphere of existential semantics implementation. The sphere of existential semantics implementation is the text. It is explained by the fact that any sentence, and an existential one as well, is a part of a decteme. Different languages use different means to reveal the linguistic characteristics of this unit. The implementation pattern of existential sentence is the template of existential semantics functioning. It consists of the linguistic and contextual components.

В. В. Филиппов. Авторское слово в художественном тексте. В современной научной литературе понятие «художественного текста» многозначно. Его можно осмыслить как зафиксированное с помощью знаков образное речевое произведение, обладающее цельностью, связностью, структурой, пространственно-временными и эстетическими особенностями. В нем по-разному проявляется

авторское начало (позиция повествователя, образ автора, художественное изображение событий и характеров, речевая характеристика героев и т.д.). Авторское слово выступает организатором всего художественного целого, создает содержание и языковую форму оригинального текста, активно участвует в межкультурной коммуникации.

V.V. Philippov. The author's speech in fiction. The emphasis of the article is laid upon the author's speech and the analysis of its functioning as a linking element of literary text. The definition of the fiction in modern scientific literature is not unanimous. It can be considered as a structured, figurative product of speech, expressed by the means of signs which possesses space-time and esthetic features. The literary text comprises such a characteristic as the author's position. It includes the position of the storyteller, the author's image, depiction of the events and characters, etc. The author's speech creates the plot and the language of the fiction, it has an important role in intercultural communication.

О. В. Марьяна. Авторская маска в текстах русской художественной прозы рубежа XX–XXI веков. В статье рассматриваются необходимость появления и функции авторской маски в русских художественных текстах 1980-х–2000-х гг., особенности авторского повествования в художественных текстах рубежа веков, общие и отличительные черты в реализации повествования от 1-го и 3-го лица.

O.V. Maryina. The author's mask in the Russian prose in XX–XXI centuries. The article deals with the problem of functioning of the author's mask in Russian prose in the 1980s–2000s. The study reveals the main topic of the Russian prose in the 1980s–2000s and the necessity of introduction of the author's mask in it. The scientist emphasizes common and distinctive features of story-telling from the 1st and the 3rd person, and analyzes the author's style in prose in XX–XXI centuries.

Н. Ю. Чернышева. Коммуникативная направленность эмоционально-смыслового компонента музыкально-поэтического текста при его восприятии (экспериментальное исследование на материале творчества Ю. Визбора). В результате экспериментального филолого-коммуникативного исследования возможно выявление эмоционально-смыслового компонента художественного целого.

N.Yu. Chernysheva. Communicative orientation of emotional semantic aspect of musical and poetic text and its perception (experi-

mental research based on Yu. Vizbor's works). The determination of emotional semantic aspect of the fiction can be regarded as a result of experimental philological communicative research.

А. А. Чувакин. «Филология и коммуникативные науки»: проект учебного издания для магистратуры. Обосновывается необходимость создания учебного издания по дисциплине «Филология и коммуникативные науки». Книга будет представлять собой хрестоматию, в которой собраны извлечения из трудов специалистов XX–XXI веков. Разделы книги: «Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней», «Человек в коммуникации», «Язык в коммуникации», «Текст в коммуникации», «Методы филологического исследования коммуникации». Пособие предназначено для студентов магистратуры по направлению «Филология».

A. A. Chuvakin. *Philology and Communication Science: the project of the book for graduate students.* The article describes the necessity of the book in the subject *Philology and Communication Science*. It will be a reader which includes extracts from the works by scientist in the period of the XX–XI centuries. The sections of the book are: *Philology and Communication Science: from Bakhtin to the Present Day, Man and Communication, Language and Communication, Text and Communication, Methods of Philological Studies of Communication*. The book is of great interest for Philology graduate students.

Г. А. Кажигалиева. Коммуникативное направление (концепция, методы, приемы) в контексте преподавания русского языка как неродного в казахстанском педагогическом вузе. Автор статьи рассматривает ключевые лингвометодические характеристики коммуникативной методики (концепция, принципы, структура, содержание коммуникативной компетенции обучающихся) в сфере преподавания русского языка как неродного в казахстанском педагогическом вузе.

G. A. Kazhigaliyeva. Communicative aspect (theory, methods, techniques) of teaching Russian as a foreign language in the Kazakh Pedagogical University. The author of this article analyzes the main methods and techniques of teaching Russian as a foreign language in the Kazakh Pedagogical University. The study is based on the works of scientists and on the author's teaching experience.

А. Б. Бушев. Глобальный медиадискурс в Интернете и его анализ. Сообщение посвящено читаемому спецкурсу «Глобальный медиадискурс и его анализ» и ставит предметом своего рассмотрения навыки и умения, вырабатываемые с целью адекватной интерпретации мирового медийного дискурса. Приводится пример работы с источниками, фундирующими понимание социальной политики в рамках интегрирующей Европы.

A. B. Bouchev. Global media discourse in the Internet and its analysis. The article deals with the university course *Global Media Discourse and its Analysis*. The subject of the report is the skills which are developed to make the interpretation of world media discourse adequate. There is an example of work with Internet sources which provide understanding of the European integration discourse and common social policy.

К. В. Прохорова. Пунктуация современного медиатекста в аспекте интенциональности. В статье рассматриваются основные тенденции пунктуационного оформления современного медиатекста. Возможности пунктуации выявляются в аспекте интенциональности медиатекста.

K. V. Prokhorova The intentional aspect of modern mediatext. The article deals with the main trends in contemporary mediatext punctuation design. Punctuation opportunities are identified in the aspect of intentionality mediatext.

Н. А. Корнилова. Пунктуация в аспекте коммуникативной неудачи (на примерах из текстов современных СМИ). В научном сообщении пунктуация определяется как система, направленная на выражение интенции пишущего и обеспечение успешной коммуникации между адресатом и адресантом. Отступление от пунктуационных норм, не направленное на создание стилистического эффекта, рассматривается как коммуникативная неудача, особенно не желательная в текстах СМИ. В аналитической части приводятся наиболее распространенные нарушения пунктуационных норм в журнальных текстах.

N. A. Kornilova. Punctuation in the aspect of communicative failure (examples from modern media texts). The article contains the definition of punctuation as a system exposing author's intention and providing successful communication between the author and the reader. A deviation from punctuation standard, which doesn't make any stylistic effect, is considered as a communicative failure. The analytic part contains examples of deviation from punctuation standard in modern media texts.

С. В. Доронина. Эргоним как идентификационный код: коммуникативный и правовой аспект. Работа посвящена описанию семиотических механизмов создания товарных знаков, сходных друг с другом до степени смешения. Осуществляется поиск корреляций правовому понятию «сходство до степени смешения» в области коммуникативистики.

S. V. Doronina. Ergonym as an identification code: communicative and legal aspect. The article describes semiotic mechanisms of creating trademarks which possess confusing similarity. The search of correlations for the legal concept *confusing similarity* in the field of communication science is conducted.

Т. А. Полтавец. Семантический анализ как метод выявления модальных эпистемических значений в практике лингвистических экспертиз. На примере анализа ряда глаголов ментального и речевого действия иллюстрируются возможности применения семантического анализа для лингвистических судебных экспертиз по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

T.A. Poltavets. Semantic interpretation as a method of modal epistemic meaning identification in linguistic expertise practice. The author conducts an analysis of mental and verbal activity verbs. It is reported that semantic interpretation can be used in linguistic expertise on slander suits.

НАШИ АВТОРЫ

Алавердян Карина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор Брюссельского Свободного университета (Бельгия).

Баишева Зилия Вагизовна, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Уфа).

Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (Тверь).

Василенко Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Гайер Кристина Евгеньевна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).

Демидова Елена Викторовна кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул).

Доронина Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Игнатовская Анна Владимировна, аспирант Горно-Алтайского государственного университета (Республика Алтай).

Кажигалиева Гульмира Абзалхановна, доктор педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета (Республика казахстан, Алматы).

Катунина Елена Сергеевна, аспирант, ассистент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Качесова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Клинк Евгения Игоревна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).

Кожанов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).

Корнилова Наталья Анатольевна, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (С.-Петербург).

Лазарева Элла Александровна, доктор филологических наук, профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии (Екатеринбург).

Малыгина Элеонора Владимировна, кандидат филологических наук, ассистент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Марьина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).

Медведев Сергей Алексеевич, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул).

Патоцка-Сигловы Уршуля, профессор Гданьского университета (Польша).

Полтавец Татьяна Александровна, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).

Прохорова Кира Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Сидорова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Трубникова Юлия Витольдовна, доктор филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Филиппов Владимир Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного социального университета (Москва).

Чернышева Нина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).

Чувакин Алексей Андреевич, доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).

Широких Ирина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).

Шмаков Артем Алексеевич, ассистент Алтайского государственного университета (Барнаул).